

Ксения Власова

РОКИКАРА

Young
Adult

МИФ

Red Violet. Темные миры

Ксения Власова

Рок и Кара

Москва

«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»

2023

УДК 82-312.9(470+571)

ББК 84(2Рос)6-445.13

Б58

Власова, Ксения

B58 Рок и Кара / Ксения Власова. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 352 с. — (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00195-815-4

Кара, юная принцесса в королевстве тринадцати кланов, никак не ожидала, что после смерти отца ее с сестрами ждет погребальный костер. Однако перед жертвоприношением брат нового короля по имени Рок предлагает девушке свою помошь. Сможет ли Кара восстать против традиций, довериться незнакомцу и побороться за престол?

УДК 82-312.9(470+571)

ББК 84(2Рос)6-445.13

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-815-4

© Ксения Власова, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

Моей дочери

Окружающие часто будут говорить тебе, кто ты. Каждый раз ты должна заглядывать внутрь себя и спрашивать: кто я на самом деле?

*Однажды ты перестанешь спрашивать.
Твой внутренний голос окрепнет,
он станет сильнее гула вокруг.*

Не ждите легкого и ненавязчивого сюжета — здесь вы его не найдете. Начало истории введет вас в заблуждение, середина заворожит, а финал потрясет.

*Алекс Анжело,
автор цикла «Мир Дэвлата»*

Эта история не о любви.

Не о магии, борьбе за власть и дворцовых интригах, хотя все перечисленное, безусловно, есть в тексте.

И все же прежде всего эта история о наших внутренних демонах. О том, что всегда найдутся люди и события, способные вытащить их на поверхность, и о том, сколько сил и жертв нужно, чтобы принять собственную тьму.

Никаких однозначных героев и простых решений.

Только Рок и Кара.

*Кристина Тэ,
автор романа «Моя темная королева»*

История, которая начинается как обманчиво легкое романтическое фэнтези, однако очень быстро разрушает эту иллюзию и предстает в совершенно ином свете.

Здесь нет ничего легкого и простого. Жестокая история о решениях, которые герои вынуждены принимать, стоя на самом краю. О внутренней тьме и борьбе с ней. Пути назад нет, только вперед, несмотря на последствия и сожаления.

*Алина Melanchallina,
создатель сообщества «Чердак с историями»
и книжный скаут*

Часть I Дебют

Глава 1

Начало шахматной партии называют дебютом. В этот момент в игре участвуют все тридцать две фигуры, поэтому эту часть партии считают самой сложной. Правильно разыгранный дебют зачастую обеспечивает игроку победу.

1487 год, 8-й месяц, королевский замок Тринадцати кланов

Отец назвал меня Карой. Я думала, потому, что родилась первенцем — девчонка вместо долгожданного сына. Наверное, это был удар для гордого отца, мечтавшего продолжить славную династию воинов-королей. Именно поэтому он не брал меня на руки первые три года моей жизни ровно до того времени, пока мама не подарила ему второго ребенка — мальчика. Лишь тогда отец, получивший то, что так сильно жаждал, — сына, названного Светом, — смилиостивил-

ся: меня стали замечать, трепать по голове и разрешать играть с борзыми из его охотничьей стаи. Последняя привилегия оказалась лишней — шрамы на руках от собачьих клыков тому подтверждение.

Свет так и остался единственным сыном. После него родились еще три девочки, последняя умерла при рождении и унесла с собой жизнь нашей матери. В год, когда ее не стало, мне минуло двенадцать, и я начала догадываться, что причина нелюбви отца кроется не в том, что я принадлежу к женскому роду. В конце концов, он выбрал мне страшное имя — Кара богов, в то время как сестры отделались более снисходительными — Ирония и Шутка.

Я помню, как впервые услышала перешептывания слуг — едва различимые, как шелест листвы на ветру, и леденящие, словно снег в зимних горах, зачерпнутый голой ладонью.

- Волосы-то светлые, даже брови белесые.
- Вылитая белая лисица!
- Львиного в ней кот наплакал.
- Не наша она, чужая!
- Крови, видали, как боится?
- При ней курицу зарезали, она разревелась.
- Не львица, ох, не львица она!
- Позорище!
- Не позорище. Кара.
- Правильно король ей имя дал. Уж он-то знает, чья она, эта байстрючка, но молчит.
- И будет молчать. Стыдно льву попасться в расставленный капкан. Лучше сделать вид, что и капкана никакого не было.

— Звать его Первым. Не признается он, что стал вторым.

В тот день я долго пряталась на самом дальнем поле, свернувшись клубочком среди высоких колосьев ржи. Смотрела на чистое голубое небо и звала маму. Она бы объяснила, почему я не похожа на брата и сестер, почему люди не доверяют мне и смотрят свысока.

Но мама не пришла. Она не смогла спуститься с небосвода, где уже заняла свое место в семейном созвездии Рыжего Льва.

Когда желтые колосья лизнули луци заходящего солнца и небо окрасилось в багровый цвет заката, я встала с примятой травы и отправилась домой. Сумерки же шли по пятам, наступая на мою тень.

С тех пор я больше не плакала — все равно никто не утешит, не прижмет к теплому плечу, а раз так, то и ни к чему слезы лить. Я твердо решила с честью и достоинством пройти тот путь, что уготовили мне предки-звери, которых мы все чаще зовем богами.

Не знаю, какой именно первородный зверь мне покровительствовал, но в итоге моя жизнь сложилась лучше, чем я себе представляла, лежа в поле, укрытая от посторонних глаз золотом колосьев.

Деликатный стук в дверь прервал череду воспоминаний. Я не успела отложить в сторону вышивку, в замысловатый узор которой всматривалась, пока разум гулял по коридорам памяти, и иголка осталась наполовину воткнутой в полотно. Порог переступил брат, и я поспешила вскочить со стула.

— Мой король. — Я склонила голову.

— Еще пока не король, — поправил он и восхищенно, совсем по-мальчишески цокнул языком. — Не думал, что когда-нибудь скажу нечто подобное, но Кара, как же к лицу тебе траур!

Я неловко оправила одной рукой платье (в другой была зажата вышивка). Полностью глухой наряд открывал чужому взору лишь краешек шеи, но все равно казался дерзким. Почему-то алый — цвет крови, цвет траура — всегда смотрелся на мне, белесой девчонке с невзрачным лицом,зывающе, а по словам Ника, и вовсе соблазнительно.

Я, принимая комплимент, благодарно присела в низком реверансе.

Свет отмахнулся. Он, возможно, в силу молодости или врожденной мудрости снисходительно относился к правилам этикета. Реверансы и поклоны оставляли его равнодушным — тщеславие не было слабостью моего брата. Иногда мне казалось, что слабостей за ним вообще не водилось.

Свет подошел ближе и взглянул мне в глаза. В свои пятнадцать он все еще продолжал тянуться вверх, но уже сейчас сравнялся со мной по росту. Только в отличие от меня, тонкой и слабой, брат, как и положено молодому льву, был хоть и поджар, но не болезненно худ. Широкие плечи, сильные руки, тренированное тело — Свет только входил в пору своего расцвета, но уже сейчас в нем чувствовалась порода. Через несколько лет он станет настоящим воином — опорой и гордостью клана, королем, перед которым будут преклоняться по зову сердцу, а не из чувства долга.

— Кара, у тебя такие черные тени под глазами, что их видно даже с порога. Ты снова не спала всю ночь?

Я промолчала, лишь виновато опустила ресницы. Свет нахмурился.

— Отец покинул нас семь дней назад, мы все по нему скучаем. Но кто бы мог подумать, что сильнее всех тосковать будешь ты.

Я обиженно поджала губы. Его слова прозвучали так, будто мне отказали в праве горевать по отцу. Свет, по натуре внимательный и чуткий, несомненно, заметил мою гримасу и поторопился пояснить сказанное:

— Это не значит, что я насмехаюсь над твоим горем. Я лишь замечаю, что оно глубже, чем могло бы быть у той, кому отец уделял меньше всех внимания.

Он ласково коснулся моей щеки, и я, прижавшись на мгновение к его ладони, перехватила руку. К несчастью, я забыла о вышивке, которую по-прежнему держала, и острие иголки впилось брату в палец. Свет отдернул ладонь; на указательном пальце, совсем близко от краешка ногтя, медленно выступала капелька крови.

— Священные предки! Прости! — От волнения я забыла все правила этикета. Теперь передо мной стоял младший брат, а не будущий король.

— Все в порядке. Всего лишь царапина.

Я не слушала его. Машинально оглянувшись по сторонам (пустая осторожность, в комнате мы были одни), обхватила его запястье правой ладонью, чтобы призвать дар, а левой медленно провела над ранкой. Когда я убрала руку, крови не было. Как и следа укола — чистая, целая кожа, ничего больше.

— Спасибо, — поблагодарил брат, — но, честно говоря, это было пустое. Жаль тратить твой дар зазря.

Я не ответила. В голове вертелись слова позабытой старой приметы. Я могла припомнить лишь обрывки фраз, но суть предостережения. Кровь перед ритуалом — к чему она?

— Ты всегда беспокоилась обо мне больше, чем требовалось. Я буду вечно благодарен тебе за это. В твоем лице я мог бы обрести злопамятного врага, но ты стала моим самым преданным другом.

Я невольно приоткрыла рот — брат всегда был искренен, но таких слов я от него еще не слышала. Всматриваясь в его светло-карие глаза, любуясь медью рыжих волос, я гордилась им. Он был тем братом, о котором я боялась и мечтать. Свет никогда не обижал меня, всегда защищал от пересудов, и благодаря его поддержке меня перестали дразнить белой лисицей. Даже за глаза — я знаю, специально подслушивала разговоры слуг на кухне после вечернего костра. Я не помню, как именно мы подружились. Время стерло из памяти детали. Кто сделал шаг первым, кто первым обратился по имени — все это осталось в омутах воспоминаний, надежно укрытое паутиной и присыпанное пылью давности событий.

Важно другое. Свет стал мне опорой, самым близким и дорогим человеком. Единственным человеком, которому я доверила свою страшную тайну. Он согласился хранить это знание еще совсем ребенком и до сих пор продолжал выполнять свое обещание.

Клеймо «ведьма» хуже, чем «лисица». Ведьм и колдунов изгоняли из города. Им не было места среди

обычных людей. То, что Свет называл даром, считали наказанием богов. Способом пометить паршивую овцу в стаде. Все понимали, что такая сила добра не принесет, только беду накликает.

Если человек не покидал город добровольно, дорога у него была лишь одна — на плаху.

Я не хотела для себя ни первой, ни второй участии. Я жаждала иного — семьи и детей. И брат согласился с моим решением. Позволил мне самой выбирать свой путь — немыслимая удача для девицы, пусть и благородных кровей.

Свет взял меня под локоть, и мы покинули мои покои. Уже на пороге он шепнул мне на ухо:

— Сегодня ко мне приходил Ник.

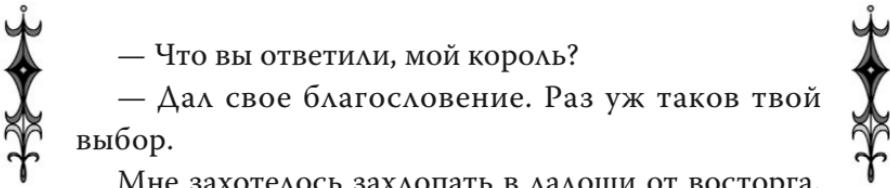
Брат замолчал и хитро улыбнулся. Я едва удержалась от того, чтобы не дернуть его за рукав, — нетерпеливо и совсем неподобающе для старшей принцессы.

— О чём же он просил? — как можно спокойнее поинтересовалась я. Мы шествовали по просторному холлу в сторону выхода из дворца. За нами бесшумно следовала охрана. Одним из стражей, коротко улыбнувшимся мне у двери, был Ник.

Его полное имя звучало как Защитник, и оно, признаюсь, ему очень шло.

— О самом драгоценном сокровище, Кара, — о твоей руке, — чуть посмеиваясь и тепло поглядывая на меня, ответил брат.

Внутри меня что-то ухнуло, а затем взлетело, рассыпавшись спнопом разноцветных искр. Чувствуя, как скуль опалил яркий румянец, и стараясь не выдать своего волнения, я тихо спросила:

— Что вы ответили, мой король?

— Дал свое благословение. Раз уж таков твой выбор.

Мне захотелось захлопать в ладоши от восторга. Я едва удержалась от радостного и победного вопля. Ник — моя любовь, человек, на которого я с трепетом смотрела уже два года, — сделал мне предложение. И, что еще важнее, брат одобрил его. Такое решение было бы немыслимо при отце. Тот скорее отправил бы меня в соседний клан в качестве залога своего доброго отношения, чем оставил дома и позволил выйти замуж по любви. Впервые я подумала о смерти отца без тоски и тут же устыдилась. Для той, кто заживляет раны, недостойно благодарить Зверя, что их наносит.

Мы вышли из дворца, преодолев просторную лестницу с массивными ступенями, и оказались во дворе, заполненном гостями и слугами. Раздался рев трубы и грохот барабанов. Толпа застыла в низком поклоне, приветствуя будущего короля. Я тоже сделала реверанс и отошла чуть левее — к сестрам, которым было не по себе даже под присмотром матрон.

— Мы правда поедем верхом? — немного испуганно спросила Ирония. Ей на днях исполнилось одиннадцать, но она до сих пор боялась лошадей — в детстве кобыла сбросила ее с себя и изрядно напугала.

— Да, Рони, такова традиция. Мы отдаем дань памяти предкам, жившим дико и свободно. — Я аккуратно, чтобы не испортить сложную прическу, погладила сестру по голове. Ее рыжие локоны сияли на солнце, окаймленные ободом из полевых цветов. Мои же тонкие, словно выбеленные волосы были заплете-

ны в строгую косу — символ женского старшинства в семье. — Я буду рядом, милая. Ты не упадешь.

— Скорее бы все увидеть! — непосредственно воскликнула вторая моя сестра Шута, пока Рони, наспившись, настраивала себя на сложное испытание.

Шута была младше Рони на два года и обожала животных, но еще больше ее привлекали скачки и соревнования на скорость.

— А вот ты, юная леди, поедешь со мной. — Я погрозила ей пальцем. — Я помню, чем закончилась твоя последняя прогулка. Больше никаких сломанных рук!

— Она же быстро зажила, — буркнула себе под нос Шута, и я едва удержалась от желания просветить сестру, почему ее рука так быстро и безболезненно срослась.

Мне подвели коня — самого смиренного и послушного на конюшне. К счастью, женщинам позволяли седлать своих скакунов, иначе бы к месту проведения ритуала я не добралась — боялась лошадей еще больше, чем Рони. Ехать на голой спине резвого коня без всякого седла, как это делали сегодня мужчины, отдавая дань традициям, я бы точно не смогла.

Я запрыгнула в мужское седло. Юбка задралась, обнажая ноги, но собравшаяся во дворе толпа не получила свою долю зрелищ — до самых колен на меня были натянуты тонкие сапоги в цвет платья: приличия я чтила всегда, даже тогда, когда они казались мне верхом глупости. Один из слуг поднял Шуту на руки, и я перехватила ее, усаживая перед собой. Она тут же радостно запустила пальцы в рыжую гриву коня.

— Привет, Шустрик!

Я вздохнула. Радость Шуты лишь усиливала чувство неясной тревоги, что зародилось внутри после того, как я случайно уколола брата.

Процессия тронулась, и я поспешила занять свое место — по левую руку от Света, на полкорпуса позади него. За мной, недовольно сопя, — так, что слышали, кажется, все окружающие, — ехала Рони. Я сделала себе мысленную заметку поговорить с ней о манерах. То, что простительно Шуте, уже не может сходить с рук Рони в силу ее возраста.

Я как будто случайно оглянулась. Сзади меня ехал Ник. Его темно-каштановые волосы были забраны в высокий хвост — прическу воина. Одежда также отличалась лаконичностью и удобством. Я поймала себя на мысли, что мне нравятся его простые узкие штаны и высокие кожаные сапоги, и покраснела.

— Кара, а Света не убьют? — понизив голос, спросила Шута.

Я скосила на нее глаза. Выглядела сестра встревоженно. Значит, отвечать придется серьезно.

— Нет, милая. Ритуал перед коронацией — всего лишь традиция. Уже давно никто не пользуется правом вызвать будущего короля на поединок.

— А вызвать на бой может кто угодно?

Я вздохнула. Разговор начинал меня раздражать, почему-то перед глазами то и дело всплывала картина выступившей у брата капли крови.

— Нет, милая. Только вождь клана или его старший сын.

— И почему никто больше не дерется?

— Нет необходимости, милая.

Я не хотела объяснять маленькой сестре нюансы. Бой всегда шел до смерти одного из противников, впрочем, не это пугало потенциальных соперников. В случае поражения проигравший навлекал смерть на своих близких. Вслед за ним самим от рук нового короля погибала вся его семья, включая стариков и детей. Таково было условие предков — за смелость и тщеславие следовало платить кровью своего дома. Конечно же, эта история была не для ушей девятилетней девочки.

Место проведения ритуала всегда оставалось неизменным — бурная горная река, бегущая по дну узкого горного ущелья. По обе стороны от нее, словно под природным навесом, нас уже ждали кланы — все двенадцать.

Свет спешился, и снова запели трубы. К звукам инструментов присоединился слаженный хор человеческих голосов. С каждой минутой он все отчетливее складывался в единый приветственный крик-рык, разбавленный нарастающим шумом барабанов.

Мне помогли опуститься на землю, и я вместе с сестрами укрылась в тени скал — летнее солнце палило нещадно. Река не была ничем огорожена — границами места для боя служили ее берега. Я оценила силу течения и невольно слотнула.

«Пустое. Это лишь традиция».

Свет поднял руку, и музыка смолкла, как и человеческий гомон. Я снова залюбовалась братом — высокий, ладный, в просторной алой рубахе и штанах, подчеркивающих его фигуру, он был по-настоящему красив, как может быть красива лишь молодость. Свет

улыбнулся и, чуть склонив голову, подошел к жрецу, стоявшему по колено в воде.

— Сегодня мы проведем коронацию Света из клана Рыжего Льва, — выждав паузу, раскатисто начал жрец. Его голос, лишенный старческого дребезжания, разнесся по ущелью. — Если есть кто-то, имеющий смелость бросить ему вызов, пусть ступит в реку или навек склонит голову.

Я затаила дыхание. В груди часто-часто забилось сердце. Я смотрела на спокойно улыбающегося Света, и мне было тревожно. Теряясь в смутном предчувствии беды, я скользнула глазами дальше — за реку, на ту сторону ущелья — и вздрогнула, когда встретилась взглядом с высоким молодым мужчиной в черном. С такого расстояния я не могла различить его лица — только знамя клана с изображением Черного Медведя, но почему-то была уверена, что незнакомец смотрит именно на меня и выражение его хищное, оценивающее.

Взволнованная этим взглядом, я не сразу заметила того, что случилось. Я вскинула голову и посмотрела на реку слишком поздно — в воду уже медленно ступил мужчина. Я увидела его суровое, с печатью упрямства лицо, мощные плечи, тяжелое тело с канатами вздувшихся мышц на руках, и мне стало дурно — я узнала его. Никогда не падала в обмороки, но при виде соперника брата мне захотелось съежиться и совершенно по-детски уткнуться лицом в колени.

— Кто ты? — недрогнувшим голосом спросил жрец.

— Меня зовут Воин. Я старший сын вождя клана Черного Медведя.

Я, заледеневшая изнутри и потому странно спокойная, перевела взгляд на ту сторону реки и нашла его отца. Зрение могло подвести, но мне показалось, вождь клана пребывал в таком же замешательстве, как и все остальные. Рядом с ним стояла молодая женщина, в ужасе обхватившая свой огромный беременный живот, — невестка. Я пожалела, что так редко выезжала из дворца и так мало участвовала в приемах — имя жены Воина выветрилось из головы напрочь.

— Что ж, Воин, ты бросаешь вызов Свету — сыну короля?

— Бросаю.

Повисла пауза, а затем вновь раздался голос жреца:

— По правилам оружие выбирать тебе. Твое слово?

— Охотничьи ножи.

Мне захотелось закричать. Брат был неплохим бойцом, но не мог тягаться с Воином в силу возраста. Тот был старше. Преимущество в опыте и силе оказалось не на стороне Света. А тут еще ножи! С ними брат не дружил. Вот пики — те были ему по духу.

Я в страхе закрыла глаза. Мою правую руку схватила Рони, левую — Шута, и я заставила себя отбросить панику и действовать. Медленно открыв глаза, посмотрела на брата и уже не отводила от него взгляда.

Без физического контакта у меня не сразу получилось почувствовать Света. Я слишком редко прибегала к своему дару и почти всегда использовала для этого прикосновения. Легкие, невесомые, они открывали мне внутренний мир человека. Не тот, где можно рассмотреть душу, нет. В том, в который проваливалась

я, видишь лишь человеческие потроха. В прямом смысле этого слова.

По спине прокатился холодок, и я вздрогнула. Опасность я всегда ощущала именно так — ледяным покалыванием, отзывающимся дрожью в кончиках пальцев.

«Кто-то сегодня умрет».

Эта мысль заставила забыть обо всем, кроме того, что действительно было важно. Удар сердца, еще удар. Я сосредоточилась на собственном сердцебиении, чтобы затем с одним из вздохов слиться с окружающим меня шумом. Барабаны, плеск воды, крик пролетающей мимо птицы — я была везде и одновременно нигде. Еще удар сердца, резкий вздох-всхлип, сорвавшийся с губ, и я нашла то, что искала. Река жизни вытолкнула меня на нужный берег. Мое дыхание замедлилось, а затем слилось с дыханием брата, которое становилось все более прерывистым. Я смотрела на Воина и Света, кружящих, как коршуны, друг подле друга, но видела другое — кровь. Бескрайнее море горячей алой крови, бегущей по каналам, которые так сильно напоминали стволы деревьев с их раскидистыми ветвями. Рисунок, что они создавали, подрагивал, пульсировал жаром. Он притягивал меня, как свет маяка заблудшие в ночи корабли.

Я уже не видела того, что происходило во внешнем мире. Меня полностью поглотил внутренний. Я была с сестрами, держала их за руки, но вместе с тем находилась в совершенно ином месте.

Раз, два. Удар сердца, еще удар. Прежде я не заглядывала так глубоко. Переплетя свои пальцы с пальца-

ми сестер, я мысленно устремилась в самое средоточие жизненной силы Света. Туда, где ветвистый узор превращался в нити, рассыпающиеся черным пеплом от соприкосновения с жаром раскаленной кочерги.

Не дать нитям распасться, узору с полотном — обуглиться и разойтись. Я завязывала узелки так быстро, как могла. Это было тяжело — рана, полученная братом, мало напоминала те пустяковые проплешины на рисунке жизни, что я с иголкой в руках чинила прежде. Я не думала о том, насколько аккуратными и крепкими получаются стежки. Не до того. Продержаться, дать брату силы на поединок. А после его победы я все исправлю, обещаю.

Ниточка к ниточке, узелок за узелком. Ни разу прежде мне не приходилось делать ничего подобного, но, когда раздался восторженный вопль зрителей, я поняла: получилось. Брат, несмотря на ранение, продолжил сражаться.

Внезапно барабаны стихли. Меня обступила гнетущая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием сестер. Раздался громкий всплеск воды, когда кто-то из соперников ушел под воду.

Я сразу поняла, что им оказался Свет.

Нити жизни распадались в моих руках. Они истончались, оставляя вместо себя лишь пепел. Слишком много черных пятен на рисунке жизни. Слишком много... Я металась, пытаясь залатать узор, но не успевала. Я была слишком слаба для такой работы. Мне не хватало дара или, возможно, опыта, чтобы поспеть за всем. Я ненадолго вынырнула в настоящий мир, чтобы взглянуть на Света обычным зрением. Брат

медленно поднялся из-под воды. На плече виднелась глубокая рана, но она пугала не так сильно, как сочавшийся кровью бок. Свет, стоя на покачивающихся от слабости ногах, обвел взглядом берег с застывшими на нем зрителями. Воин позволил ему это сделать, а затем...

Толпа вскрикнула, я покачнулась. Я уже знала то, что для других станет открытием: рана, нанесенная Воином, оказалась смертельной. Для моего брата все было кончено, но я не хотела в это верить.

Я жаждала все исправить. Собрать пепел и им начертить новый узор. Ведомая страхом, злостью и отчаянием, я сделала то, чего делать было нельзя: сплела нити брата с собственной жизнью.

— Кара, у тебя кровь течет из носа, — испуганно прошептала Рони.

Я вытерла нос пальцами, чувствуя, как на них осталось что-то теплое и липкое. Перед глазами все плыло, я видела лишь расползающийся узор собственных нитей.

С каждым мгновением он становился тоньше, бледнее. Сила, что раньше питала меня, ис��ала — будто река поменяла русло и воды хлынули в другой источник.

Я стиснула зубы, сдерживая крик. На грудь словно опрокинули котел раскаленного свинца. Дышать стало больно, почти невозможно.

— Кара, у тебя под ногтями тоже кровь...

Я снова ощущила на себе чужой взгляд — ищущий, встревоженный. Он принадлежал не сестре и букваль-

но вырвал меня из океана боли, в котором я растворялась.

Я отчетливо поняла, что, если не отпущу Света, сама шагну за ним. Только благодаря мне его сердце еще бьется, но каждый жадный вдох брата лишь оттягивает неизбежное. И цена этой отсрочки — моя жизнь.

В этот момент я согнулась, не в силах сделать вдох. Удар в живот был настолько болезненным, будто его нанесли мне, а не брату. Это оказалось слишком. Нашу тонкую связь будто с размаху разрубили топором, и я потеряла брата. Во всех смыслах. Я больше не видела Света изнутри, но и снаружи мой взгляд его не отыскал — брат с головой ушел под воду.

Кажется, я закричала. Не знаю зачем. Я уже понимала, что он ничего не чувствует, последний удар сердца раздался, когда порвались связывающие нас нити.

Как в вязком кошмаре, я наблюдала за соперником. Тот нырнул, а затем встал над водой с телом брата. Если у толпы еще оставались сомнения, то я знала наверняка: Свет уже не очнется.

Минуты показались часами. Жрец склонился над телом Света, опустил голову ему на грудь в надежде поймать прерывистое дыхание, а затем тяжело поднялся. В наступившей тишине он чуть надломленно, но достаточно громко, чтобы услышали все, провозгласил:

— Поединок окончен. Свет, сын короля, погиб. Воин, одолевший его в честном бою, может готовиться к коронации. Если через три дня никто небросит ему вызов, он станет королем Тринадцати кланов.

Жрец первым опустился на одно колено перед победителем поединка, а за ним и все остальные. Я рухнула на землю, не видя ничего и никого вокруг. Впервые в жизни я упала в обморок, но, признаться, была этому даже рада.

— Кара, нас убьют на рассвете?

— Нет, милая. Нам дадут три дня на молитвы и скорбь и лишь по истечении этого времени отправят к предкам-зверям.

Шута прижалась ко мне справа, Рони — слева. Первую ощутимо потряхивало, она не замолкала ни на минуту, вторая часто-часто всхлипывала, но молчала.

— Это будет больно?

Воин, заходивший час назад в мои покои, где нас с сестрами заперли (собственно, всего лишь приставили стражу ко входу, дверь на ключ никто не запирал, но легче от этого не становилось), отозвал меня в сторонку и сказал, что ему придется убить нас, — таковы правила. Смерть наша будет безболезненной, ибо он не желает нам зла. Нам дадут выпить яд, а затем отведут к ритуальному костру. К тому моменту, как наши тела заполыхают, распространяя по округе зловоние горелого человеческого мяса, мы уже будем мертвы.

Когда Воин произнес все это так же спокойно, как до того убил моего брата, — с равнодушием делового человека, выполняющего неприятную работу, — я подумала, что не могу даже вцепиться ему в горло. Я слабо

ба, он убьет меня на месте, но не это пугает. Как переживут свою участь девочки, оставшись без моей поддержки? Каково им будет в одиночку ждать смерти? Хватит ли смелости выпить яд, или, запаниковав, они взбунтуются и навлекут на себя более болезненную смерть?

Я смотрела в спину удаляющегося Воина, обнимала сестер и ненавидела. Ненавидела его за смерть брата, ненавидела себя за никчемность. Будь я мужчиной, меня бы с детства обучали воинскому мастерству. Будь я женщиной, могла бы вызвать своего врага на ритуальный поединок. Но я родилась женщиной. Всего лишь женщиной, и уже не имело значения, кем был мой отец и какой клан признал меня своей.

Закрытого окна коснулся сумрак ночи, но сестры все еще не легли спать, и я не гнала их в постели. Разложив любимую мамину мозаику в виде объединенного знамени Тринадцати кланов, мы собирали ее при свете одной-единственной свечи — больше нам не принесли, и требовать я ничего не стала.

Раздался стук, почти сразу оборвавшийся звуком распахнутой двери. Я подняла голову. В покой, аккуратно ступая тяжелой подошвой по толстому дорогому ковру, вошел молодой мужчина. Я вздрогнула. У меня не было уверенности, но что-то подсказывало, что передо мной тот самый человек, взгляд которого я поймала до начала ритуального поединка.

— Кара, дочь короля Первого?

— С кем имею честь? — Я встала с кресла и выпрямила спину. Удивительно, но незнакомец, снова одетый

во все черное, оказался выше меня на голову. Небывалый случай, учитывая мой немаленький рост.

Он замолчал, рассматривая меня. Я занервничала, за моей спиной испуганно притихли сестры. Стارаясь оставаться невозмутимой, я тоже сосредоточилась на внешности незваного гостя. Судя по знамени, под которым он стоял во время поединка, мужчина принадлежал клану Черного Медведя — клану победителя и будущего короля. Но незнакомец совершенно не походил на медведя.

Худощавый, даже субтильный, с тонкими чертами лица и кошачьей грацией, он отличался от своих невысоких и коренастых соплеменников, как ночь ото дня.

Я приметила, что черные волосы его не убраны в прическу и свободно лежат на плечах. Я нахмурилась. Что это могло значить?

Вблизи стало ясно, что, несмотря на высокий рост, добавляющий ему лет, он лишь немного старше меня самой.

Голубые глаза, холодные и пронзительные, внимательно изучали меня. Видимо, сочтя молчание затянувшимся, гость заговорил, и я только тогда заметила, насколько вкрадчив и обманчиво мягок его голос.

— Я двенадцатый сын вождя клана Черного Медведя.

— Воин — ваш старший брат, — скорее утвердиительно, чем вопросительно сказала я, совершенно забыв о манерах.

— Верно. — Он склонил голову и добавил, чуть усмехнувшись: — К сожалению.

Я промолчала, не желая поддаваться на эту явную уловку, но внутренне вся подобралась. Что-то должно было произойти, что-то важное — я чувствовала это.

И не ошиблась.

— Кара, я хотел бы поговорить с вами наедине. Но сначала позвольте представиться. Мое имя — Рок.

Я наконец вспомнила, о чем предупреждала позабытая за давностью лет примета: кровь перед поединком — скорая смерть, призывающая на дом неумолимый рок и тем самым полностью меняющая рисунок судьбы.

Глава 2

Целью шахматной партии является уничтожение конкретной фигуры — неприятельского короля. Тот, кто достиг этой цели, считается победителем.

Я вздрогнула и отвела взгляд от лица гостя — побоялась, что замешательство и животный страх перед чем-то мистическим промелькнет в моих глазах.

Вновь повисла пауза.

— Кара? — Рок напомнил о себе спокойно, без малейшего признака нетерпения или раздражения.

— Я согласна. Где вы хотите поговорить?

— Не здесь.

Он скинул с себя длинный черный плащ и, прежде чем я успела покраснеть или возмутиться, накинул мне его на плечи.

— Набросьте на голову капюшон и не поднимайте глаз от пола — именно они привлекают внимание.

— Слишком светлые? — предположила осмелевшая Шута. Она вышла из-за моей спины и теперь с любопытством изучала нашего гостя. Страха сестра больше не выказывала.

— Иди сюда, — зашипела Рони и дернула Шуту за рукав, заставляя ту вновь спрятаться за меня.

Что ж, хоть у одной из них есть голова на плечах.

— Нет. — Рок усмехнулся, заметив маневр Рони, и медленно проговорил, взвешивая каждое слово: — Дело не в цвете глаз — в их выражении.

Он сказал это, обращаясь к Шуте за моей спиной, но я поняла, что слова предназначались не ей.

Я обернулась к сестрам:

— Я скоро вернусь. Не волнуйтесь ни о чем и ложитесь спать, хорошо?

— Я не хочу спать. — Шута с разочарованием покосилась на Рока. Чем-то он ей приглянулся, а возможно, сестре не хотелось, чтобы я уходила.

Рони молча кивнула. Ее карие глаза были серьезны, на самом донышке в них можно было разглядеть не только страх, но и подозрение и звериную опаску перед более крупным хищником.

Рони взрослела. Это происходило слишком быстро: казалось, с каждым моим шагом по комнате, с каждым негромким рыком металлического льва, высекающего из часов двенадцать раз за день, она менялась — неуловимо становилась старше. Я не знала, хорошо это или плохо.

Рок вышел из покоев первым и молча придержал мне дверь. Я отметила это мимолетно, подумав, что его манеры, естественные и непринужденные, странно со-

четаются с внешностью — в нем было что-то отталкивающее и притягивающее одновременно. Я не обладала чутьем льва, но даже моя интуиция кричала об опасности. В Роке чувствовалась сила. Не та, к которой я привыкла, другая: вкрадчивая, мягкая, таящаяся глубоко внутри.

Он кивнул страже, и та послушно расступилась перед ним. Подошвы моих туфелек заскользили по коридору дворца. Рок выбирал темные закоулки, обходя парадные комнаты, и я понимала его.

Я не спрашивала, куда мы идем. В голове вертелись более важные вопросы. Я переживала за сестер. Не обидят ли их за время моего отсутствия?

Я послушно не поднимала глаз от дощатого пола. Когда он сменился сочной зеленой травой, с облегчением перевела дух, а потом и вовсе вскинула голову, всматриваясь в ночное небо с россыпью звезд на нем.

— Что вас смущает в моем взгляде?

Смелый вопрос. Смелость мне была не свойственна, поэтому я задала его, изучая созвездие Льва и стараясь унять бешено колотящееся сердце.

Рок чуть замедлил шаг, но не остановился. Не видя его лица, я хорошо представила усмешку, скользнувшую по тонким губам, — ироничную и немного горькую.

— У вас, Кара, прекрасные глаза, но это глаза жертвы.

— Жертвы?

— Той, кто спасает чужие жизни, но не может помочь себе.

Внутри меня все заледенело от страха. Он увидел мой дар на поединке, догадался о нем? Но почти сра-

зу холода уступил место пустоте. Разве теперь имеет смысл бояться?

Я моргнула, смахнула одинокую слезинку, скатившуюся из уголка глаза, и посмотрела на своего спутника.

— Кого же вы хотите из меня сделать, Рок? Ту, кто отбирает жизни?

— Для начала — королеву.

Я споткнулась, поскользнувшись на вечерней росе, и растянулась на траве. Рок наклонился и молча подал мне руку. Ночь была безлунной, и темноту разбавляла лишь мягкий свет звезд. Я с детства боялась темноты, страх всегда жил в моем сердце — не хватит пальцев обеих рук, чтобы перечислить все то, что пугало меня без всякой на то причины, но в тот момент страх отступил. Вдруг черные краски ночи показались мягкими и теплыми, и сквозь них пропустило лицо человека. Его голубые глаза смотрели выжидающе.

Помедлив, я подала ему руку, и он легко потянул меня наверх, помогая встать.

— Вы хотите, чтобы я стала женой вашего брата?

— Я хочу, чтобы вы убили моего брата.

На какое-то время я потеряла дар речи. Мы подошли к пшеничному полю — ближайшему к замку. Прямо перед ногами начиналось золотое море — бескрайние просторы пшеницы; колосья выглядели в ночи слишком тускло, но все равно величественно. За нашими спинами вилась утоптанная дорожка, петляющая среди зеленой равнины. По правую руку от меня одноко раскинул ветки могучий высокий дуб.

— Если я убью вашего брата, как же тогда стану королевой?

Я смотрела на дуб, боролась с желанием положить ладонь на его теплую толстую кору и не верила, что серьезно говорю об убийстве. Я, та, кто всегда залечивала раны, а не наносила их?

Рок прошелся вправо и сделал то, что я хотела: коснулся морщинистой коры дерева. Я не шелохнулась.

— Вы сразите брата в ритуальном поединке.

Встретив мой взгляд, он снова усмехнулся. На этот раз весело — видно, мое ошеломленное молчание его позабавило.

Я медленно подошла к дубу. Спрятала руки за спину и, рассматривая землю под ногами, выдохнула:

— Вы, должно быть, смеетесь надо мной?

— Кара, последнее, что я бы стал делать, — смеялся над вами. — Его глаза смотрели так, что я, на мгновение подняв взгляд на лицо спутника, снова принялась изучать травинки под носками туфелек. Никто никогда так не смотрел на меня. Даже Ник. — И поверьте, совсем скоро смеяться над вами сможет позволить себе разве что глупец.

— Женщины не имеют права бросать вызов.

— Если речь идет об обычном поединке. Вспомните, что говорится в свитках древних о ритуальном поединке.

Я напрягла память, но не смогла припомнить ничего конкретного. Меня не учили истории с той тщательностью, с которой это делалось для брата. Женщине куда более пристало готовить приданое, чем проводить время за чтением. Исключение делалось

разве что для божественного учения о предках-зверях.

А вот Свет частенько пропадал в отцовской библиотеке.

Свет... Я сглотнула ком в горле и выпрямила спину еще сильнее.

— О чем говорится в свитках?

— Забавно, как люди по-своему трактуют слова богов, а человеческая память стирает все, что не укладывается в привычную картину мира. — Он помолчал. На его ладони, лежащей на коре дуба, отчетливо проступали две тонкие синие линии вен. — Боги, наши предки-звери, завещали, что вождь клана или его первенец может оспорить права будущего короля и вызвать того на поединок, который и решит судьбу кланов.

— Первенец? — тихо спросила я.

— Первенец, и ни слова о том, женщина это или мужчина, — серьезно подтвердил Рок. — Никто из женщин этим правом так и не воспользовался, и оно оказалось предано забвению. Но упоминания о нем сохранились. Я нашел их.

«Женщины призваны дарить жизнь, а не отнимать ее».

Эти слова так и не сорвались с моих губ. В горле стало сухо. Мне понадобилось несколько минут, чтобы все осознать. Рок не торопил меня.

— Я не обучалась воинскому искусству. Ваш брат убьет меня, едва по ущелью разнесется звук барабана, призывающего к бою.

— Зачем воинское искусство той, в чьих руках нити жизни?

— Рок, вы... Вы... Этот дар нельзя использовать во вред.
— Разве? Есть такое правило?
— Это немыслимо...

— Жизнь и смерть — две стороны одной монеты. Если вы имели смелость путать карты самой Смерти, пытаясь отобрать у нее законную добычу, что мешает вам сделать твой подарок — принести жизнь своего врага?

Я судорожно слготнула. На лоб упала выбившаяся из косы прядка волос, но я не отбросила ее — руки словно онемели. Перед внутренним взором встал брат, такой, каким он был в день несостоявшейся коронации, — улыбчивый, спокойный, полный уверенности в своем будущем. Почти сразу он растаял, уступив место другой картинке: четырехлетний малыш, смеясь, убегает от меня по пшеничному полю — тому самому, где мы стоим с Роком. Я моргнула, и жаркий полдень, сухой теплый ветер и солнце, играющее в рыжих волосах маленького брата, исчезли, сменившись прохладой и сумраком ночи.

Я сжала правую руку в кулак. В душе поднялась черная липкая волна злости к тому, кто отнял у меня близкого человека. Она накатывала, становясь все выше, поднимаясь к горлу, и я испугалась, что захлебнусь. Отшатнулась от Рока, будто он мог столкнуть меня вниз, принести в жертву стихии, бушующей в моей душе.

— Это не мой путь, — твердо сказала я.
— Вы уверены, Кара?

И снова тишина ночи словно растворилась во мраке. Обступившую меня темноту прорезали голоса.

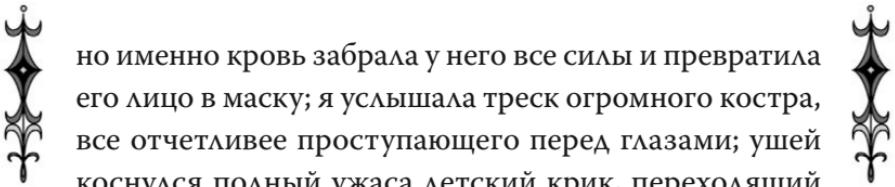

Я вновь услышала детский смех, на этот раз смеялись девочки — Рони и Шута. Их глаза весело искрились, а тонкие руки тянулись ко мне. Маленькие ладошки были доверчиво раскрыты.

Я пошатнулась. Рок, не сводящий с меня взгляда, чуть подался вперед, к моему лицу. Его мягкий голос стал еще ниже:

— Так что же вы выбираете, Кара?

Я спрятала лицо в ладонях. Жизнь и смерть лежали передо мной на разных чашах весов, и ни одна из них не перевешивала. Страх, растерянность, злость и обида, как прорвавшаяся плотина, захлестнули меня, высвобождая из памяти давно забытые моменты — редкие и бесценные, — сплетая их с теми, которые могли бы произойти, будь судьба ко мне более благосклонна. Я вспомнила такую смешную, но все равно лучезарную улыбку младшего брата, лишенную двух передних молочных зубов; теплоту его ладони, когда он клал ее мне на плечо, желая поддержать или утешить. Эти две картинки, как узор в калейдоскопе, смешились между собой и породили третью — ту, что так жаждало увидеть мое сердце: корона на голове моего брата, ярко сияющая щедрой россыпью драгоценных камней, но даже ее блеск не мог затмить его улыбку, обращенную ко мне и Нику. Затем узор покрылся трещинами. Я еще успела разглядеть двух сестер, заплетающих мне косу маленькими пальчиками, — неумело, но старательно, — и краски побледнели, выцвели, пока не осталось только два цвета: красный и черный. Я увидала перед собой кровь, окрашивающую воду в алый, она была почти незаметна на красной рубашке брата,

но именно кровь забрала у него все силы и превратила его лицо в маску; я услышала треск огромного костра, все отчетливее проступающего перед глазами; ушей коснулся полный ужаса детский крик, переходящий в плач, и, узнав голос Шуты, я вскрикнула сама и снова оказалась на краю пшеничного поля, возле векового дуба, в безветренной ночи, наполненной лишь тишиной и жемчужным мерцанием звезд.

— Кара?

Жизнь или смерть, смерть или жизнь? Разве у меня есть выбор?

Ирония состояла в том, что, выбирая жизнь своих сестер, я вместе с тем выбирала смерть, пусть и для другого человека.

— Я согласна убить вашего брата. — Я подняла голову и встретилась взглядом с Роком. Хотела бы я сказать, что уголки его губ изогнулись в хищной улыбке, — это бы позволило понять моего собеседника, но ничего подобного не случилось. Лишь на самом донышке лед его голубых глаз чуть потеплел. Впрочем, и об этом я не могла говорить уверенно.

— Мудрое решение, Кара. Стать королевой — ваша судьба.

— А какова ваша судьба, Рок?

— Стать королем и вашим мужем.

Небо едва не поменялось с землей местами — мне стоило больших усилий удержаться на ногах.

— Вы так уверены, что я соглашусь?

— Я нужен вам, Кара. Никогда прежде вы не использовали обратную сторону своего дара, верно?

— Вы... сможете научить меня?

Рок снова усмехнулся.

— Вам не нужен учитель. Вам необходим человек, способный разделить с вами весь путь — от начала до конца. Способный дать совет и снять с вас оковы, которые вы сами на себя надели.

Я ничего не поняла из его слов. Он говорил загадками, и если поначалу это завораживало и пугало, то теперь раздражало.

— Откуда вы знаете о моей силе?

Силе, что я считала проклятием, а Свет — даром.

— Потому что и сам отмечен этой скверной. — Он поймал мой ошеломленный взгляд и кивнул. — У меня тоже есть дар. Он не такой, как у вас, Кара, но я могу помочь вам.

Я смятенно посмотрела на колосья пшеницы, чуть посеребренные вышедшей на небосклон луной. Затем, осмелев, вернулась взглядом к Року. Я жадно всматривалась в него, впервые увидев кого-то похожего на себя.

— Вы тоже скрываете свой дар, — шепот слетел с моих губ, и я вздрогнула — не думала, что произнесу это вслух.

— Жизнь на задворках не для меня, — презрительно поморщился Рок, и это была первая его эмоция, которую я смогла безошибочно истолковать. Он оперся спиной о дуб и, подняв глаза к звездам, тихо добавил: — И не для вас, Кара.

Свет луны играл жемчужными бликами на его черных волосах, свободно лежащих на плечах. От высокой и худой фигуры исходила какая-то мистическая сила, и я невольно сделала шаг назад.

«Колдун!» — испуганно подумала я.

Рок отвел взгляд от неба, посмотрел на меня и, как будто прочитав мои мысли, рассмеялся — тихо и беззлобно. Щеки вспыхнули румянцем, я еще никогда не чувствовала себя так глупо.

— Так значит, — медленно проговорила я, стараясь забыть о неловкости, — наш брак — это ваше условие?

— Это единственное условие, которое я вам когда-либо поставлю.

— А если я откажусь?

— Вы лишитесь моей помощи. Поверьте, Кара, в играх с судьбой вам необходима моя поддержка.

Я так сильно закусила губу, что во рту появился слабый солоноватый привкус.

«Будь проклята эта корона!»

— Будьте осторожны в своих желаниях, Кара.

Мои губы потрясенно приоткрылись.

— Вы читаете мысли?

— Ваши — написаны у вас на лбу.

— Разве?

— О да. Вы подвержены страстям сильнее, чем кажется на первый взгляд. На вашем лице легко проступают те чувства, что вас обуревают. Главное — быть внимательным. Ну это всегда хорошо мне давалось.

Несмотря на злость, которая горячила кровь, я смущалась. Было до странного сокровенно услышать что-то подобное из уст мужчины. Тем более что в словах Рока сквозило плохо скрываемое одобрение.

Его привлекает чужая несдержанность?

— Так вы принимаете мое предложение, Кара?

Часто-часто дыша — так, что даже груди стало тесно в корсете, — я смотрела на Рока, протянувшего

мне руку, и кажется, прошла вечность, прежде чем я вложила в его ладонь свои дрожащие пальцы.

Он сжал их так сильно, до боли, что инстинктивно я попыталась отдернуть руку, и тогда его хватка ослабла. Мне показалось, что Рок бросил на меня смущенный и извиняющийся взгляд, но не могла ручаться за то, что истолковала его правильно, — лед в голубых глазах моего спутника по-прежнему скрывал все эмоции их обладателя.

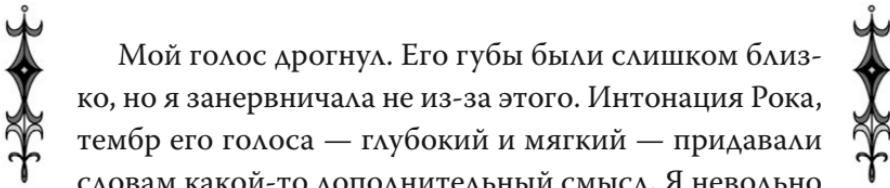
Рок потянул меня к себе. Будь движение более порывистым, я бы упала ему на грудь, стукнувшись о нее носом, но жест вышел мягким и плавным, и я сама не поняла, как оказалась перед спутником так близко, что ощутила исходящий от него аромат дикой мяты.

Я застыла, понимая, что нужно поднять голову и встретить взгляд Рока, как это подобает наследнице Рыжего Льва, — гордо и даже надменно, но вместо этого рассматривала влажную от ночной росы траву. Под носком моей туфли, смятый, но еще пока не уничтоженный, алел крохотный цветок Ночного Огня. Я торопливо сделала шаг назад, не желая стать виновницей чужой смерти.

Видимо, Рок воспринял этот жест на свой счет. Он крепко обхватил мое запястье, будто в попытке удержать меня на месте (моя рука все еще была в его руке), а затем медленно положил мою раскрытую ладонь на морщинистую кору дуба. Рок по-прежнему опирался спиной о дерево, и наши лица оказались друг напротив друга.

— Вы хотели урока, Кара? Можем считать, что он начался.

— О чём вы?

Мой голос дрогнул. Его губы были слишком близко, но я занервничала не из-за этого. Интонация Рока, тембр его голоса — глубокий и мягкий — придавали словам какой-то дополнительный смысл. Я невольно опустила взгляд, не в силах выдержать странной заораживающей силы своего спутника, но вместо того, чтобы вновь начать изучать землю под ногами, рассматривала его подбородок (узкий и совершенно не мужественный). Какая-то часть меня, более смелая и до этого молчавшая, шепнула, что я могу посмотреть на губы Рока прямо, не таясь, если таково мое желание. Жар снова опалил щеки, и, уверена, я вспыхнула до самых корней волос — румянец на моей бледной коже всегда был ярок.

— Сосредоточьтесь, Кара. Очистите голову от мыслей, даже если они волнуют вас и льстят мне. Если захотите, мы обсудим их позднее.

«Колдун!» — снова подумала я и с трудом подавила желание потянуться к берегу.

Над ухом раздалось легкое хмыканье, и я поежилась.

— Вы много раз выдергивали нож из плоти, так попробуйте вонзить его в нее.

— Простите?

— Закройте глаза, Кара. Ну же, перестаньте колебаться и доверьтесь мне.

Прошло, должно быть, не меньше минуты, прежде чем я с бешено колотящимся сердцем последовала его совету. В присутствии Рока мне меньше всего хотелось чувствовать себя беззащитной.

Как только я закрыла глаза, все прочие чувства обострились. Слух уловил не только стрекот сверчков и да-

лекое уханье полевой совы, но и дыхание стоящего рядом мужчины — оно лишь казалось спокойным, на самом деле в его выверенности чувствовалось напряжение.

— Хорошо. Теперь посмотрите на дерево своим внутренним взором. Что вы видите?

Я видела жизнь. Бесконечное множество троп жизни разбегалось от самого корня дерева, расходилось по мощному стволу, устремлялось ввысь в ветви и заканчивалось в зеленых листьях с едва заметно пульсирующими жилками. Дуб, внешне неподвижный, внутри сотрясался от брызгущей в нем силы. Эта сила была не мертвая, а самая что ни на есть живая — горячая, острыя, кипучая.

— Кара, что вы видите?

Вопрос Рока вернул меня в реальность. Хрупкое чувство счастья и трепет перед чем-то по-настоящему прекрасным рассыпались, как стекло под сапогом солдата. Чувство потери прокатилось по душе, и я разозлилась.

— Вы не поймете.

Я не хотела грубить. Это вышло случайно. Впрочем, Рок едва ли обиделся. Я даже не успела испугаться резкости своего ответа, как уха коснулся шепот:

— Вы первый раз выпустили когти, Кара. Пожалуй, я буду считать это маленькой победой.

Я хотела спросить, что привлекательного в наглости, но поостереглась так откровенно провоцировать своего нового союзника. Что бы он ни говорил, я чувствовала себя мышью, угодившей в лапы к лисе. Со мной играли, давали ложное ощущение свободы, но конец был уже предрешен, и я не хотела ускорять его приход.

Я смотрела на нити жизни, поэтому не видела Рока, да и, признаться, в этот момент не хотела видеть — одним своим присутствием он привносил хаос в идеальную картину мира. Того мира, что нельзя было увидеть глазами, — только почувствовать.

— Вернемся к нашему уроку, Кара. — Рок сделал паузу, а затем спокойно сказал, даже приказал: — Высушите этот дуб.

— Что? — Я все еще видела иным зрением, поэтому обернулась в темноту. Из чернеющей пустоты вновь раздался бархатистый голос моего спутника:

— Вы слышали.

— Зачем? — Губы слушались с большим трудом, я почти шептала. — Что он вам сделал?

— Дуб? Кара, не глупите.

Потребовалось тринадцать ударов сердца (я считала), чтобы восстановить самообладание. Я знала, как глупо выглядит мое сопротивление со стороны. Еще в детстве я поняла, что слишком чувствительна. Надо мной смеялись даже дети слуг, когда я отворачивалась и плакала при виде заколотого поросенка. Весь мир был пронизан нитями жизни, и я, даже не соприкасаясь с ними напрямую, ощущала их жар. Он становился невыносимым, когда нити рвались и сгорали, превращаясь в черный пепел.

Прошло немало времени, прежде чем я научилась хотя бы немного отстраняться от этого чувства. Оно больше не приносило физической боли, но все еще наводило ужас, пробирало до дрожи, заставляло падать в неизвестную мне тьму и бродить там в поисках выхода.

— Как вы хотите убить моего брата, если не в силах отнять жизнь даже у дерева?

Рок был прав, и понимание этого приводило меня в отчаяние. Я знала настоящую цену жизни. Я видела ее святость.

А теперь сама собиралась растоптать то, что прежде оберегала как святыню.

Повернувшись обратно к вековому дубу, я прислонила лоб к его теплой коре, всем существом чувствуя бурлящую под ней жизнь. Я медленно провела ладонью по стволу дерева, пальцы подрагивали. Жилки, тонкой паутинкой просвечивающие на зеленых листьях, забились, словно моля о пощаде. Глазам стало колко, а щекам — мокро. Я беззвучно плакала.

— Докажите мне, что вы сможете.

В словах Рока мне почудилась угроза — завуалированная, мягкая, как и его манеры. Он хотел проверить мой дар. Несмотря на страх и сопротивление, я понимала: Рок прав. Я никогда не убивала. Так получится ли у меня это с первого раза?

— Всего лишь короткий урок, Кара. Не более.

«И чья-то жизнь».

Слезы все еще текли по щекам, но решение было принято. Внутренне содрогаясь, я сделала глубокий вдох и резко потянула одну из нитей жизни, пронизывающих дуб, а затем стремительно оборвала ее. Кора дерева словно потускнела, борозды на ней проступили отчетливее и стали глубже.

Рок сменил положение, теперь он стоял за моей спиной. Его молчание было столь многозначительным, что я зажала рукой рот, — не хотела, чтобы он уловил мои всхлипы.

Что за проклятье слышать дыхание жизни, ощущать ее трепет и теплоту? Почему оно досталось именно

мне, почему? Не имей я его, и чья-то смерть не становилась бы для меня пламенем, в котором сгорала моя душа.

Одну за другой я разрывала нити жизни, они тускнели, а затем чернели, будто опаленные огнем. Дерево заскрипело, его листва начала желтеть и торопливо опадать.

— Вы видите, Кара, видите? — В голосе Рока впервые прорезались легко угадываемые эмоции: восхищение, трепет, ликование. — Теперь вы понимаете, кто вы на самом деле? На что способны? — Он наклонился ко мне, щеки коснулись сначала черные волосы, обрамляющие лицо спутника, затем — его горячий шепот: — Не останавливайтесь. Прошу вас, Кара.

Эта тихая просьба, больше похожая на мольбу, была настолько неуместной, но я невольно всем сердцем рванулась ей навстречу. Больше я не медлила. Хочешь убить — не мучай, ведь так? Это же можно назвать милосердием?

Пара мгновений — и шум кроны над головой уступил место дурманящей тишине, даже стрекот сверчков исчез, растворился в оглушающем молчании ночи. А еще мгновение спустя часть коры под моей ладонью осыпалась трухой. Перед внутренним взором вспыхнула и обуглилась последняя зеленая нить. За ней осталась чернеть пустота.

Я отдернула руку от дерева и поникла. Спина сгорела — не осталось сил держать ее прямо.

— Посмотрите, Кара. — Рок совершенно возмутительным образом, позабыв о манерах, обхватил меня за плечи и встрихнул. — Посмотрите, как это прекрасно!

Его слова можно было бы считать насмешкой, если бы не благовение, звенящее в них молодой сталью.

Я подняла голову и встретилась взглядом с Роком. Его глаза, прежде холодные, сияли тепло и мягко. Теперь я могла сказать уверенно: лед в них дал ощущимую трещину. Чувствуя на себе взгляд, я посмотрела вдаль. Сначала я увидела пшеничное поле со склоненными к земле колосьями — в свете выглянувшей на небосклон луны зрелище завораживающее, но сейчас оно не могло пленить меня. Я заставила себя обернуться. То, что я с помощью дара видела как пустоту, в реальности оказалось высохшим деревом. Дряхлым, безжизненным, но все еще величественным. Лишенный листвы дуб по-прежнему стремился к небу, но теперь будто грозил ему острыми мертвыми ветками, выставленными, словно когти у ощерившегося хищника.

Неожиданно я поняла, что имел в виду Рок: в смерти тоже была своя красота, и эта красота — часть гармонии, которой я любовалась несколько минут назад.

— Вы только на пути к себе, Кара. — Я не оглядывалась на Рока. Его голос показался хрипловатым и как будто взъявленным, но и тогда я не нашла в себе смелости открыто посмотреть на своего спутника. Странное, неведомое раньше чувство противоречия сковало меня. — Это лишь первая ступень, но я помогу преодолеть вам подножие, а затем подняться и по самой лестнице так высоко, как вы того пожелаете.

— А вы? Как высоко хотите подняться вы?

Я все же взглянула ему в лицо. Я надеялась, что кажусь равнодушной, но знала, что под подолом

красного платья колени трясутся и подгибаются, и дело было не в настигшем меня смятении. Применение дара истощило мои силы, и теперь больше всего на свете мне хотелось прилечь. Даже думала я с трудом, как будто голову заволокло туманом.

— Этот разговор не для сегодняшнего вечера. — Рок снова улыбнулся мягко, снисходительно. Восхищение, растопившее лед в его глазах, исчезло, уступив место прежней отстраненности. — Мы вернемся к нему, когда вы будете готовы. Я могу лишь заверить, что взлечу не выше вас.

«То есть мне не ждать ножа в спину после коронации?» — хотела спросить я, но промолчала. Вместо этого сжала ладони в кулаки, впилась в кожу ногтями. Боль позволила удержаться на ногах. Я вдруг ярко представила картину: красное пятно на темно-зеленой траве — мое тело, обрамленное красным шелком платья, на земле.

Я моргнула. В этой мысли крылось что-то чуждое, словно она была не моя.

— Нам нужно возвращаться. Вы позволите?

Рок чуть склонил голову и, дождавшись моего растерянного кивка, деликатно взял меня под локоть, удерживая от возможного падения.

Идти под руку с мужчиной в夜里 довольно неловко, но я была слишком слаба, чтобы думать о приличиях. И все же сама ситуация казалась несколько двусмысленной, и я невольно вспомнила Ника. Боль тут же вгрызлась в сердце. Неужели мне и правда пришлось отказаться от жизни с любимым человеком, чтобы спасти себя и сестер?

— Я ошибался.

— Простите? — Я с удивлением посмотрела на Рока. На лбу выступил холодный пот. Неужели сейчас он скажет, что передумал насчет нашей сделки?

Я закусила губу, отчаяние вновь захлестнуло меня. Мысленно я возвзвала к богам (сразу ко всем тринадцати), моля их о помощи и обещая заплатить любую цену, принести любую жертву, лишь бы моим сестрам не пришлось взойти на костер. Что бы ни потребовал этот колдун с льдистыми глазами, я соглашусь на все.

Тонкие губы Рока слегка дрогнули — он криво усмехнулся и тут же посерезнел.

— Я недооценивал вас. Вы, Кара, оказались намного прекраснее того образа, который я успел себе придумать. Тот редкий случай, когда жизнь оказалась ярче греха.

Напряжение медленно отпустило. Сердце все еще гулко стучало в груди, но уже тише, не так оглушающе. Я придержала подол платья, незаметно вытирая о ткань вспотевшие ладони. Пережитый мгновение назад страх напомнил о моем незавидном положении. Если я хочу выжить и спасти сестер, стоит прислушиваться к Року.

«Но не забывать, что я для него — обладатель дара, сосуд с редкой и драгоценной жидкостью, не имеющей ценности сам по себе».

Мы возвращались в замок той же дорогой, что и пришли. Я была настолько поглощена мыслями, что очнулась уже у дверей, ведущих в мои покои. Я отшатнулась от Рока, запоздало сообразив, что стража могла превратно истолковать мою руку, лежавшую

на его руке. Возможно, со стороны поддержка выглядела как объятие.

Рок сделал вид, что не заметил моего грубого жеста, и вежливо произнес:

— Я бы пожелал вам приятных снов, но, боюсь, в этом случае вам непременно приснятся кошмары. Говорят, мои добрые пожелания всегда оборачиваются злом.

Растерянная, я молча смотрела на него, не зная, как тактично спросить о том, что меня волновало.

— Вы... — Я набрала в грудь побольше воздуха, но так и не закончила вопрос: — Вы...

— Навещу вас завтра. В это же время.

Я с облегчением кивнула. Почему-то мне захотелось поблагодарить его, но я пересилила себя. Львы должны выглядеть гордо.

Даже если я принадлежу Львам лишь на словах.

Рок усмехнулся одной половиной рта, словно услышал что-то забавное.

— Думаю, лучшее, что сейчас я смогу для вас сделать, — это откланяться.

Он склонил голову, я присела в реверансе, а затем мы одновременно развернулись и зашагали в разные стороны: Рок ушел по коридору в неизвестном мне направлении, а я, из последних сил держа спину прямо, исчезла в дверях, ведущих в покой. Уже там я медленно осела на пол, не дойдя до спальни буквально пару шагов. В глазах стало темно, в висках застучала кровь, но я не испугалась второго за этот день обморока. Он — самая малая неприятность из тех, что со мной уже приключились.

Глава 3

Приступая к прямой атаке на короля или замышляя приводящую к ней комбинацию, не бойтесь пожертвовать пешкой, ладьей или конем. Но более весомые потери тщательно обдумывайте.

Голос Рони, настороженный и немного испуганный, заставил меня вздрогнуть. В темном окне, в которое я вглядывалась последнюю четверть часа, отразился ее силуэт, приобретший пугающие черты благодаря тусклому мерцанию свечей (сегодня нам принесли целую связку). Я обернулась. Сестра, нахолившаяся, словно воробушек, и стягивающая на груди теплую мамину шаль — одну из немногих вещей, что остались после нее, — смотрела выжидающе и как будто недоверчиво.

— Да, мне нужно уйти. Ненадолго. — Я говорила тихо. Шута уже спала, и я не хотела ее будить.

Рони поймала мой взгляд и тоже покосилась на закрытую дверь спальни, но голос понижать не стала.

— Мне не нравится... этот человек.
— Шута называет этого человека по имени, — задумчиво заметила я.
— Она еще мала и глупа, — насупилась Рони, и я невольно улыбнулась.

Я подошла к сестре, поправила на ее плечах белую шаль — тонкую, со сложным рисунком, отражающую вкус нашей матери, — и подумала о том, что вечер выдался теплым, да и в покоях никогда не гуляли сквозняки. Видимо, Рони с помощью маминой шали пыталась согреть не тело — душу.

Я не сказала об этом вслух. Некоторые детали должны оставаться незамеченными.

Вместо этого я опустилась в кресло, взяла в руки вышивку, отброшенную в сторону полчаса назад, и подчеркнуто неторопливо взялась за иголку.

— Почему ты боишься Рока?

— Я не боюсь! — Из груди сестры вырвался почти что рык, и я улыбнулась, опуская ресницы. Сейчас она походила на отца в минуты его гнева. Я не без гордости отметила, что Рони перестала выглядеть несчастным воробушком; если бы у нее были клыки, она бы оскалила их. — Я просто... Он мне не нравится, я же сказала! — Я молчала, неторопливо протыкая иголкой ткань. Мое показное спокойствие лишь раззадорило сестру. — Я чую в нем опасность. От него ничего хорошего не жди.

«От костра тоже», — хотела сказать я, но не стала.

Рони впервые упомянула о своем чутье, а в клане серьезно относились к таким вещам. Нюх на неприятности — подарок богов, напоминание о том, что они все еще наблюдают за нами с небес.

— Какую же беду он может накликать? — серьезно спросила я, отрывая взгляд от затейливого цветочного узора, вышитого лишь наполовину.

— Он... — Рони запнулась, закусила губу, словно обдумывая свои слова. — Он опасен для всех, но для тебя — особенно.

— Думаешь, Рок желает мне зла?

— Нет, он никому его не желает.

— Тогда чем он опасен, Рони?

— Он играет с нами, он... — Она снова запнулась, побледнела. — Мы все для него куклы. Он как будто лжет и говорит правду одновременно.

Мне стоило труда удержать иголку в ослабевших пальцах. Рони подметила то, о чем я и сама за сегодня уже не раз думала. В Роке искренность и фальшь сплелись так тесно, что казалось, отделить их друг от друга невозможно. Временами это сбивало с толку, но чаще — пугало.

Рони стояла передо мной прямо, гордо держа голову, но в глазах уже закипали слезы. Видимо, разговор выбил ее из хрупкого равновесия, и ей не удалось восстановить его снова. Я отложила вышивку в сторону, не воткнув в ткань иголку. Она повисла на тонкой красной нити острием вниз. Я встала и порывисто, совсем мне не свойственно, обняла сестру.

— Все будет хорошо, я обещаю, — сказала я и уткнулась носом ей в макушку. Ее волосы пахли лавандой, но мне все равно почудился запах костра. Стоило большого труда невозмутимо продолжить: — Я позабочусь о тебе и сестре. Вам не о чем волноваться.

— Обещай, что не покинешь нас.

Голос Рони стал глухим, и я поняла, что она имела в виду.

— Я буду с вами. Сейчас и всегда.

— Кроме тебя у нас никого больше не осталось.

— Я знаю, малышка, знаю.

Когда раздался деликатный стук в дверь, Рони уже почти перестала плакать, а я — жалеть о том, что позволила состояться разговору, закончившемуся ее слезами.

— Кара? — Толстый ворс дорогого ковра осторожно примяли тяжелые мужские сапоги. Походка Рока стала еще более мягкой. Впрочем, возможно, мне это только показалось. — Вы готовы? Нам пора.

Я взглянула на часы. Почти полночь. Странное время для прогулок, но в моей жизни теперь слишком много странного и непонятного.

Я отстранилась от сестры и тревожно заглянула ей в глаза:

— Мне нужно идти, милая. Ты справишься?

Та прожгла Рока испепеляющим взглядом и равнодушно передернула плечами. Отвечать она ничего не стала. Возможно, посчитала вопрос унизительным, возможно, решила сохранить лицо — после слез ее голос мог дрожать.

Я нежно коснулась губами лба сестры (она не успела увернуться) и, накинув плащ, вслед за Роком вышла из комнаты.

Мы преодолели лестницу и подошли к черному входу, когда мой спутник негромко заметил:

— Ваша сестра выглядит встревоженной.

— Она остро переживает случившееся.

— А вы, Кара? Что чувствуете вы?

Я задумалась. В последние два дня я так часто старалась подавить в себе любое проявление эмоций, что теперь и вправду как будто ничего не испытывала. Разве что...

— Желание, чтобы все это закончилось. Поскорее.

Злость, досада, боль потери, страх — все это жило во мне, но как будто отступило на второй план. Я приняла решение и теперь хотела как можно скорее его исполнить. Возможно, во мне говорила трусость — я опасалась, что могу не справиться, сдаться. Эта мысль ужасала. И (я отдавала себе в этом отчет, пусть и неохотно) она страшила меня не меньше, чем понимание: избавлением от моих проблем станет чья-то отнятая жизнь.

Этот клубок противоречий все сильнее разрастался, все теснее оплетал своими нитями мое сердце.

— Хорошее желание. Вы все больше импонируете мне, Кара.

Он приоткрыл дверь и тактично пропустил меня вперед. Я молчаливо проскользнула мимо него, не решаясь спорить.

— Куда мы идем? — В этот раз я позволила себе проявить любопытство. Оно отвлекало от тяжелых мыслей. — Снова к дубу?

— Нет. Сегодня цель нашей прогулки немного ближе. Кара, вы бывали в свинарнике?

— Простите? — Я споткнулась о камешек (во время волнения я часто становилась неловкой, что было весьма досадно) и сильно ударила большой палец на ноге. Выдубленная кожа туфли лишь немного смягчила удар.

Я едва сдержала ругательство, почти сорвавшееся с губ.

— Свиарник, — невозмутимо повторил мой спутник. Он мельком посмотрел на подол моего платья, но ничего не сказал на этот счет. — Я спросил, бывали ли вы там?

— Кажется, раз. Возможно, два, — неуверенно ответила я.

— Тогда я напомню вам дорогу.

Мне казалось, что я вновь попала во вчерашний вечер: темнота ночи, сияние звезд, шелест травы под ногами... и одетый во все черное молодой мужчина, идущий рядом.

Я тряхнула головой, стараясь избавиться от странного чувства, что все это уже когда-то со мной случалось. В памяти всплыла просьба, которую я собиралась озвучить Року. Я ждала этого момента весь день. Собравшись с духом, я проговорила по возможности невозмутимо:

— Хотела попросить вас об одолжении.

— Все, что пожелает ваша душа, Кара.

Это прозвучало настолько естественно и... лично, что я смущилась, сбилась с ровного тона.

— Я хотела бы... Понимаете...

— Я слушаю.

Пришлось глубоко вздохнуть и продолжить:

— Мои покой стерегут люди вашего брата.

— Вас это смущает?

— Нет, это вполне закономерно. Дело в другом.

Я думала... Возможно ли устроить мне встречу с одним человеком из стражи Света?

Я с надеждой взглянула в лицо Рока и впервые уви-
дела, как он нахмурился. Ненадолго отвел глаза в сто-
рону, словно что-то обдумывая.

— Вы говорите о Защитнике — о старшем страже,
верно?

— Да! — Я занервничала. Осведомленность Рока
настораживала. — Вы сможете устроить нашу встречу?

— Боюсь, что не смогу.

Я похолодела, а затем усилием воли взяла себя
в руки. Просить о свидании с возлюбленным у чело-
века, который стремится назвать тебя своей женой, —
бестактно, но у меня не было выбора.

— Если вы думаете, что я...

— Кара, я ничего такого не думаю. Ваше сердце
не принадлежит мне, я это знаю. Дело не в моих — как
это называется? — чувствах.

— В чем же дело?

— Ваш друг пошел на неосторожный шаг и вызвал
гнев моего брата. Завтра утром Защитника казнят. Мне
жалко.

Мир пошатнулся, а вместе с ним и я.

— Кара! — Рок успел подхватить меня на руки
и не дал осесть на землю. — Вам плохо?

— Нет-нет! — Я замотала головой и вцепилась в вы-
сокий ворот его рубашки. — Скажите, что такого со-
вершил Ник? За что ваш брат прогневался на него?

Рок задержал взгляд на моих пальцах, и я поспеш-
но разжала их. Выражение его лица показалось мне
задумчивым.

— Ваш друг пытался организовать побег. Ваш по-
бег, Кара.

Я сглотнула ком в горле и отвернулась. Ник. Мой бедный Ник! Он боролся за нас до последнего, защищал меня, как и поклялся.

«Не судьба», — шепнул внутренний голос, и щеки обожгло слезами. Они хлынули так резко, что я не успела справиться с ними.

— Есть ли возможность как-то помочь ему?

Рок молчал. Он по-прежнему держал меня на руках, а я не торопилась ничего менять — мысли были заняты более важными вещами, не имеющими никакого отношения к пустым правилам приличия.

— Вы можете что-то сделать, Рок? Поговорите со своим братом, умоляю!

Я положила на его плечо ладонь и с замиранием ждала ответа. Прошло долгое мгновение, затем Рок мягко повел плечом, моя рука соскользнула и повисла в воздухе. Прежде чем я пришла в отчаяние, Рок бережно поставил меня на ноги и осторожно коснулся пальцами моей щеки, стирая с нее мокрую дорожку слез. Я заледенела. Этот жест вызвал во мне странные, противоречивые эмоции. Среди них я с отвращением узнала надежду. Чувства Рока могли дать мне преимущество.

«Ужасная мысль», — решила я.

Рука моего спутника замерла. Он сделал шаг назад. Больше Рок не предпринимал попыток прикоснуться ко мне.

— Сожалею, Кара, но разговор с братом ничего не даст. Он давно меня не слушает.

Я поникла. Передо мной возникло лицо Ника, а в ушах зазвучали барабаны — они всегда сопровождали казни.

— Впрочем... — Рок замолчал, а я посмотрела на него с надеждой приговоренного к смерти, к которому вдруг обратился один из судей. — Я мог бы вам помочь.

— Рок, вы... — Язык не слушался, губы отказывались произносить слова, а сердце в груди зашлось радостно и оглушающе.

— Я устрою Зашитнику побег. Правда, ему придется уехать как можно дальше отсюда.

Моя улыбка померкла.

— Да, это прекрасное решение, — тихо согласилась я.

— На том и остановимся. Ваш возлюбленный будет жить, Кара. Мне жаль, что вдали от вас.

— Ничего. — Губы с трудом произносили несложные слова. — Это неважно. Благодарю вас.

Рок с достоинством кивнул. Мы продолжили путь.

Свиарник, большой и добротный, встретил нас темнотой и особым, запоминающимся запахом хлева.

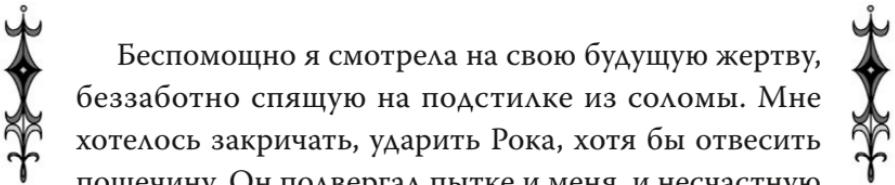
Над моим ухом раздался звук высекаемого огнива, затем вспыхнул сноп искр, чуть позже осевший мягким огнем в факеле, который Рок снял со стены. Отблески огня ползли по чистому, присыпанному соломой полу. Мы прошли вдоль кормушек и остановились напротив небольшого загона со спящим боровом.

Рок еще ничего не сказал, но я уже невольно сжалась. Я знала, что последует за этим.

— Нет! — вырвалось у меня.

Свет факела коснулся борова. Тот фыркнул, завозился, но не открыл глаз.

— Нам с вами, Кара, нужно убедиться, что вы сможете уничтожить живое существо. Не дерево, а кого-то из плоти и крови.

Беспомощно я смотрела на свою будущую жертву, беззаботно спящую на подстилке из соломы. Мне хотелось закричать, ударить Рока, хотя бы отвесить пощечину. Он подвергал пытке и меня, и несчастную свинью. И все же какой-то частью сознания я понимала, что мой спутник прав. Он готовил меня к поединку, как хороший учитель готовит ученика к сложному экзамену, — скрупулезно и методично. Его ли вина, что мне придется проявить жестокость, чтобы одержать верх в судьбоносной для моей семьи схватке?

— Кара, вы готовы?

«Нет, совершенно точно нет!»

Мои ноги вдруг ослабли, я качнулась. Мне захотелось упасть на четвереньки и зарыдать, по-детски уткнувшись в колени, но я не могла себе этого позволить — не то место, не то время. И все же я не справилась с эмоциями до конца: меня колотило так сильно, что, думаю, Рок это заметил, — от его спокойного, но цепкого взора мало что ускользало. Пытаясь унять дрожь, я сделала рваный вдох, другой, третий... Не помогло.

— Кара, вы готовы приступить?

Я молча кивнула и на негнущихся ногах сделала шаг к загону.

— Боюсь, в этот раз придется обойтись без непосредственного контакта. На поединке у вас не будет возможности надолго прикоснуться к моему брату. Сможете?

— Я попробую, — неуверенно сказала я.

— Вы хорошо помогли Свету на поединке.

— Разве у меня получилось? — с горечью отозвалась я, а потом опустила голову. — Простите, Рок. С братом

у нас были хорошие отношения, я давно его знала. Почувствовать Света было проще, чем любого другого. К тому же незадолго до боя я прикасалась к нему — залечивала ранку.

— Ясно. Что ж... Вам все равно придется научиться использовать дар на расстоянии. Иначе с Воином не справиться. Удачи, Кара!

Он на секунду легонько сжал мое плечо и отошел мне за спину. Я втянула носом воздух, ноздрей снова коснулся едва ощущимый запах мяты — прохладный, успокаивающий. Я закрыла глаза.

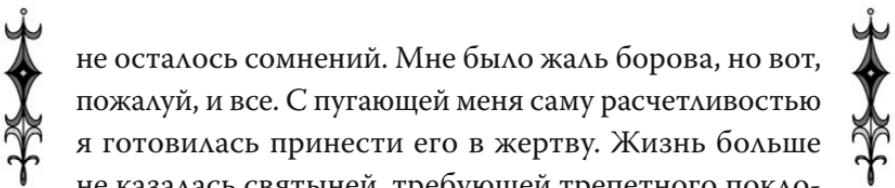
Передо мной вспыхнула и запульсировала вязкая темнота. В ней все отчетливее проступали очертания нитей жизни — тонких, трепещущих, словно на ветру. Я сосредоточилась и наконец нашла то, что искала, — мирно бьющееся сердце борова. Окруженное красными бороздками, оно представляло собой прекрасную иллюстрацию жизни как она есть — сложной, иногда отталкивающей, но завораживающей прекрасной в своей гармонии.

Мысленно я нацелилась на одну из нитей, пронизывающих сердце моей жертвы. И однако, даже сделав выбор, начала медлить.

— Кара, вы колеблетесь? — Голос Рока, звучащий в темноте, казался еще более бархатистым, чем я его помнила.

— Нет.

Я лгала и в то же время говорила правду. Непролитые слезы, застывшие в уголках глаз, щипали. Я действительно тянула время, но больше для того, чтобы свыкнуться с решением, чем оспорить его. У меня

не осталось сомнений. Мне было жаль борова, но вот, пожалуй, и все. С пугающей меня саму расчетливостью я готовилась принести его в жертву. Жизнь больше не казалась святыней, требующей трепетного поклонения. Я не знаю, что послужило переменой моему настроению: спокойное дыхание Рока за спиной, его молчаливая поддержка, внезапно раздавшееся по свинарнику сонное хрюканье — немного мерзкое и раздражающее — или осознание неизбежности происходящего. Ведь, в конце концов, у меня нет выбора. Я обязана сделать то, что сделаю.

Как сказал Рок вчера? У меня глаза жертвы?

Я сжала зубы.

Нет, я могу за себя постоять. За себя и свою семью.

— Кара, так в чем же дело?

На память пришли слова Света, и они приободрили меня. Брат говорил, что мы всегда поступаем верно, никогда не ошибаемся. Наша судьба уже определена богами, и мы всего лишь идем по выбранной ими тропе.

Мое сердце забилось спокойнее. С непривычной деловитостью я приступила к заданию. Выбрала несколько наиболее толстых нитей и прислушалась к сенному похрюкиванию спящего борова. Тот спал сладко и беззаботно.

Я могла бы обрывать нити постепенно, как делала это вчера, но решила сжечь их одним махом. Мгновенная смерть во сне — это разумно и милосердно. Я не хотела мучительной агонии ни для свиньи, ни для себя.

— Чем дольше вы тяннете, тем сложнее будет начать.

Я неохотно кивнула, соглашаясь со словами Рока. Несмотря на уверенность, что делаю все правильно, я снова ощутила внутреннюю дрожь. На лбу выступил холодный пот. Я напомнила себе о том, ради чего иду на этот шаг: ради сестер. И это придало мне сил.

«Раз, два... три!»

Нити жизни, сплетенные в тонкую паутину, вспыхнули и осыпались пеплом. Мгновение я рассматривала черный снег, неспешно кружащийся в темноте, а затем перевела взгляд на пустоту, где раньше пульсировала жизнь. Я уничтожила не все нити. В сердцевине сплетения зияла дыра, остальные же обрывки изрядно обуглились и медленно чернели. Но все же я сделала достаточно.

Я не сразу поняла, что изменилось в тишине ночи. Лишь несколько мгновений спустя меня осенило: я больше не слышала тяжелого дыхания борова.

— Великолепно! Кара, вы прекрасны!

Восхищенный, полный какого-то чистого восторга голос Рока заставил меня очнуться.

Я тряхнула головой, возвращаясь из темноты в настоящий мир. На меня тут же навалилась жуткая слабость, и я, охнув, упала на колени.

— Кара! — Рок подлетел ко мне так быстро. Пожалуй, даже будь у него крылья, он сделал бы это медленнее. — Как вы себя чувствуете?

Я проигнорировала его вопрос. Казалось, что задать свой гораздо важнее.

— Как убийца может быть прекрасен? — Эти слова я не прошептала — прохрипела, а затем закашлялась.

Живот сдавило спазмом, и, к моему стыду, меня стошило — кровью.
Все тело словно одеревенело. В голове стало пусто и мертвое.

Впервые я настолько ослабла после использования дара. Хуже было разве что на поединке, когда я сплела наши со Светом нити жизни.

Рок вытащил из кармана носовой платок и осторожно коснулся моего лица, стирая с него красные липкие следы. Я молча наблюдала за его действиями и ждала ответа. Знала, что он последует. Так и вышло.

— Вы не убийца, Кара, — помолчав, сказал Рок. — Вы — олицетворение возмездия.

Он прижал к моим губам платок, стараясь остановить кровь, выступившую, как я поняла, в самом углке. Наверное, усталость затуманила мне разум, потому что я перестала себя контролировать.

— Вам самому не страшно от этих слов? — прямо спросила я.

Рок усмехнулся. В его голубых глазах вспыхнул огонек — отголосок мысли, мне непонятной и недоступной.

— Сложно бояться тому, кто каждый день сталкивается с чужими кошмарами.

Ко мне медленно возвращалась чувствительность. Лопаток коснулся легкий ветерок, сквозящий из открытой на улицу двери, спину заколола разбросанная по полу солома, а заледеневшая кожа под ладонями Рока вспыхнула. Он одной рукой придерживал меня за поясницу, другой — за шею, и казалось, от его пальцев идет тепло, волнами расходящееся по телу.

Рок смотрел на меня открыто, и от его взгляда, таящего в себе многозначительное обещание, у меня быстро-быстро зашлось сердце — не от страха, от волнения. Я сделала рывок вперед, села, по-прежнему поддерживаемая Роком, и только тогда осознала смысл его слов. Грудь сдавило от дурного предчувствия.

— В чем ваш дар, Рок?

— Я думал, вы уже не спросите.

— А я имела право поинтересоваться раньше?

Мое лицо снова оказалось напротив его лица так близко, что я могла рассмотреть каждую черточку. Я услышала ровное дыхание спутника, а затем оно коснулось моих губ, потому что Рок наклонился ко мне еще ближе.

— Вы на многое имеете право, Кара. Вы даже не представляете, какой властью обладаете. Надо мной... над всеми нами.

Завороженная движениями его тонких губ, произносящих неоднозначный, скорее даже сомнительный комплимент, отзывающийся странным предвкушением внизу живота, я молчала.

Эмоции — пугающие, острые, темные — затопили меня, и понадобилось время, чтобы я смогла их подавить.

— Власть... — неосознанно повторила я, а затем, словно кто-то из богов меня подтолкнул, спросила: — Почему вы хотите стать королем? Из-за нее, из-за власти?

— Боюсь, вас напугает мой ответ. Почему-то наши собственные мысли, услышанные из уст других людей, всегда нас пугают.

В горле пересохло. Я сглотнула и молча ждала ответа, по-прежнему не отводя взгляда от губ Рока. Он не делал попыток сблизиться еще сильнее, но и не отходил. Кажется, расстояние (или его отсутствие), на котором мы вели разговор, вполне устраивало моего спутника.

— Так почему же, Рок?

— Потому что миром не может править Воин. Простите, Кара, но и Свет не справился бы с ролью короля.

Я встрепенулась, ужаленная этими словами.

— Неправда!

— Правда, вы знаете это. Он был слишком мягок и добр, не вышло бы из него хорошего правителя. — Он помолчал, словно ожидая, пока я перестану часто-часто дышать и справлюсь с обидой и желанием спорить. — Воин тоже не принесет ничего хорошего этому миру.

— И, по-вашему, — сдерживая неведомо откуда взявшееся ехидство, спросила я, — во главе королевства должны встать мы: Рок и Кара, верно?

Я знала, что он поймет иронию. Символичность наших имен давала мало надежды на счастливое и мирное правление.

— Именно так, — кивнул Рок. Он выглядел серьезным. — Мы дадим миру то, что он заслуживает.

Пальцы Рока больше не согревали — они обжигали, и я наконец отстранилась от него. Не желая продолжать разговор, пугающий меня все сильнее, я кивнула на приоткрытую дверь.

— Нам пора.

— Конечно, — легко согласился Рок.

Он предложил снова взять меня на руки, но я отказалась — достоинство (то, что от него осталось) требовало, чтобы я хотя бы соблюдала видимость приличия и не злила Рыжего Льва попусту.

Идти было трудно, тело толком не слушалось, поэтому я почти всем весом повисла на Роке, изредка переставляя ноги и тем самым создавая иллюзию, будто иду сама. Наверное, спутнику проще было бы меня нести, но он больше не предлагал, а я просить не стала. И без того в его глазах выглядела слишком слабой.

Свежий ночной воздух остудил голову и позволил рассуждать более трезво. Вслушиваясь в умиротворяющий стрекот сверчков, я почти забыла о смерти, оставленной за порогом свинарника. Все случившееся, включая состоявшийся после разговор, вдруг стало казаться ненастоящим, словно это происходило не со мной.

Я поняла, что могу сделать вид, будто этого не было вовсе. Видимо, так начинают все преступники — затуманивают свою память.

— Настоящие преступники прокручивают свой проступок в памяти много-много раз, затирают воспоминание до дыр, а затем снова пересекают черту, чтобы наполниться темнотой доверху.

Я вздрогнула. Оперлась на левую ногу, подтянула правую, при этом моего плеча коснулось плечо Рока, и я ощутила почти мистическую близость: впервые кто-то разделял со мной не только радость или горе, но и поступок, о котором мучительно стыдно было бы поведать кому-нибудь другому.

— Рок, — я вспомнила, что так и не получила ответ на волнующий меня вопрос, — так в чем ваш дар?

— Я читаю прошлое и вижу будущее.

Я споткнулась на ровном месте. Хотела взглянуть в лицо своему спутнику, но вместо этого почему-то посмотрела на звезды. Сегодня их было немного, небо заволокло тучами. Я так и не смогла найти созвездие Льва. Плохой знак.

— Мое будущее вы тоже видите?

— Будущее не линейно, оно постоянно меняется. Я вижу развилики и тропы.

— И все же?

— С каждым проведенным вместе мгновением я вижу ваше будущее, Кара, все отчетливее.

Голос его дрогнул, и я набралась смелости посмотреть на Рока. Он улыбался. Улыбка совершенно преобразила его: теперь спутник больше походил на мальчика, чем на мужчину. Стало очевидно, что разница в возрасте у нас совсем небольшая.

— И что вы видите? — тихо спросила я. Возможно, со стороны это выглядело как кокетство, но я замерла в ожидании его слов. Я верила Року, уже верила.

— Вы будете прекрасной королевой. — Рок чуть склонил голову и, видимо, немного потерял координацию, потому что его хватка ослабла, и я едва не рухнула вниз. — Отверженные боги! Кара, позвольте, я все же возьму вас на руки? Так будет быстрее и безопаснее.

Я обреченно кивнула. Любая другая львица на моем месте уже сгорела бы со стыда, но мне даже начало нравиться быть беспомощной. В том, как Рок принимал мою слабость, чудилось нечто... чарующее.

Он нес меня легко, словно я была пушинкой. Его худоба оказалась обманчивой — силы она ему не убавляла. Его тело, жилистое и поджарое, было не менее выносливым, чем, скажем, у какого-нибудь мужчины из моего клана.

«Например, у Ника».

Я снова вернулась мыслями к любимому. Сердце болезненно сжалось. Я знала, что слезы должны пролиться, иначе горе останется со мной навсегда, но огромным усилием воли сдерживалась.

«Не здесь, не при Роке».

— Вы же выполните свое обещание?

— Конечно, Кара. Ник будет жить.

Мы быстро добрались до моих покоев. В этот раз я равнодушно скользнула по страже взглядом и позволила Року поставить себя на пол. Мне было решительно все равно, что подумают обо мне чужие люди. Эта перемена в себе удивила меня, но я не придала ей особого значения.

— До завтра. Вам следует хорошо отдохнуть.

Я вспомнила спящего борова, стук его сердца, который затем внезапно оборвался, и вздрогнула.

— Сомневаюсь, что усну, — после мимолетной заминки призналась я.

Мы стояли у дверей. Стража бросала на нас заинтересованные взгляды, но делала это тайком.

— Я сожалею, что сегодняшний вечер принес вам столько неприятных волнений. Завтрашний будет лучше.

— Вы уверены? — Я невольно улыбнулась.

— Конечно. — Рок немного расслабился, в его позе появилась легкая небрежность. Смешавшись с обыч-

ной невозмутимостью и строгими манерами, она придала ему особый шарм.

Я молча кивнула и толкнула двери покоев.

На постели, широко раскинув руки и ноги, спала Рони. Я присела рядом с ней и ласково дотронулась до ее щеки. Несколько минут с любовью всматривалась в нахмуренное детское лицико, а затем легла рядом, свернувшись в клубочек. Стянула с Рони мамину шаль и укрыла ею нас обеих.

Я закрыла глаза. Темнота напомнила мне о Роке. Я будто снова ощутила его прикосновение к своей щеке и смутилась. Воспоминания, как рассыпанный горох, застучали по разуму, сменяя друг друга. Какой-то образ заставил меня дернуться, а затем замереть. Вдруг я поняла, что Рок поведал мне лишь часть правды. Его дар скрывал что-то еще, то, что спутник не захотел мне рассказать.

Я не стала вскакивать, лишь приоткрыла глаза. В окне мерцали звезды, и их неясный свет успокаивал. Еще какое-то время волнительное открытие и тревоги прожитого дня не давали мне забыться, а затем я провалилась в вязкую дрему.

Я была уверена, что мне приснится боров. Но вместо него в мой сон пришел Ник.

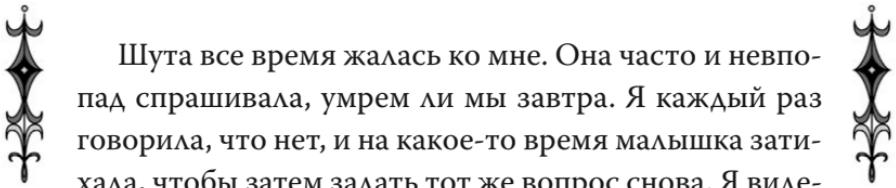
Весь остаток ночи он умирал у меня на руках. Я мечтала, беззвучно рыдала, комкала простыню, но ничего не предпринимала, чтобы помочь ему. Я не могла остановить его убийцу, потому что сама была ею.

Глава 4

*Одно из негласных правил шахмат гласит:
не бойтесь неожиданных маневров. Если вы
придумали какое-то новое оригинальное решение,
не отказывайтесь от него из страха потерпеть
поражение. Проиграть вы можете даже в случае,
если будете использовать хорошо знакомые схемы
из учебника.*

День тянулся так медленно, что в какой-то момент я перестала поглядывать в окно. Казалось, солнце уже никогда не опустится за горизонт. Разумно было бы спать, но при мысли о том, что до поединка осталось меньше суток, меня начинала сотрясать дрожь. Ко всему прочему, сестры выглядели сегодня особенно подавленными, и я опасалась оставлять их без присмотра, пусть даже ради того, чтобы отдохнуть перед ночной встречей с Роком.

Шута все время жалась ко мне. Она часто и невпопад спрашивала, умрем ли мы завтра. Я каждый раз говорила, что нет, и на какое-то время малышка затихала, чтобы затем задать тот же вопрос снова. Я видела, что поведение Шуты еще больше пугает Рони, которая и без того выглядела слишком погруженной в себя. Стارаясь отвлечь обеих, я давала им несложные поручения, затем, когда поняла, что пришивание пуговиц едва ли вызывает у них радость, занимала разговорами. Вот только темы для беседы иссякли быстрее, чем я рассчитывала. Тогда, после долгой заминки, я вспомнила, что на самом дне сундука лежит вещь, почти забытая за ненужностью, — шахматы. Их в один из своих визитов преподнес моему отцу вождь клана Белой Лисицы. Родитель горячо поблагодарил того за подарок, но как только гости удалились, всучил вещицу мне. Всем забавам он предпочитал одну — хороший бой на мечах. Остальное неизменно вызывало у него лишь кривую усмешку.

Даже Свету нет-нет да и попадало за его интерес к чтению. Я же и вовсе старалась не брать в руки книг, предпочитая, как и положено благовоспитанной девице на выданье, проводить время за шитьем. Возможно, зря. Как я ни пыталась соответствовать ожиданиям отца, любимой дочерью стать все равно не смогла.

Неудивительно, что я тогда бережно сохранила ту шахматную доску. Конечно, меня восхитила красота и изящество вырезанных из дерева фигур, но не это стало причиной моей радости. Я обманывала себя, что отец и правда сделал мне подарок, а не избавился от ненужной ему безделицы.

Поначалу я даже играть не умела — просто рассматривала фигурки, любясь тонкой работой мастера. Свет как-то заметил меня с шахматами и, посмеявшись над тем, что я нянчу их, словно куклы, поведал правила игры. Я увлеклась и довольно быстро (по словам брата) освоила их. К сожалению, оттачивать навыки мне было не с кем. Свет не проявлял особого интереса к шахматам, лишь изредка составлял мне компанию. Просить кого-то другого я опасалась, боясь, что моя увлеченность сомнительной для девицы игрой не понравится отцу. Вот я и убрала шахматы в сундук, чтобы не тревожить сердце попусту.

Довольная, что наконец придумала, чем можно отвлечь сестер, я с самым таинственным видом открыла сундук. На дне, под тяжестью приданого, лежала большая резная шкатулка. Я бережно достала ее.

Игра увлекла сестер почти сразу, но правила оказались для них сложны. Девочки то и дело путались в том, как ходят фигуры, однако это лишь добавляло веселья. Спустя час сестры разошлись не на шутку и стали с азартом охотиться за моим королем. Сражались они против меня вдвоем, но если Рони играла честно, то Шуга порывалась жульничать и периодически незаметно утягивала с поля фигурки. Это вызывало возмущение с моей стороны и смех — с ее.

Обдумывая очередной ход, я не сразу обратила внимание на слова Рони.

— Король в этой игре такой беззащитный... Королева может ходить по-разному, а он — только передвигаться на одну клетку. Так странно.

— Да, интересно, — все еще занятая своими мыслями, согласилась я. — Обычно у короля больше власти.

— Вся игра держится на королеве. Она — самая ценная фигура, — задумчиво проговорила Рони.

— Не забывай, что игра прекращается, как только «убивают» короля, а не королеву.

Рони хотела что-то добавить, но я заметила, что Шута пытается украдкой стянуть с поля моего коня, и возмущенно поймала ее за руку.

Время за игрой летело быстро, и я удивленно подняла голову, когда раздался стук в дверь. Ему вторил десятикратный рык льва, выскочившего из настенных часов.

В покой вошел Рок и вежливо склонил голову, склонив по уронив приветствие.

Я встала из-за стола, присела в ответном реверансе и, стараясь не выдать сковавшего меня напряжения, обратилась к сестрам:

— Вам пора спать.

— Но я хочу доиграть! — возмутилась Шута и недовольно засопела, получив тычок от Рони.

Рок мягко улыбнулся Шуте и подошел к столу с шахматными фигурами. Секунду он всматривался в расстановку сил на доске, а затем усмехнулся одной половиной рта.

— Милая Шута, тебе и правда пора спать. Но не потому, что я пришел за твоей сестрой, у тебя есть более веская причина.

— Какая же? — с любопытством выдохнула она.

Мы с Рони настороженно молчали.

— Через три хода ты проиграешь. — Рок взял фи-
гурку короля, покрутил ее в руке. — Поверь мне, любую

игру стоит заканчивать до того, как потерпишь поражение.

Он не поставил фигурку на место — положил ее, тем самым обозначив окончание игры. В комнате повисло молчание. Шута сопела, будто не знала, то ли заплакать, то ли рассмеяться. Рони смотрела на Рока с опаской и недоверием.

— Все, идите в постель. — Я настойчиво подтолкнула их к дверям спальни. — Спите спокойно и не ждите меня.

— Но... — попыталась возразить Рони, но я ее перебила:

— Я скоро вернусь.

Я поочередно поцеловала их в лоб и, схватив плащ, выскользнула из покоя. Рок уже ждал меня за дверями. Он кивнул страже, старательно отводяющей глаза в сторону, и мы направились к черному входу.

— Я сожалею, что напугал ваших сестер.

Я посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц. Странно, ведь он не сказал ничего особенного. Почему же его слова повергли меня и моих сестер в такой ужас?

В очередной раз я призналась, что в Роке было что-то пугающее, придающее даже обычным его словам новый смысл. Как будто во всех фразах крылось двойное дно.

Я поняла, что молчу неприлично долго, и торопливо ответила:

— Вы не сказали ничего, что могло бы вызвать у сестер страх.

— Я никогда так не говорю, но люди все равно почему-то пугаются.

В том, как он пожал плечами и отвернулся, мне почудилась тщательно скрываемая бравада. Мысль, вихрем пронесшаяся в голове, заставила приоткрыть рот от удивления. Неужели Рок тоже чувствовал себя одиноким?

— Вы не спрашиваете, куда мы направляемся.

— Я думаю, вам виднее.

Рок хмыкнул. Кажется, к нему вернулось его обычное самообладание.

— Забавно, как вы подавляете в себе любопытство, Кара. Со мной вы можете этого не делать. Мы идем к конюшне.

Я не смогла сдержать удивления.

— К конюшне? Зачем? — Догадка мелькнула в моей голове, и к горлу подступила тошнота. — Неужели...

— Нет-нет, Кара, не волнуйтесь! — Рок легко понял мой невысказанный вопрос. — Сегодня наш урок будет иного рода.

«Значит ли это, что мне не придется никого убивать?»

Мучимая любопытством и ведомая волнением, я не заметила, как мы оказались у конюшни. Рок попросил меня подождать и исчез в темноте. Он вернулся довольно скоро, ведя под уздцы двух коней. Те были мне не знакомы. Высокие, мощные, черные, как самая темная ночь в году, они подходили Року и, судя по всему, ему и принадлежали.

— Сожалею, Кара, но я не мог взять вашу лошадь. Вам придется ехать на моем коне.

Я окинула взглядом скакуна (он был гораздо больше моей кобылки) и постаралась как можно увереннее

к нему шагнуть. Никто не любит, когда при нем выражают сомнение, лошади — особенно.

— Вам лучше переобуться, — сказал Рок и потянулся к вещевому мешку, прикрепленному к седлу. — В туфлях совершенно невозможно ехать верхом.

Я мысленно отметила (уже не первый раз) поразительную внимательность Рока к деталям и молча кивнула. Мне в руки легла пара кожаных сапог, и я, воротившись оглянувшись, быстро переобулась. Краем глаза я заметила, что из вещевого мешка торчат две позолоченные рукоятки.

— Мечи? — спросила я, и голос сел от волнения.

Рок мельком взглянул на оружие и покачал головой.

— Нет, рапиры. Я преподнес их вашему брату в качестве подарка на коронацию.

Коронацию, которая так и не состоялась. В памяти всплыла гора подарков, что Свет получила от кланов еще до поединка. Никто не воспринимал давнюю традицию всерьез, право Света на трон считалось неоспоримым.

— Вы не запомнили меня на церемонии?

Я нахмурилась. Церемония вручения даров была долгой и скучной. Она проходила в большом зале в присутствии представителей всех кланов. Почти все время я благополучно витала в своих мыслях.

И лишь смутно припоминала жгучее любопытство мужчин, когда кто-то из клана Медведей (как я сейчас поняла — Рок) вручил Свету чужеродное оружие, обернутое в бархат.

— Простите, тогда я не обратила на вас внимания.

Рок усмехнулся. Как мне показалось, с легкой досадой.

— А я на вас — более чем.
Чувствуя неловкость, я поторопилась увести разговор в сторону:

— Что такое рапира?

— Она похожа на меч, но гораздо легче. Я привез это оружие из своего последнего путешествия по Фасталии.

Я не без труда припомнила, что эта страна соседствовала с нашим королевством на юге и славилась своей сталью.

Рок подсадил меня и, пока я разбиралась с юбками, вскочил в седло сам.

— Зачем... — Голос все еще плохо слушался, и мне пришлось откашляться, чтобы продолжить. — Зачем вам оружие? И куда мы направляемся?

Рок, уже пустивший коня неспешной трусцой, с улыбкой обернулся. Видеть его широко улыбающимся было по-прежнему непривычно.

— Мы едем к реке — к месту проведения поединка. Не волнуйтесь, я же обещал, что сегодняшний вечер вам понравится.

Я с сомнением посмотрела ему в спину, а затем подхлестнула коня. Тот охотно бросился догонять своего товарища. В повадках животного чувствовалась хорошая выучка, поэтому я немного расслабилась.

Ночь была теплой, но ветреной. На темное беззвездное полотно неба неспешно выкатывалась полная желтая луна. Она то и дело ныряла в тяжелые тучи черничного цвета, и траву под копытами лошадей расчерчивали причудливые тени. Неуловимо пахло скорым дождем. Разлитую в воздухе свежесть разбав-

ляли доносящиеся с полей терпкие ноты трав. Я с наслаждением втянула носом воздух. Мне показалось, что именно так и должна пахнуть свобода.

— Ночь прекрасна! — сказал Рок, когда я поравнялась с ним.

— Да. — Я улыбнулась, а затем, поколебавшись, призналась: — Ее красота умиротворяет.

Рок чуть натянул вожжи, чтобы его резвый конь не умчался вперед, и искоса взглянул на меня:

— Возможно, это потому, что сегодня полнолуние. Собственно, именно об этом я говорил — нам удивительно повезло!

Моя улыбка погасла. Следовало догадаться. Рок из всего пытался извлечь выгоду, и если его вдохновила ночь, то точно не из-за чудесного пейзажа.

— В чем же именно заключается удача? — вяло поинтересовалась я.

— Полнолуние, — пожал он плечами. Я не ответила, и Рок после паузы вновь посмотрел на меня. В его взгляде, в темноте казавшемся еще более колдовским, чем при свете дня, проскользнуло недоумение. — Кара, неужели вы не знаете, что ночи полной луны подпитывают дар? Он обновляется вместе с луной. Завтра утром вы почувствуете прилив сил, словно не было изматывающих испытаний предыдущих дней.

— Мне неоткуда было это узнать, — по возможности с достоинством ответила я. Щеки уже кольнуло румянцем стыда, и я отвернулась, стараясь его скрыть. — Мой дар всегда оставался тайной для окружающих.

— Мой тоже. Но я много читал, собирая упоминания об одаренных людях буквально по крупицам.

Иногда было непросто скрывать свой интерес к этой теме, но... — Он резко замолчал. Минуту всматривался вдаль, а затем продолжил: — Впрочем, я увлекся. Не уверен, что вам хочется услышать продолжение.

— Хочется, — тихо ответила я. — Отец считал, что мысли девицы должны быть заняты не историей и географией, а подготовкой приданого. Меня это тяготило, но я не осмеливалась спорить.

— Ваш отец был строг.

— Он желал мне добра.

— Но вашего отца больше нет. И теперь вы решаете, что для вас добро, а что — нет.

Я вздрогнула. Впервые с момента смерти отца ощущала что-то похожее на облегчение и устыдилась. Разве не должна я сейчас тосковать по тому, кто подарил мне жизнь?

Так почему же с потаенной радостью думаю о том, что больше не обязана следовать заветам отца и оправдывать его ожидания?

Суматоху моих постыдных мыслей прервал голос Рока:

— Простите, Кара. Я забыл о том, что в глазах окружающих вы прежде всего девушка.

Я уставилась на Рока в упор. Впервые я видела, чтобы ему стало неловко. К тому же выразился он несколько путано. Мне даже стало смешно.

— А по вашему мнению, я не девушка? — с любопытством и едва сдерживаемой улыбкой спросила я.

И тут произошло то, что заставило меня удивленно распахнуть глаза, — Рок покраснел. Его бесстрастное бледное лицо мазнули два красных пятна на щеках.

— Конечно, девушка! — горячо откликнулся он. В его низком голосе прорезались эмоции, Рок перестал казаться холодным. — Я имел в виду... Хотел сказать, что в глазах большинства людей вы слабое существо, не обладающее достаточным умом, чтобы читать то, что вам нравится. Лишь единственная книга в руках женщины не вызовет пересудов — учение о божественной природе наших предков.

Я поджала губы.

— Ваши слова жестоки.

— Они правдивы. — Рок уже взял себя в руки. Он снова говорил ровно, в его интонации появились прежние завораживающие нотки. — Так относятся к любой девушке клана: иногда как к обузе, о которой следует заботиться, но чаще — как к ребенку, требующему строгой руки.

Мне нечего было возразить. Рок говорил правду, не смягчая ее красивыми словами. Я молча посмотрела вперед. В темноте уже блеснула полоска реки, а до ноздрей донесся слабый запах воды.

— Вы можете все изменить, Кара. — От заявления Рока сердце забилось чаще. Но воодушевление, восторг и благодарность исчезли сразу, как он продолжил: — Когда станете королевой, конечно же.

Словно птицу в полете, меня сбили его слова. Не отрывая глаз от приближающихся гор и реки у их подножия, я кивнула. Рок снова манипулировал мною, преследовал свои цели, попутно надавливая на мои болевые точки. Почему-то с каждым разом осознавать это становилось все страшнее.

«Возможно ли, что я привязываюсь к нему? К единственному человеку, похожему на меня саму? К тому,

кто протянул руку помощи, когда я в ней так нуждалась?»

Мы подъехали к месту проведения поединка. Рок спешился и подошел к моему коню. Сматря на своего спутника сверху вниз, я приняла его помощь и неожиданно спросила:

— А как вы, Рок, относитесь к девушкам? Как к обузе или как к капризному чаду?

Я могла найти более неподходящего времени для вопроса. Рок как раз спускал меня с лошади. Заслышив вопрос, он усмехнулся. В тот момент, когда спутник держал меня за талию и с легкой иронией всматривался мне в лицо, я почувствовала себя беззащитной. По-прежнему смотрела на него сверху вниз, но сила была не на моей стороне. Мне бы сравнить себя с куклой, которую кукловод держит за ниточки, но... Я чувствовала иначе. Его жест оказался глубже, интимнее и таил в себе опасность, потому что был не уловкой, а порывом.

Помедлив, Рок поставил меня на землю. Под подошвой сапог хрустнули мелкие осколки — каменная крошка, лежащая возле подножия гор.

— Вы неправильно ставите вопрос, Кара. Спросите иначе, ведь главное, как я отношусь не к другим девушкам, а к вам.

Последние слова обожгли ухо. Рок нагнулся ко мне, его голубые глаза смотрели серьезно. Я замерла, будто скованная льдом. Близость тела Рока, его тонкие губы, почти касающиеся моей мочки, взволновали меня до полной потери рассудка. Я стояла, раздираемая противоречивыми эмоциями, тонула в них и совершенно не представляла, чего же хочу сейчас больше.

А затем все неожиданно закончилось. Рок чуть отклонился, его рука потянулась за моей спиной к вешевому мешку.

— Ночь кажется холодной. Это нам пригодится. — Рок продемонстрировал ладонь с зажатой в ней кожаной фляжкой. — Вино, я говорю о вине, Кара.

Под бешеный стук сердца я медленно кивнула. Рок отошел, чтобы привязать коней. Его походка была легка и бесшумна, а сам он напоминал в ночи большую худую кошку — опасного хищника, которому все нипочем. В душе тяжелым валуном ухнуло разочарование. В голове снова возник образ его губ, находящихся в опасной близости от моих... Я слготнула.

— Вы не ответили на мой вопрос, — упрямо напомнила я.

Рок проверил привязь, достал из своего мешка рапиры и только затем проговорил:

— Странно, что вас интересуют такие вещи. Разве они имеют значение?

— Возможно, имеют, — сдержанно сказала я.

Рок пожал плечами.

— Я не считаю женщин безвольными существами. И тем более я не считаю такой вас. Кара, вы обладаете огромной силой, пусть сами еще этого и не поняли. Вы не слабее меня, и мне, признаться, это нравится.

Свою речь он произносил на ходу, с каждым шагом и словом становясь мне ближе. Странная теплота разлилась внутри меня, и в этот раз плечи расправились сами собой, без каких-либо усилий с моей стороны.

Рок протянул мне рукоятку рапиры.

— Полагаю, вы никогда прежде не держали в руках оружие?

— Вы правы.

— Это не так сложно, как кажется. Да и вам не потребуется особого мастерства. Все, что вам нужно, — создать иллюзию боя.

Он кивнул в сторону реки.

— Учиться будем там, в воде. Я хочу, чтобы завтра вся ситуация показалась вам знакомой и привычной. Ничто не должно выбить вас из равновесия.

Меня снова передернуло от слов Рока, от их равнодушной деловитости. Впрочем, я понимала, что всего за пару дней и сама растеряла изрядную долю трепетности. Поединок меня пугал не чужой смертью. В конце концов, я ведь уже пошла по темной тропе. Меня приводила в ужас мысль, что я не справлюсь. Именно от нее начинали дрожать колени и потеть ладони.

Мы направились к реке. Повисшее молчание не было наполнено тишиной: плеск воды, шум ветра, шуршание камней под ногами и редкие крики ночных птиц напоминали о том, что все вокруг пропитано жизнью, и не позволяли страху поглотить меня. И все же я предпочла возобновить разговор. Остро желала слышать голос своего спутника — мягкий, бархатистый, уверяющий, что я иду по верному пути. Под аккомпанемент этого голоса я могла сделать многое. Теперь я это понимала.

— Почему рабира? — спросила я.

— Она легче, чем меч, но не менее благородна. Вам подходит.

Я улыбнулась. Кажется, я не только привыкла к комплиментам Рока, но и научилась распознавать его недомолвки.

— Вы же хотели добавить что-то еще?

— Верно. Вы начали понимать меня — хороший знак.

Я смутилась. Рок шел чуть впереди и не оглядывался, чему я была рада, — мне не хотелось, чтобы он сейчас увидел мое лицо.

— Мой брат никогда прежде не сражался на рапирах. Это немного уравнивает ваши шансы, ведь оружие будете выбирать вы.

Я промолчала, пытаясь отделаться от неприятной, чуть царапающей мысли, что Рок словно предусмотрел все заранее.

— Моему брату придется учиться на ходу. Он владеет мечом, но рапира требует другого обращения.

— Мне кажется, вы кое о чем забываете. Возможно, ваш брат впервые увидит рапиру, но, напомню, я тоже ею не владею. И я, в отличие от вашего брата, никакого оружия в руках не держала. Никогда!

Я не смогла скрыть волнения, поэтому в конце фразы повысила голос. Я шла, смотря под ноги и осторожно обходя острые камешки, поэтому испуганно отшатнулась, когда уткнулась в грудь Рока. Думаю, после моих слов он резко остановился и обернулся, что и послужило причиной нашего столкновения.

— Я знаю, вам страшно, Кара. — Он положил раскрытые ладони мне на плечи, словно успокаивая. Жест выходил далеко за пределы правил этикета, принятых в приличном обществе, но Рок так часто нарушал мое

личное пространство, что я к этому привыкла. В душе не возникло протеста, только легкий отголосок смущения. — Я мог бы сказать, что вы не должны бояться, но знаю: от страха сложно избавиться.

— Это не совсем то, что я надеялась услышать, — неуверенно парировала я и улыбнулась через силу. Ирония давалась мне с трудом.

За головой Рока сияла луна. В ее свете его тонкие черты казались не хищными, а благородными. Я впервые подумала о том, что Рок, пожалуй, красив.

— Правда так считаете?

— Что?

Рок смушился, но быстро нашелся с ответом.

— Я спросил, правда ли вы хотели услышать иной ответ. Впрочем, можете не подыскивать слов. — Рок снова стал серьезным. Его глаза, казалось,мотрели мне прямо в душу. — Кара, вы можете бояться. Не боится только глупец. Но я хочу, чтобы вы знали: завтра победа будет на вашей стороне. Солнце еще не успеет склониться к западу, как жрец водрузит на вашу голову корону.

— Вы это узнали, — спросила я тихо, не отрывая взгляда от его лица, — из своих видений?

— Да, — уверенно сказал он.

Еще какое-то время мы молча изучали друг друга. Его глаза больше не казались мне льдистыми. Я видела в них прежде не замеченное мною тепло. Оно сбивало меня с толку. Я чувствовала, что Рок манипулирует мною, но иногда его слова и поступки казались слишком искренними. Они заставляли... тянуться к нему.

«Мне хочется ему доверять», — поколебавшись, признала я.

— Однажды вы поверите мне, Кара, — хрипло побежал Рок. Он расцепил руки, все это время некрепко сжимающие мои плечи, и отошел на несколько шагов. Сделав приглашающий жест, который выглядел бы в чьем-нибудь другом исполнении наигранным и шутовским, а у него получившийся естественным и чуточку снисходительным, Рок скупо уронил: — Предлагаю начать наш урок.

Я не заметила, как мы спустились к месту проведения поединка, и теперь с удивлением посмотрела на реку за спиной Рока.

Несколько мгновений я глядалась в воду, в ее быстрое течение, а затем подошла к спутнику, протянула руку и медленно вытащила рапибу из ножен. Рок не шелохнулся, но в его глазах, на самом донышке, вспыхнул огонь восхищения и... страха?

Удивительно, но мне самой стало спокойно. Все метания исчезли. Я больше не боялась проиграть.

— Вы готовы, Рок?

— Если это угодно королеве.

Он согнулся в поклоне, а я едва скрыла улыбку. Даже говоря откровенные банальности, граничащие с раболепием, Рок все равно оставался собой. Ведь хищник не перестанет быть хищником только оттого, что склонит голову перед зайцем.

Я так и не смогла определить, что в манерах Рока преобладало: заученная на уроках этикета изящность или врожденное чувство превосходства.

— Я пока не королева. — Я сама не поняла, как повторила слова Светы перед коронацией. Это совпадение заставило меня нахмуриться.

— Завтра вы станете ею, Кара.

Я промолчала. Правила требовали, чтобы поединок проходил в воде, поэтому я обошла Рока и вступила в бурлящую горную реку. Ноги обожгло холдом, даже сапоги не спасли. Мне стоило большого труда удержаться от крика.

Рок удивленно приподнял одну бровь.

— Иногда, Кара, вы поражаете меня своей смелостью. Признаться, я думал, что урок мы начнем на берегу.

— Я люблю сложности, — солгала я, стараясь не клацать зубами.

Рок хмыкнул и с немногим неискренним уважением кивнул:

— Похвально. Наверное...

— Рок! — Я почти рявкнула. Холодная вода заставляла полностью забыть о вбитых с детства манерах. Во мне даже проснулся сарказм. — Может, вы и советы будете давать мне с берега?

— О нет! Наблюдать со стороны мне никогда не нравилось. Предпочитаю войти в реку и утонуть, чем маятить оружием на безопасном расстоянии от драки.

До меня не сразу дошел иносказательный смысл его слов.

Я была осторожна в своих поступках, но чужая решительность не могла не произвести на меня впечатление. Тем более не спонтанная, а осмысленная и вымученная.

— Я попрошу вас немного подождать. Мне нужно разутсяся.

— Подошва сапог скользит в воде? — вежливо поинтересовалась я, стараясь не смотреть в сторону Рока.

Конечно, мужские оголенные щиколотки не то же самое, что женские. Здесь правила приличия были менее категоричны, но все же... Я чувствовала, что мое лицо осталось невозмутимым, однако вот кончики ушей буквально пылали.

— Нет, подошва у сапог совершенно не скользкая, но она тяжелая. Я боюсь отдавить вам ноги.

Мой рот распахнулся сам собой, но от удивления я не нашлась с ответом. Забота Рока зачастую проявлялась самым неожиданным способом. Она ставила меня в тупик, но вместе с тем дарила неведомое мне раньше чувство нужности. Никто раньше не думал о моем комфорте так... тщательно.

Рок стянул сапоги и, отбросив их в сторону, шагнул в воду.

— Кара, попробуйте сделать взмах рапирой. Привыкните к ее тяжести, к силе.

Я последовала его совету. Подняла клинок, встала в стойку, в которой часто видела брата или Ника во время боя, и сделала выпад в сторону воображаемого противника. Затем еще один. Намокшее и потяжелевшее платье путалось в ногах. Несмотря на холодный ветер, дующий с гор, на лбу выступила испарина. Я раздраженно откинула назад несколько выпавших из косы прядей и не без зависти посмотрела на Рока, спокойно передвигающегося в воде в узких черных кожаных штанах.

— Кажется, я понимаю, почему никто из женщин не соглашался участвовать в поединке, — мрачно сказала я.

— Вы можете изменить правила, — напомнил Рок. — Как только станете королевой, выпустите указ,

дозволяющий женщинам носить мужскую одежду. Если того требуют обстоятельства, конечно.

— Конечно, — задумчиво согласилась я. Рок не впервые соблазнял меня теми изменениями, которые я могла привнести в общество, став королевой. Но впервые его слова попали в цель.

Все еще погруженная в свои мысли, я еще нескользко раз взмахнула рапирой, прежде чем теплая мужская рука перехватила мою ладонь. Я вздрогнула. Рок встал у меня за спиной.

— Клинок нужно держать иначе. Будто он продолжение вас. Вот так, понимаете?

Он обхватывал мое запястье, направляя руку. Его дыхание щекотало шею. Я судорожно сглотнула.

— И сила. Вы берете ее из плеч, а нужно вот отсюда. — Его вторая ладонь легла мне на талию и сжала ее. Мое дыхание невольно участилось. — Чувствуете разницу?

— Да-да, — неуверенно выдохнула я.

— Работайте всем телом, не только плечами. Их пострайтесь держать расслабленными. Лишь тогда удар будет достаточно силен.

— Я-я поняла. — Я ничего не могла поделать с зиканием. Мне казалось, что я уже привыкла к отсутствию всяких приличий при общении с Роком, но это было чересчур.

— Помните, вам нужно держать врага на расстоянии и лишь однажды пойти на сближение — ради одного-единственного удара. Неважно, куда он придется, но пострайтесь целиться в грудь или живот. Если мой брат скончается от пустяковой раны в руку, люди начнут задавать вопросы.

— Это ни к чему, — покладисто согласилась я.
«Вопросов и без того слишком много».

Они сейчас разрывали мою голову. Замерев, я стояла по колено в ледяной воде, но совершенно не чувствовала холода. Моя спина была прижата к груди Рока, одна его рука по-прежнему покоилась на моей талии, другая обхватила запястье. Луна наполовину спряталась за темными облаками, и в сгустившейся темноте, обострившей и без того оголенные чувства, я все отчетливее слышала дыхание Рока на своей коже.

— Кара, вы готовы сразиться со мной?

Сердце забилось непозволительно громко, и я подумала, что его стук заглушает даже плеск воды.

— Конечно, — преувеличенно спокойно сказала я.

— Прекрасно.

Его шепот коснулся моего уха, а затем Рок резко отстранился. Я обернулась, сжимая рапиру. Он отошел от меня на несколько шагов и кивнул.

— На счет три. Раз, два... три!

Я оказалась не готова к атаке. Привыкнув к вкрадчивости, какой-то ленивой медлительности, присущей Року, я не ожидала от него такого молниеносного нападения. Словно домашний кот вдруг превратился в свирепую рысь.

— Плохо, Кара. Мой брат бы вас уже убил, — не без недовольства сказал Рок, наставив на меня клинок. — Пробуем снова.

Во второй раз вышло чуть лучше. Я уклонилась от удара, но, желая оказаться как можно дальше от противника, упала и ушла под воду с головой.

— Кара, вы в порядке?

Первым, кого я увидела, вынырнув из холодной реки и отчаянно закашляв, был Рок, протягивающий мне руку.

— Да, — соглашалась я, принимая его помощь. — Начнем сначала.

Рок молча кивнул и рывком поставил меня на ноги.

Прическа распалась, и я перекинула влажные волосы на одно плечо, чтобы не мешали. С платьем же, которое отвратительным мокрым комом путалось в ногах, я поделать ничего не могла. Чувствовала себя котенком, которого насильно искупали в большом тазу, и это ощущение беспомощности и раздражения медленно рождало в груди что-то горячее и горькое — злость.

Я злилась на неудобную одежду, правила приличия и мужчин. И в особенности на одного из них, который сейчас стоял передо мной.

Рывок — удар — падение. Рывок — удар — падение. Я сбилась со счета, сколько раз Рок молча подавал мне руку и так же молча помогал встать. Внутри меня огненной лавой бурлили эмоции, усталости я не ощущала вовсе. Лишь подняться с каждым разом становилось все сложнее.

Рок в очередной раз выбил оружие у меня из рук и приставил острие своей рапиры к моему горлу.

— Злость — это хорошее чувство. Не хуже других. — Его негромкий голос с вкрадчивыми, ласкающими ухо нотками вызвал у меня дрожь. Я хотела отвести взгляд от его глаз и не смогла. В свете луны они стали похожи на темные сапфиры. — Только не в бою.

Я смотрела прямо на него, поэтому не пропустила момента, когда его тонкие губы чуть приоткрылись, словно в удивлении. Казалось, он услышал что-то невероятное.

— Вы умеете читать мысли, верно, Рок? — Я скорее утверждала, чем спрашивала. Эта догадка давно не давала мне покоя, но высказать ее я решилась только сейчас. Стыд придавал смелости: я понимала, что в моей голове бродило немало крамольного. Вспомнить хотя бы то, о чем я подумала мгновение назад.

— Крамолы в вас маловато, уж поверьте, — прогромотал Рок.

Мы оба были поражены и смятыны. Наверное, поэтому Рок так и не убрал рапибу от моего горла, а я так и не отвела ее рукой.

— Вы обманули меня. — Мой голос звенел, и я слышала это. — Вы говорили, что не читаете мысли!

— Скорее уж это ваши, Кара, глаза напоминают драгоценные камни. Особенно сейчас, когда вы в гневе, — рассеянно проговорил Рок и не к месту добавил: — Еще немного, и вы зашипите, как кошка.

— Да что вы себе позволяете!

Я резко ушла в сторону, и если бы Рок вовремя не убрал оружие, то на моей шее непременно остался бы длинный шрам от острого клинка. Я метнулась к своей рапибе, утопленной двумя шагами левее, и обернулась, готовая к драке. Наверное, я выглядела как вестница разгневанных богов. Мокрая, растрепанная и безумно злая. Рок настороженно поглядывал на меня, не торопясь идти на сближение.

— Я говорил, — тихо начал он, — что ваши мысли написаны у вас на лбу. Ни больше ни меньше, Кара.

— Замечательно, — обманчиво мягко проговорила я и бросилась в атаку.

Клинки скрестились. Моя рука дрогнула, Рок был намного сильнее. Он откинул меня, но я с прежней яростью повторила попытку. Мы закружились, словно в танце, только аккомпанементом нам служил скрежет встречающихся друг с другом рапир.

Я не могла соперничать с Роком. Он наступал, гоня меня к берегу, на мелководье и острые камни. Один из них попался мне под ноги, и я споткнулась, неловко взмахнула рукой и упала на спину. Воды здесь было немного, поэтому она не смягчила мое приземление. Я поморщилась от боли и, борясь с быстрым течением, приподнялась на локтях. По грудь в воде, я взирала на Рока хмуро и исподлобья. Моя правая ладонь сжимала рукоять шпаги — я не выпустила ее во время падения. Мой соперник не мог видеть, что с оружием я не рассталась, — мешал полумрак, скучно разбавленный лунным светом, отражающимся в воде.

— Я не читаю мысли, Кара. Я их слышу. — Рок наклонился ко мне, но не предложил помочь, а я не делала самостоятельных попыток подняться. Его лицо оказалось напротив моего запрокинутого лица. К тонкому аромату речной воды прибавился более резкий запах перечной мяты.

— В чем же разница? — спросила я и крепче сжала рукоять. Я отдавала себе отчет, что со стороны

выгляжу как обиженный ребенок. Неожиданность должна сыграть на руку. Хитрость мне была не свойственна, но все когда-нибудь случается впервые.

— Для меня мысли людей словно трепет мотыльков на ветру. Мне приходится вслушиваться, чтобы разобрать слова. Понимаете?

— Нет, совсем не понимаю, — честно призналась я, а затем неожиданно и сильно пнула Рока ногой.

Тот охнул и упал возле меня на одно колено. Лезвие моей рапиры моментально оказалось приставлено к его горлу.

— Никогда не копайтесь в моей голове, Рок, — мрачно проговорила я и выплюнула: — Поклянитесь!

— Я знаю, что у вас есть когти и зубы, Кара. Но даже меня вам каждый раз удается застать врасплох. Представляю реакцию людей вашего окружения...

— Рок! — Моя рука дрогнула. Еще немного, и острие задело бы кожу моего соперника.

— Клянусь, Кара, — чуть помедлив, серьезно сказал он.

Я выдохнула и убрала оружие. Сердце колотилось как бешеное. Собственная злость напугала меня не меньше, чем если бы принадлежала кому-нибудь другому. Я не знала, откуда у меня взялись силы на столь яркие эмоции, и не понимала, почему слова Рока так меня задели. Я была уверена только в одном: ни за что не позволю ему или кому-нибудь еще подслушивать мои мысли.

— Нам нужно отдохнуть, — после крохотной заминки проговорил Рок и кивнул на каменистый пляж вблизи ущелья. — Что думаете?

Я все еще была не в себе, поэтому без единого слова отправилась в указанном направлении. Помощь, предложенную Роком, я проигнорировала.

Возможно, отдых был не самой лучшей идеей — со стороны гор тянуло холдом. Ветер не дарил приятную свежесть, а беспардонно забирался под мокрую одежду и пробирал до костей. И все же передышка мне была нужна, драться дальше я попросту не могла.

Я подтянула ноги к груди и обхватила рукой колени. Рок усился рядом и вскинул голову, рассматривая небо.

— Завтра что-то будет.

— Я знаю.

— Я имею в виду погоду, Кара. Необычное полно-лунье. Оно что-нибудь навеет.

Я куснула губу и тоже посмотрела наверх. Наверное, если бы луна сегодня оказалась багрового цвета, это было бы символично. Впрочем, такие откровенные намеки богов встречаются разве что в легендах.

Кровавая луна навела меня на совсем иные мысли. Я вспомнила о Нике и вскинулась:

— Вы же сдержали обещание, которое дали мне вчера?

Я нервничала, и голос меня выдавал. В нем звенела паника. Я боялась не только за Ника. Меня испугало, что со вчерашнего вечера я вспомнила о нем впервые. Словно обещание Рока сняло с меня какие-то обязательства и вычеркнуло из моей жизни лишнего человека.

— Я надеялся, что вы уже не поднимете эту тему.

В спокойных словах Рока мне послышалась насмешка, но я промолчала. Только теперь поняла, что

мысли о Нике занимали преступно мало места в моей голове. Гораздо больше я думала о сестрах и брате. Возможно, виной тому стало свалившееся горе и необходимость выжить в сложившихся обстоятельствах, а значит — отринуть все лишнее, все то, что отвлекает от цели.

И все же...

— Так что вы скажете, Рок?

— Я сдержал слово. Ваш возлюбленный уже далеко отсюда. Возьмите, станет теплее.

Мне стало легче дышать, как будто с груди сняли огромный груз. Я вслепую приняла кожаную фляжку и, продолжая думать о своем, механически поднесла горлышко к губам и сделала два больших глотка. Внутри все обожгло, я закашлялась — вино оказалось гораздо крепче того, что мне доводилось пить раньше.

— Осторожнее, — запоздало предупредил Рок. — Оно не разбавлено водой. — Помолчав, он сам отпил из фляжки и добавил: — Зато такое вино хорошо согревает после купания в холодной реке.

Я смахнула выступившие слезы и не нашлась с ответом. Мне не хотелось говорить. Я все еще переживала из-за своей гневной вспышки, а мысли о Нике и вовсе погрузили мою душу во мрак. Жар и горечь, опалившие горло, исчезли, уступив место вязкой теплоте в животе. Наверное, именно из-за нее слова сорвались с языка прежде, чем я сумела их остановить:

— Я доверяю вам, Рок. Не подведите меня.

Я почувствовала, как он обернулся и посмотрел на меня, но не стала гадать, что Рок подумал. Все равно мне не понять хода его мыслей.

— Давайте вернемся к уроку, — сказала я и первой вступила в воду.

Не знаю, сколько времени прошло после нашего разговора на берегу. По моим ощущениям, не меньше пары часов. Впрочем, наверняка я ошибалась.

Я все чаще уходила от столкновения и все увереннее наносила удары. Из движений ушла зажатость, появилась решительность и даже отчаянность. Я поняла, что мое преимущество не в силе, а в скорости и осторожности. Мне нельзя было действовать наудачу: помочь выиграть поединок мог только тонкий расчет и отсутствие эмоций. Конечно, ни одна моя атака не увенчалась успехом, но я стала чувствовать себя гораздо увереннее.

Рок поднял голову к небу, посмотрел на луну, что-то мысленно прикидывая, а затем обратился ко мне:

— Думаю, нам пора возвращаться.

— Согласна, — кивнула я и направилась к берегу.

Течение здесь было не такое сильное, но все равно хорошо ощущалось. Мокрая юбка облепила ноги, и я пару раз едва не упала. Неловко и осторожно ступая по мелководью, щедро усыпанному острой галькой, я выбралась на каменистый пляж. Холодный ветер показался ледяным, и я обхватила себя за плечи. Мысль об обратной дороге вызвала желание переждать до утра или до тех пор, пока одежда не подсохнет.

«Отец бы назвал это малодушием».

Я искоса посмотрела на Рока. Услышал мои метания или нет? По его лицу мне ничего не удалось прочитать.

Он вышел на берег вслед за мной, и я отвела взгляд: черная рубашка, тяжелая от воды, облепила его худощавую фигуру. Зрелище можно было назвать непри-

личным, и именно этим я оправдывала свое внезапно участившееся дыхание.

— Вам нужно переодеться.

— Простите?

Рок прошел к вещевому мешку, лежащему на камнях в нескольких шагах от нас, вытащил что-то из него и протянул мне.

— Возьмите. Я не стал искать ничего женского, чтобы не вызывать пересудов и подозрений. Вам придется надеть мою одежду.

— Простите? — Меня словно заклинило. Я замерла с вежливо-ледяной улыбкой на лице. Одну бровь я удивленно вскинула, выражая тем самым верх неодобрения.

— Кара, вам лучше переодеться в мой костюм для верховой езды. Ветер холодный. Вы можете простыть в пути и проснуться утром с лихорадочным жаром. Вы же этого не хотите?

«Нет, конечно!» — мысленно ответила я и продолжила молча взирать на аккуратно сложенную одежду, протянутую мне Роком.

Его предложение преступало все мыслимые правила приличия. Часть меня, правильная и послушная, готова была забиться в угол и рыдать от ужаса.

— Это всего лишь одежда.

Он был прав, но я не удержалась и бросила:

— Искуситель. Отец мог бы назвать вас и так.

Рок криво усмехнулся и отвел взгляд. Он ничего не ответил.

Я поколебалась, а затем неуверенно положила руку поверх небольшой горки одежды и медленно потянула ее к себе.

— Правильный выбор.
Я проигнорировала одобрение, звучавшее в голосе моего спутника, и как можно более невозмутимо спросила:

- Где мне переодеться?
- Можете обустроиться здесь. Я отвернусь.
- Шутите?
- Нет, я действительно отвернусь.

Я пронзила Рока долгим внимательным взглядом, пытаясь понять, иронизирует он или говорит всерьез. С ним ни в чем нельзя быть уверенной.

Рок улыбнулся мягко и немного снисходительно. Во мне проснулось желание вновь приставить к его шее клинок.

— Кара, если вас это не смущит, я тоже переоденусь. Таким образом, каждый будет занят своим делом, и никто никого не поставит в неловкое положение. Согласны?

- Нет.
- Кара...

— Я не согласна ни с одним из сказанных вами слов, но принимаю ваше предложение. В нем есть зерно истины.

Рок взглянул мне в лицо, словно искал что-то. Мне показалось, что в его глазах мелькнуло уважение.

- Вы растете, Кара. Очень быстро.

Я отвернулась и промолчала. Прошла немного вперед, оглянулась. Рок к тому моменту стоял ко мне спиной и стягивал мокрую рубашку. Я успела увидеть жилистые мышцы на руках и поспешно спрятала глаза.

Более неловкую ситуацию было сложно представить. Я напомнила себе, что завтра, если выживу, этот человек станет моим мужем. Стыдиться мне нечего.

— Почему отец дал вам именно это имя?

Я не знала, зачем задала такой вопрос. Стягивая юбки и дрожа от холодного ветра, я чувствовала себя голой во всех смыслах. Наверное, мне захотелось, чтобы обнаженной была не только я.

Повисла пауза. Я торопливо расшнуровывала корсет и ждала. Знала, что Рок ответит. Он никогда не отмалчивался.

— А вы знаете, почему отец назвал вас Карой? — Его голос звучал глушше обычного, и дело было не в расстоянии.

— Все это знают, — проговорила я. Сердце привычно сдавило болью, и я привычно предпочла ее не заметить.

— Люди думают, что так много знают, а на самом деле их знание — фигурки из песка, легко рассыпающиеся от малейшего прикосновения. — Рок говорил равнодушно, но я уловила в его голосе нотки презрения и даже тщательно скрываемой брезгливости. Не знаю точно, но казалось, что с каждым разом мне удавалось понимать его все лучше.

«Если все это не самообман, конечно».

Я осталась в одной сорочке. Зажмурив глаза на мгновение, будто это могло мне помочь, я с ужасом схватила черные штаны.

— Что вы имеете в виду? — спросила я, пытаясь справиться с завязками.

— Ваш отец был уверен, что вы не его дочь. Он внушил эту мысль всем — и вам в том числе.

Руки дрогнули. Я стояла сгорбленная, не в силах ни выпрямиться, чтобы продолжать одеваться, ни обернуться и посмотреть на Рока. Мне безумно хотелось взглянуть на него. Я была уверена, что сейчас точно смогу прочесть его молчаливый взгляд.

Губы пересохли. Я не могла проронить ни слова. К счастью, Рок не нуждался в понуканиях. Он продолжил без моей просьбы.

— Ваш отец считал, что ваша мать изменила ему перед свадьбой. Был уверен, что она понесла от другого. Но это не так.

— Что? — С губ сорвался шепот, похожий на шелест ветра. Я сама себя не услышала.

— Он ошибался, Кара. Незадолго до свадьбы ваша мать действительно была влюблена в другого, что и дало почву для слухов, но вы дочь своего отца. Плоть от плоти.

Я выпрямилась и обхватила оголенные плечи руками. Холод жег изнутри и снаружи.

— Откуда вы знаете, Рок?

— Я читаю прошлое. Я же говорил вам об этом.

Мне не было нужды оборачиваться, чтобы увидеть, как он равнодушно передергивает плечами. Действительно, глупый вопрос.

Я склонила голову и, скрыв лицо завесой волос, до крови закусила губу. Несколько слезинок сорвалось и упало мне на грудь. Я торопливо вытерла мокрые дорожки со щек, словно что-то постыдное.

Тишина звенела напряжением. Ее прервал негромкий голос Рока, спокойный и размеренный, как и всегда.

— До того, как я дал слово и перестал вслушиваться в ваши мысли... До этого момента я часто ловил вас на сожалении о том, что вы ненастоящая львица. Мне казалось это смешным. Если не вы, то кто?

— Я не похожа на свой клан. — Мой голос звучал глохно и надтреснуто. Я поморщилась.

— Как и любой человек, наделенный даром. Нашу внешность определяет не кровное родство, а суть дара. Если бы ваш отец был чуть любопытнее и не так сильно чурался книг, он бы знал об этом.

Я рывком содрала с себя мокрую нижнюю рубашку и с яростью швырнула ее куда-то под ноги. Тонкая белая ткань с кружевами упала на каменистую землю. Меня душила обида и злость. Не за себя — за маму. За ее напрасно поруганное имя.

«Ненавижу!»

Эта мысль била по вискам, заставляя зажмуриться. Вместе с ней откуда-то из глубин души пришла уверенность, что я больше не допущу несправедливости. Никогда.

Уже спокойнее я взяла черную рубашку с чужого плеча и накинула ее на себя, тщательно застегивая пуговицу за пуговицей. Без корсета дышалось удивительно легко.

— Так что с вашим именем, Рок? Вы не ответили на вопрос.

Я почти оделась, и вместе с одеждой ко мне вернулась если не уверенность, то способность ее изобразить.

— Я отвечу на него, Кара, обещаю. Но не сегодня.

Мой невольно сорвавшийся с губ вздох был наполнен разочарованием. Мне действительно хотелось

услышать эту историю. Я заправила рубашку в штаны и затянула их ремнем. Рок был худощав, я тоже не обладала роскошными формами, поэтому его одежда пришла мне почти впору. Накинув на плечи жакет, я попыталась собрать волосы в прическу, но быстро поняла тщетность своих усилий. Несколько раз провела пальцами по прядям — сомнительная замена расчески, и все же лучше, чем ничего. Перекинув волосы на одно плечо, я, не поворачивая головы, обратилась к Року:

— Я готова.

— Я тоже закончил.

Мы обернулись одновременно. Я посмотрела на своего спутника через плечо, он же повернулся ко мне всем телом и глядел прямо. Наши взгляды встретились и на несколько мгновений замерли.

Рок снова облачился во все черное. Ветер трепал полы его плаща, и во время особенно сильного порыва, когда края ткани взлетели вверх, я подумала, что Рок похож на ворона с распростертыми крыльями — вестника войны. Та же стремительность, сила и настороженность, что и у этой птицы. И то же умение вызывать своим появлением трепет и ужас.

— Вам удивительно идет мужская одежда, — после паузы проговорил Рок. Он окинул меня долгим взглядом, словно смотрел на редкостную вещицу в лавке старьевщика.

Я невольно вспыхнула. Не столько от комплимента, сколько от взгляда моего спутника. Меня никогда прежде не рассматривали с таким вниманием и трепетом. Я не знала, льстит ли мне это или раздражает.

— Вы хотите сказать, — собрав всю смелость в кулак и стараясь подражать ироничной манере Рока вести разговор, начала я, — мне идет *ваша* одежда, не так ли?

— Возможно, — медленно проговорил Рок и как будто поспешил сменить тему. — Давайте возвращаться к лошадям. Время на исходе.

Мне оставалось только согласиться.

Я быстро подхватила вещевой мешок с торчащим из него подолом мокрого платья и последовала за Роком.

При виде нас лошади громко заржали. Кажется, я поторопилась с выводами насчет их идеальной выучки. Мой конь пару раз ударил по земле правым передним копытом. Я вздрогнула.

— Давно хотел спросить вас. — Рок искоса взглянул на меня. — Почему вы боитесь лошадей?

Я тяжело вздохнула, но мысли ускользнули от ответа у меня не возникло.

— Потому что трусость течет в моих венах, и я ничего не могу с этим поделать. Я боюсь многих вещей: сильного огня, раскатов грома, полноводных рек... Легче перечислить то, что меня не страшит.

— Например, оружие, — задумчиво заметил Рок. — Оружия вы совершенно не боитесь.

— Да, это правда, — нахмурилась я. — Даже странно.

— Сталь не может бояться стали.

— Простите?

— Кара, вы сама как оружие. Было бы поистине забавно, если бы вы боялись взять в руки рапиру.

Я промолчала, неуверенная, что восприняла фразу Рока правильно. Всякий раз, когда мне казалось,

будто я начинаю его понимать, слова или поступки спутника ставили меня в тупик.

Он отвязал моего коня, подал мне руку и помог забраться в седло. Заметив, как легко и грациозно Рок вскочил на лошадь, я снова мысленно сравнила его с хищником — опасным и привлекательным.

Мы тронулись в обратный путь. Ветер усиливался, и от его холодных порывов не спасал даже жакет. Я с запоздалым сожалением поняла, что оставила свой плащ где-то на камнях. Рок, скакавший чуть впереди меня, придержал своего коня и поравнялся со мной. В воздухе взметнулся черный плащ, как раскрытие крылья ворона, и опустился мне на плечи. Я посмотрела на Рока с благодарностью.

— Спасибо. Я оставила свой где-то на берегу.

— Я позабочусь об этом. Не переживайте.

Я кивнула и, накинув на голову капюшон, закуталась в ткань. Сразу же стало тепло, и я расслабилась. Мне подумалось, что с Роком все проблемы решались удивительно легко.

Луна почти полностью скрылась за тучами. Нам пришлось урезонить коней и сбавить темп, чтобы не сбиться с пути. Теперь мы ехали с Роком бок о бок. Наверное, именно эта близость и заставила задать вопрос, давно не дающий мне покоя.

— Вы не будете сожалеть, когда ваш брат... умрет? — Мне казалось, что я готова говорить об этом хладнокровно, но все же споткнулась на последнем слове. Я недовольно куснула губу и изо всех сил сжала поводья заледеневшими руками. Мысль взять на ночную прогулку перчатки мне в голову не пришла.

— Почему я должен сожалеть? — с легким непониманием спросил Рок.

Пришел черед удивляться мне.

— Он же ваш брат. — Я не знала, что еще можно добавить. Как ни старалась, не могла найти более весомого довода.

Рок помолчал, словно раздумывая над ответом. Он смотрел прямо перед собой, не стремясь встретиться со мной взглядом, и это было непривычно. Я даже не заметила, как его манера постоянно смотреть в глаза при разговоре перестала казаться мне пугающей и отталкивающей.

— Я не испытываю к брату ни особой любви, ни ненависти, если вы об этом, Кара. Поэтому его гибель не сможет вызвать во мне сильных чувств.

Я растерянно посмотрела на Рока. Он же глядел вперед, на дорогу. Молчание легло между нами. Прошло много времени, вдали уже показался замок, когда я решилась продолжить.

— И все же... — робко начала я.

Рок не дал мне закончить. Он перебил меня, но в его голосе не чувствовалось ни раздражения, ни злости.

— Он должен умереть, Кара. Такова его судьба.

— Вы говорили, что ее можно изменить.

— Лишь до определенной развилки. Воин свою уже миновал.

— Что вы скажете насчет меня, Рок? Моя развилка впереди или позади?

Он по-прежнему скакал рядом, но не поворачивался ко мне лицом. Я видела его профиль, и мне показалось, что крылья носа побелели. Что служило тому

причиной — гнев или страх, — я не могла бы сказать наверняка. При этом Рок сделался еще более отстраненным, словно это было возможным.

— Только то, что уже говорил не раз: вы станете королевой, Кара. Завтрашний день навсегда изменит рисунок судьбы.

В темноте простирали очертания ворот. В примыкающих к ним остроконечных башнях горел огонь. Ветер гасил все звуки, но не будь его, в ночной тишине мы бы услышали обрывки ленивых разговоров стражников, скрежет меча о заточку или, возможно, чье-то похрапывание.

Рок подхлестнул коня и оказался на полкорпуса впереди. Он поднял руку, сжав пальцы в кулак. Видимо, этот жест был своего рода тайным знаком, потому что маленькая калитка внутри ворот приоткрылась. Мы с Роком спешились и, держа лошадей за узду, нырнули под каменную арку. Лицо мазнуло жаром — стражник, неловко громыхающий связкой ключей, торопливо и нервно поднес факел к нашим лицам, едва не опалив мне при этом брови. Похоже, узнав нас (всего несколько часов назад этот же стражник с обвисшим животом и залысинами на висках уже открывал нам ворота, чтобы мы могли выбраться из замка), он с облегчением перевел дух и сделал молчаливый приглашающий жест. Рок кивнул нашему сообщнику, не глядя вложил в его раскрытую ладонь звенящий монетами бархатный мешочек, равнодушно проигнорировал благодарность. Остаток пути до дворца пролетел быстро и, как обычно, в молчании. Задумавшись, я очнулась лишь тогда, когда заскрипели деревянные

ступени лестницы черного хода, по которому мы добирались до моей спальни. Спохватившись, я стянула с себя плащ и протянула его владельцу.

— Благодарю вас еще раз.

Рок искоса взглянул на меня и продолжил путь.

— Могли бы оставить себе.

Предложение, похожее на просьбу, но прозвучавшее как приказ, показалось мне возмутительным, и я вспыхнула — не стыдливо, а возмущенно.

— Вы предлагаете мне принять подаяние, Рок?

Кажется, впервые с нашего знакомства у меня получилось скопировать насмешливую интонацию своего нового друга.

Плечи Рока едва заметно вздрогнули, но сам он не оглянулся, продолжая шагать чуть впереди меня. Факел в его руке бросал ровные круги света на пол и стены, выхватывая из ночной темноты очертания хорошо знакомых предметов и окутывая их мистической дымкой.

— Я вовсе не это имел в виду, Кара. Прошу меня простить. Я забылся.

В голосе Рока звучало искреннее сожаление, и мое раздражение испарилось, оставив после себя смутные угрызения совести за несвойственную мне резкость.

— Я тоже забылась. Извините меня.

Рок встряхнул головой, как, бывает, это делает конь перед тем, как взять новое препятствие, и, повернувшись ко мне вполоборота, протянул руку.

— Будьте осторожны, Кара. Здесь треснула ступенька. Думаю, завтра кто-то из слуг заметит это и все исправит.

Я приняла галантную помощь спутника. Моя ладонь скользнула по широким массивным перилам лестницы, а затем легла на согнутый локоть Рока.

Идти с ним под руку, пусть даже по мрачным коридорам дворца, было уже почти привычно. Чувства неловкости я почти не испытывала.

Стражи возле дверей, как и всегда, отвела глаза и сделала вид, что не заметила ни нашего ухода, ни возвращения. Один из охранников демонстративно зевнул и вновь прислонился затылком к стене. Рот Рока чуть дернулся, будто мой спутник увидел что-то забавное.

«Или услышал».

Эта мысль мне не понравилась, поэтому я потопротискалась изгнать ее из головы.

— Кара, обещайте мне, что поспите. Вы нуждаетесь в отдыхе.

Мне не хотелось давать заведомо ложных обещаний, поэтому я улыбнулась краешком губ и, сжав пальцами ручку дверцы за своей спиной, произнесла иное.

— Спокойной ночи, Рок. — И после паузы добавила ужетише, но куда более эмоционально: — До завтра!

— До завтра, Кара.

Казалось, Рок сдерживается, чтобы не шагнуть ко мне. Опасаясь, вдруг он скажет или сделает что-то, способное выбить меня из хрупкого подобия равновесия, я поспешно толкнула дверь спиной. И юркнула в открывшийся проем, как лесной зверек, ныряющий в нору при виде охотника. Будь у меня пушистый хвост, он бы так же дразняще мотнулся из стороны в сторону, как у какого-нибудь зайца, на бегу заскакивающего в свое убежище.

Затворив дверь, я пару минут стояла неподвижно. Лишь ноздри трепетали, когда я делала очередной глубокий вдох, чтобы успокоиться.

В спальне я, ведомая привычкой, а не разумом, налила в медную чашу воду из кувшина и ополоснула лицо и руки. Затем скинула с себя мужской жакет и принялась расстегивать череду мелких пуговиц рубашки, но тут дверь снова отворилась.

— Кара, ты вернулась? О-о-ох! — Это все, что смогла промолвить Рони, увидев меня в мужском одеянии.

— Почему ты не в постели? — строго спросила я. — Сестра спит?

— Конечно же... — начала было Рони, но фразу за нее закончила Шута, неожиданно возникшая на пороге спальни.

— Нет, — ответила наша младшая и широко улыбнулась.

В длинной белой ночной рубашке она походила на призрака — к слову, весьма беззаботного. Впрочем, призраки, улыбающиеся или нет, никогда еще не сулили ничего хорошего...

Мне пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы не рассмеяться, настолько забавным получился момент. Рони и Шута обменялись взглядами настоящих дуэлянтов и с достоинством, присущим им же, резко отвернулись друг от друга и приблизились ко мне с разных сторон.

— Тебе идет мужская одежда, — сказала Шута, но я не поддалась на ее лесть.

— Немедленно в постель! — все еще стараясь быть серьезной, потребовала я.

Сестры переглянулись. Видимо, пришли к молчаливому согласию, и Шута выпалила:

— Мы сегодня будем спать с тобой.

В этой фразе причудливо смешались просьба и угроза, но, взглянув в лица девочек, я почувствовала, как где-то в груди появилась тянувшая боль, — именно так ноет душа.

В напряженном молчании читались страх и едва уловимая вера в чудо, так плохо облекаемая в слова. Сестры так же, как и я, ждали рассвета. Молились, чтобы он не наступал, и в то же время мечтали, чтобы солнце как можно быстрее взошло на небо. Ожидание изматывало их, но вселяло надежду на благополучный исход. Рони и Шута были еще детьми — напуганными, растерянными, но с достоинством, питанным с молоком матери, старались изобразить взрослых. Меня восхищала их стойкость, но по-настоящему трогала сердце потребность сестер во мне. Они обе старались казаться независимыми, однако самостоятельности в них было не больше, чем в цыплятах, прячущихся под крылом курицы во время дождя. Тепло пронеслось по моей коже, оставив на ней мурашки, и я под влиянием даже не чувств, а чего-то более сильного — глубинного порыва, известного женщинам с древних времен, — молча распахнула объятия.

Две девочки, которые сейчас были не моими сестрами, а детьми, ринулись ко мне. Нос Рони уткнулся мне в шею справа, а нос Шуты — слева. Я поглаживала их обеих по спинам и раз за разом обещала, что завтра все будет хорошо.

«Ты — единственное, что у нас осталось».

Я возвращалась к этим словам Рони снова и снова. Места на моей узкой девичьей кровати было немного, поэтому нам пришлось основательно потесниться, чтобы улечься втроем. Прислушиваясь к посапыванию с обеих сторон, я молча рассматривала потолок, по которому бродили тени. Лежала неподвижно, опасаясь лишний раз шелохнуться и потревожить покой сестер. Иногда я, поддавшись порыву, осторожно касалась губами макушки Рони или лба Шуты. Девочки в такие моменты ворочались, но не просыпались.

«Я никому не позволю их обидеть».

Ночь тянулась бесконечно долго. Когда тени на потолке начали отступать, гонимые холодными и бледными солнечными лучами, я осторожно, боясь разбудить сестер раньше времени, встала с кровати и подошла к окну.

Мрачное небо начало светлеть. Его темное дно прочертили бледно-розовые прорези, и сквозь них настойчиво проглядывало солнце.

Утро, которое навсегда изменит не только мою жизнь, но и меня саму, наступило.

Глава 5

С помощью королевы легче всего поставить мат королю. Эта задача может быть решена в несколько ходов.

Красное платье, которое я надевала вчера для встречи с Роком, оказалось безнадежно испорчено. Возможно, будь у меня времени, силы или желание на починку, я бы привела траурный наряд в приличный вид. В моем гардеробе водилось еще одно платье нужного оттенка, того самого, которого требовали приличия и традиции. Я могла бы его надеть, но, когда моя рука метнулась к алому шелку, я остановилась. Платье было прекрасным и богато расшитым. Его длинные пышные юбки и чудовищно жесткий корсет делали мою фигуру близкой к идеалу, но основательно сковывали движения. Без колебаний я отбросила это платье на постель, и оно, взметнувшись алым облаком, растеклось по ней неаккуратной лужицей шелка.

Мой гардероб нельзя было назвать скучным, но для сегодняшнего поединка он не мог предложить мне ничего дельного. В какой-то момент в голову пришла сумасшедшая мысль остаться в мужской одежде, такой удобной и комфортной, но я почти сразу выкинула ее из головы.

В конце концов, я остановила свой выбор на простом (даже слишком простом) черном платье. Оно, как и любое другое, требовало корсета, который я решительно оставила лежать на все той же постели поверх нежного алого шелка.

Зеркало показало мне бледную девушку с тщательно забранными наверх волосами, которые она заплела в толстую косу и скрепила черной лентой. Ее наряд был беден и приводил в смущение отсутствием хоть какого-нибудь подъюбника. Пожалуй, даже самая последняя крестьянка не позволила бы себе надеть платье поверх нижней рубашки. Я посмотрела на корсет, широкий подъюбник, накладки, призванные добавить мягкости моим формам, и поджала губы. Сегодня мне все это не понадобится.

Я успела расчесать волосы сестрам и помочь им обрядиться в красные платья, прежде чем в покой без всякого стука вошли двое стражников и жрец.

Последний обежал нас внимательным взглядом, чуть склонил голову, но не как перед дочерьми короля, а как перед благородными леди, и сделал молчаливый приглашающий жест в сторону входной двери. Стражники за его спиной не проронили ни звука.

Мы спускались по парадной лестнице: я — впереди, младшие сестры — за мной; и казалось, что мир

замер. Все в нем исчезло, кроме этого шепота, шлейфом ползущего за нами, этих взглядов, любопытных и испуганных, и этого жалкого стремления разойтись, разбежаться по разным углам при виде нас троих, шагающих с гордо поднятыми головами на закланье богам.

Я не знала, куда нас ведут, но не сильно удивилась, когда поняла. Городская площадь, конечно же. Именно там испокон веков казнили преступников.

«Разве заслуживают чего-то другого маленькие девочки, еще совсем дети?» — подумала я с иронией, и в моих жилах огненной лавой вскипел гнев.

Руки нам не связывали. Из уважения или убежденности, что бежать некуда, — не решусь гадать. При виде толпы, отводящей глаза и расступающейся перед нами, я невольно сжала ладони в кулаки.

Когда мы дошли до площади с торчащими на ней, как пугало посреди поля, тремя помостами, заваленными вязанками дров и снопами соломы, солнце окончательно взошло на небосвод. Оно почти не грело, как будто неохотно купало выложенную брускаткой площадь в холодных лучах и постоянно пряталось за тучи. Поднимался ветер. Солома, рассыпанная по полу помостов, взметалась вверх от особо сильных его порывов и медленно оседала обратно.

Недалеко от места казни на возвышении были установлены два мягких кресла. В одном из них восседал Воин, в другом — беременная женщина, запомнившаяся мне еще с поединка брата. Супруга Воина должна была вот-вот подарить стране наследника. Женщина отвела взгляд сразу, как встретила мой.

Я криво ухмыльнулась, снова ловя себя на мысли, что подобная хладнокровная ирония мне не свойственна.

За спиной тихо заплакала Шута, и я сразу же позабыла все, о чем думала до этого. Я обняла ее и прижала к себе, безмолвно клянясь, что больше ни одной из моих сестер никогда не придется проходить через что-то подобное. Я позабочусь об этом.

Жрец взмахнул рукой в сторону помоста, но я проигнорировала его вежливое приглашение. Не позволю напугать сестер еще больше.

Жрец вздохнул, откашлялся и обратился к робко шепчущейся толпе:

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить память богов и воздать почести их мудрости. Согласно высшему завету, семья побежденного в ритуальном поединке претендента на корону будет предана огню.

Ко мне прижалась еще и Рони. Я услышала, как она безуспешно пытается подавить всхлипы, и гневно вперилась в жреца. Определенно, я его запомню...

Жрец выдержал паузу, оглядел толпу, повернулся к Воину и, дождавшись от него кивка, взял в правую руку протянутый стражником факел, а в левую — чашу с зельем, призванным смягчить наши мучения.

Другой стражник подтолкнул нас к помосту, вынуждая ступить на него. Шута отчаянно заревела.

— Я бы хотела, чтобы мне дали слово. — От злости мой голос звенел, как сталь, столкнувшаяся с другой сталью, — яростно и пугающе.

Жрец обернулся ко мне и открыл рот, но не проронил ни звука, похоже растерявшийся от моей просьбы или

той интонации, с которой она была высказана. Воин поднял взгляд от, видимо, слишком заинтересовавшего его герба Тринадцати кланов и после некоторого колебания дал знак мне продолжить.

— Говорите, — сказал жрец. В его повадках и голосе появилось беспокойство.

Настал момент, которого я так долго ждала. На лбу выступил холодный пот, ладони стали влажными, а коленки подрагивали. Казалось, их вот-вот сведет судорогой. Я подняла голову еще выше, хотя думала, что сделать это уже невозможно, осторожно убрала руки сестер, вцепившихся мне в подол, и шагнула вперед. Медленно оглядела толпу, с удивлением уви-дела, как люди прячутся от моего взора, и громко, так, чтобы слышали все, произнесла:

— Я, Кара — дочь короля Первого, бросаю вызов Воину — первому сыну вождя клана Черного Медведя и претенденту на корону Тринадцати кланов. — Толпа ахнула и отступила, Воин в своем кресле подался вперед и со странной смесью раздражения, уважения и замешательства посмотрел на меня. Я, глядя в глаза убийце брата, жестко закончила: — Я требую ритуаль-ного поединка!

— По какому праву? — без всякой злости вырвалось у ошеломленного жреца. Этот вопрос явно слетел с его губ абсолютно невольно, но я ждала его. И была готова ответить.

— По праву первенца, — отрезала я и распрямила плечи так сильно, что лопатки свело.

Жрец ринулся к Воину, они зашептались. Толпа притихла и со страхом и недоверием взирала на меня.

Ко мне снова прижались Рони и Шута. Последняя молчала, а Рони яростно зашептала:

— Кара, это и есть твой план? Лев-прародитель! Не глупи, он убьет тебя... Это будет мучительная смерть. Кара, остановись!

— Прекрати, — одернула я ее и, смягчая отпор, положила ладонь ей на макушку. — Все будет хорошо, обещаю.

Меня обожгло чьим-то взглядом, и я подняла голову, невольно ища его владельца. Рок стоял за спинкой кресла Воина и смотрел на меня в упор. Он был не единственным, кто обосновался там, — один из многочисленных родственников, один из свиты, не более, но благодаря высокому росту мой знакомец выделялся, и я подумала, что даже странно было не заметить его сразу.

В свите Воина возникло что-то, напоминающее замешательство. Видимо, мое требование оказалось настолько неожиданным и скандальным, что люди попросту не знали, как реагировать. Не знал этого и Воин. Он спросил о чем-то у жреца (я, стоя на помосте, конечно, не слышала, о чем). Тот замотал головой и что-то затараторил, но недолго. В разговор вмешался Рок. С достоинством, присущим только ему, он вставил какое-то замечание. Его слова встретили с недоверчивым вниманием. Рок сказал что-то еще, а затем замолчал. Возникла короткая пауза, которую прервал Воин. Он встал с кресла, поднял руку вверх, призывая всех к тишине, чего, впрочем, не требовалось — толпа притихла и без его приказа.

— Я принимаю вызов. Поединок состоится немедленно.

Толпа разразилась криками. Рок едва заметно скрипил губы в подобии улыбки. Воин смотрел хмуро и немного растерянно. Я же величественно склонила голову, принимая такой ответ.

— Королева — самая важная фигура в игре, — вдруг сказала Шута, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я не знала, что именно она имела в виду, но в этот раз была склонна с ней согласиться.

До реки мы добирались на лошадях. Мне связали запястья, помогли забраться в седло, приставили по бокам двух стражников и предупредили, что глупить сейчас не время.

Возможно, Воин посчитал мой вызов не более чем уловкой для побега. Что ж, скоро он поймет: я настроена серьезно.

Странно, но я больше не боялась. Наверное, тот ларец со страхом, что уготован богами каждому из нас, я вытряхнула полностью. Ничего в нем уже не осталось.

Ветер крепчал. Мне приходилось наклоняться вперед, чтобы как-то сопротивляться его силе. Солнце почти полностью исчезло за тучами, и в их мрачной синеве время от времени отчетливо громыхало.

«Будет дождь».

Я не знала, куда увiedи Рони и Шуту. Их не было рядом со мной, но, несмотря на смутное беспокойство, я знала, что сестер не тронут до окончания поединка. Если у кого-то и возникнут такие бесчестные мысли, Рок не позволит случиться ничему дурному. И дело

было не в его теплых чувствах к моим сестрам (на этот счет у меня имелись сомнения), а в отношении ко мне.

Небо полыхнуло вспышкой молнии. Я подняла глаза и подумала, что боги дают нам знак. Вот только его смысл — ободрение или предостережение? — оставался для меня загадкой.

Мы добрались до места, миновали ущелье и пошли к реке. Мне помогли спешиться и разрезали веревки, удерживающие запястья. Я оглянулась. Зрители занимали свои места. Ввысь взметались флаги. Я насчитала одиннадцать представителей разных кланов. Видимо, Воин отправил каждому вождю голубя с требованием явиться. И все равно было странно, что они успели...

«Если, конечно, об этом не позаботился Рок...»

Я легко нашла его взглядом. Стать моего знакомца никогда не позволила бы ему остаться незамеченным даже в самой многочисленной толпе. Он выглядел спокойным, но мне показалось, что его спокойствие — это лишь маска.

Рок тоже смотрел на меня — серьезно, вдумчиво, неотрывно. Он не кивал и не улыбался мне; право слово, это было бы лишнее. Мы понимали друг друга и без того.

— Уж лучше бы ты приняла зелье, Кара, — сказал подошедший ко мне Воин. Он казался уставшим. Совсем не так полагалось выглядеть победителю и обладателю короны. — Смерть от раны может быть мучительной. Я не хотел, чтобы ты страдала.

— Немногие в наше время могут позволить себе благородство. — Замечание, пропитанное холодным

сарказмом, сорвалось с языка, прежде чем я успела себя остановить.

Воин нахмурился и посмотрел на жреца, возносящего короткую молитву перед поединком. Мы с соперником стояли бок о бок и ждали знака, чтобы войти в воду. Наш немногословный разговор заглушали грохот барабанов и раскаты грома.

— Мне жаль, Кара. Я не хочу тебя убивать.

— Так же, как и моего брата?

Я обернулась к Воину так резко, что успела поймать на его лице отголосок неясного чувства. Что это было: удивление, сожаление, раскаяние?

— Его я тоже не хотел убивать, — глухо сказал он.

Я не успела ответить дерзостью, хотя та уже рвалась с языка. Жрец воздел руки к небу, барабаны замолчали, и в тишине, нарушающей лишь завыванием ветра, воинственным кличем прозвучали слова:

— Да свершится воля богов!

Небо разрезала ослепительно-белая молния, а воздух содрогнулся от очередного, еще более оглушительного раската грома. Мы с Воином одновременно встутили в реку.

— Выбор оружия за вами, Кара.

Жрец выжидающе посмотрел на меня.

— Рапиры, — коротко сказала я.

Воин лишь раздраженно дернул ртом, но и этого было достаточно, чтобы ободрить меня. Жрец дал соответствующие распоряжения, и минуту спустя я уже скимала рапиру чуть дрожащей рукой.

Я поторопилась с выводами. Страх вернулся совершенно не вовремя.

Ненадолго замолчавшие барабаны вновь принялись отбивать древний и простой, как сама жизнь, ритм. Воин не спешил нападать. Уверенно держа оружие, он смотрел на меня, словно предоставляя возможность ударить первой. С тонкой и легкой рапирой он выглядел нелепо, даже забавно. Но мне было не смешно.

Снова громыхнул гром. Мы по-прежнему стояли друг напротив друга, разделяемые двадцатью шагами, и будто оттягивали начало боя, как нерадивые ученики, не выучившие урок и не желающие торопиться на встречу с учителем.

Жрец занервничал. Подойдя к нам ближе, он крикнул:
— Сражайтесь! Таков завет богов!

Этот вопль словно разбудил Воина. Прерывисто выдохнув, он направился ко мне. На его лице читалось желание завершить все как можно скорее.

В движениях Воина чувствовалась медлительность и какая-то неохота, поэтому я легко ушла от его удара, больше показного, чем настоящего.

И все же холодное острие стали, рассекшее воздух рядом со мной, заставило испугаться по-настоящему. В голове начался сумбур, я запаниковала и пропустила следующий удар. Боль, обжегшая левое плечо, заставила закричать.

«Я не хочу тебя убивать», — с горечью вспомнила я слова Воина.

За эту ночь я много раз прокручивала в голове сценарий нашего с ним поединка. Думала, что готова, но ошибалась. Дар под напором страха и растерянности отказывался мне подчиняться. Глаза затопило

слезами, я не могла рассмотреть ни нитей жизни, сплетающихся на груди у моего соперника, ни его самого. Боль бурлила в теле, и я никак не могла подавить ее. Страх перед смертью кричал во мне и требовал выйти из реки, прекратить это медленное самоубийство.

Воин наступал, но чувствовалось, что он сражается даже не вполсилы — в одну треть. Так играют в сражение с ребенком, дают ему время перевести дух и собраться с мыслями.

— Я могу убить тебя быстро, — сказал Воин, окававшись в очередной раз рядом со мной.

«И мог бы уже давно», — вдруг со злостью подумала я.

Платье облепило ноги, и, уходя (на самом деле, неловко отскакивая) от нового разящего удара, я поскользнулась на камнях и рухнула в воду.

Беспомощно распластавшись на мелководье, я сцепила зубы, чтобы не закричать, — острая боль в лодыжке взорвалась в глазах снопом искр, на миг лишив меня зрения. Я поняла, что это конец. Воин шагнул ко мне и занес над головой клинок.

«Влево!» — Эта мысль пронеслась так стремительно, что я даже не поняла, как подчинилась ей.

Игнорируя вспышку боли в ноге и ощущая, как по рукаву платья сочится кровь из раны в плече, я каким-то невероятным усилием воли метнулась влево, просто перекатившись по камням.

Рапира пронзила пустоту. Воин замер, как будто в смятении. Снова на его лице отразилось что-то, сбивавшее меня с толку.

«Подол платья! Он мешает», — подумала я. Это прозвучало так твердо, что я, удивляясь собственной смелости, острием вспорола ткань юбки чуть выше колена и рывком порвала ее. Мои ноги получили свободу.

Я сделала это настолько быстро, словно кто-то вел меня, но размышлять об этом не стала. Воин уже обернулся. Наши взгляды снова встретились. Боль от ран и животный страх перед смертью куда-то отступили, теперь я снова четко видела нити жизни, яркие, трепещущие и беззащитные передо мной.

В намокшем черном платье, с рассыпавшимися по спине волосами, с бесстыдно оголенными ногами, я смотрела на Воина и понимала, что сейчас, именно сейчас и меняется рисунок судьбы.

Я вернулась от нового удара, с поразительной легкостью поднырнув под руку своему противнику. Обрезанное платье больше не сковывало движений — впрочем, кажется, дело было не только в нем. В следующую секунду я забыла о своем смутном ощущении, потому что уже переключилась на другое зрение — то, что было даровано богами мне и только мне. Времени не оставалось, в любой момент Воин мог пронзить меня клинком. Дрожали руки, сердце билось, как птица в силках, но это не отвлекало меня. Нить, еще одна нить. Вот оно — средоточие жизни, пульсирующее и трепещущее.

Что-то обожгло мне правый бок, но было уже поздно. Узел, сплетенный из нитей, вспыхнул и распался. Обрывки плавились и чернели.

Я закричала и взмахнула рукой. Она дернулась, столкнувшись с препятствием. Я моргнула, и ко мне вернулось обычное зрение.

Над моим лицом нависло лицо Воина. В его затуманенных глазах навсегда застыло изумление. Скрючившись, он держался за мою рапиру. Ее острие вошло в живот и застряло там.

Эфес рапиры выскользнул из моих рук, но это ничего не могло изменить. Воин покачнулся и медленно осел в воду. Его глаза остались распахнутыми уже навсегда.

Раздался истощный женский визг, а за ним последовал такой сильный раскат грома, что, казалось, земля содрогнулась.

На мое лицо упала капля дождя, затем еще одна. Я стояла, дрожа от боли и потрясения, и отрешенно взирала на тело поверженного соперника. Небо прорезали короткие и яркие вспышки. Барабаны замолчали.

Кончиком языка слизнув кровь с губы, я посмотрела на толпу. Она молчала, и в этой мрачной тишине особенно пугающе выглядело буйство стихии.

«Они не присягнут мне», — с отчаянием поняла я.

Невольно посмотрела на Рока и застыла, забыв даже о боли. С присущим ему достоинством он, не отрывая от меня взгляда, медленно опустился на одно колено.

По толпе пронесся шепот и оханье. В небе снова полыхнуло, и оно разверзлось. На землю хлынул ливень. Он затуманил зрение, и через его завесу, как сквозь дымку, я увидела, что один за другим все представители кланов, все зрители этого боя опускаются на колено и склоняют голову, признавая во мне победителя поединка и будущую королеву. Из груди вырвался лающий хриплый смех, похожий на кашель,

и я подняла глаза к небу, подставляя лицо ливню. Его поток, словно лаская, смывал с кожи теплые разводы крови и липкие капли пота.

К горлу подступила тошнота, в глазах потемнело, боль снова обожгла раскаленным металлом. Обморок в этот раз не обрушился, а наступал медленно. Ноги перестали меня держать, и я опустилась на камни мелководья. Прежде чем ухнуть в небытие, я снова услышала полный отчаяния женский крик и успела посмотреть в глаза его обладательнице.

Беременная жена Воина, прижав одну руку к огромному животу, а другой закрыв себе рот, смотрела на меня в таком ужасе, что я наконец вспомнила об одной важной детали, до этого с ловкостью мыши ускользавшей от моего внимания.

Завет предков требовал безжалостного уничтожения семьи проигравшего в поединке. И теперь мне, совершившей одно убийство, придется позволить случиться еще нескольким смертям.

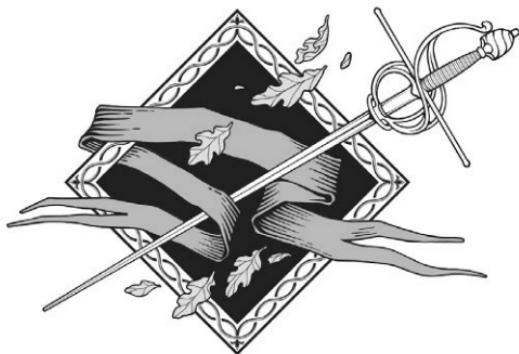
«Божественные предки!» — в ужасе подумала я и рухнула в долгожданную темноту. В ушах по-прежнему стоял истошный женский крик.

Часть II

Середина игры

Глава 6

Королева объединяет в себе силу сразу двух фигур: ладьи и коня. Находясь в центре шахматной доски, королева контролирует двадцать семь полей — больше, чем какая-либо другая фигура. Королева, бесспорно, самая сильная фигура на шахматной доске.

Когда я очнулась, день клонился к вечеру. В комнате уже появились сумрачные тени. В углу, где потрескивал дровами камин, они сплетались в причудливый узор с отблесками огня, и эта борьба света и тени заворожила меня. Затуманенным взглядом я долго всматривалась в скачущий по полу рисунок, в котором видела какой-то потаенный смысл, и пыталась его понять, пока не услышала рядом с собой, почти над ухом, женский вздох, наполненный облегчением и радостью:

— Слава нашим предкам, вы пришли в себя, Ваше Величество! Я позову лекаря!

Невысокая молодая девушка, чьи мягкие формы подчеркивало простое алое платье, как будто немного тесноватое ей, вскочила со стула, отбросила шитье и поспешила к двери. Каштановые волосы, собранные в пучок, говорили о статусе прислуги, и только это помогло моему окутанному сонной дымкой разуму ее вспомнить. Конечно, Любовь — моя личная горничная! За эти кошмарные три дня я, лишившись ее помощи, успела почти позабыть о существовании служанки. Признаться, от этого мне стало немного стыдно.

— Любовь, подожди! — Она послушно застыла на пороге и с тревогой обернулась, не забыв при этом почтительно склонить голову. — Найди Рока, брата погибшего Воина из клана Черного Медведя, и приведи ко мне. Я хочу его видеть.

Любовь послушно кивнула, не выразив ни капли удивления или непонимания, присела в реверансе и исчезла за дверью.

— Как там Кара? Нам к ней можно?

Голоса Шуты и Рони звучали приглушенно, их смягчала плотно закрытая дверь, но я уловила тревогу и нетерпение в словах сестер.

— Любовь, пусти девочек ко мне! — крикнула я и осторожно, с большим трудом приподнялась на подушке. Плечо тут же обожгло болью, и я скривилась, стараясь не вскрикнуть и не испугать сестер. На лбу выступил холодный пот, и я неловко смахнула его ладонью.

— Кара!

Два маленьких смерча ворвались в спальню. Попались им на пути препятствие, смели бы его в два счета. К счастью, ломать им было нечего, и потерять я избежала.

— Кара! — снова закричали сестры в унисон.

Рони бросилась мне на шею и задела плечо — так, что я зашипела от боли. Шута прижалась к животу, и в глазах потемнело — рана в боку тоже давала о себе знать.

— Краше только на погребальный костер кладут, — пробормотала Рони. Она отпустила меня и теперь настороженно всматривалась в мое лицо, словно выискивала там признаки смертельной болезни.

— Кара всегда была бледной! — вступилась за меня Шута и прижалась ко мне так сильно, что я подавилась воздухом на вдохе, — объятия причиняли боль. — Не говори глупостей, она выглядит как обычно.

Я мысленно усмехнулась. Насколько разными были сестры, настолько они дополняли друг друга.

Я ласково коснулась щеки Рони. Сестра замерла. В ее больших карих глазах все еще плескался страх. Нескоро она забудет все то, что произошло за эти три дня.

— Со мной все хорошо, — мягко сказала я и, несмотря на боль, обняла Шуту другой рукой. — Не переживайте за меня.

Рони нахмурилась, но промолчала. Природа же Шуты — непосредственная и жизнерадостная — не переносила тишины.

— Теперь ты станешь королевой, да, Кара? — Она приподняла голову и с восторгом посмотрела на меня. — Настоящей королевой, а не просто женой короля?

— Надеюсь, что так и будет, — тихо ответила я и поцеловала ее в макушку.

Слабость вновь обрушилась на меня, и я устало откинулась на подушки. Моя рука соскользнула со щеки Рони и упала на расправленаую постель. Сестра тут же обхватила мою ладонь и сжала ее.

— Кара, ты сумасшедшая! Но ты... потрясающая.

Я не успела ничего ответить на признание Рони. Раздался деликатный стук в дверь, и после моего приглашения войти, прозвучавшего тихо и надтреснуто, порог переступили двое. Впереди шел невысокий, худощавый, но крепкий мужчина с темно-рыжими волосами, в которых уже блестели нити седины. Его располагающее лицо прочертили морщины, но они были неглубокими и указывали не на немощность, а на опыт и знания. Я слабо улыбнулась. Мудрец, наш семейный лекарь, с самого детства вызывал у меня доверие и симпатию.

Впрочем, мое внимание было приковано не к нему, а к тому, кто следовал за ним, — к Року. Находясь позади лекаря, он, будучи выше на две головы, беспрепятственно встретил мой взгляд. В льдистых голубых глазах не было ни малейшего признака тревоги. Казалось, его совершенно не волновало мое положение. Странным образом это меня успокоило.

Мудрец деловито поклонился и, не тратя времени на долгие церемонии, сказал:

— Ваше Величество, мне нужно еще раз вас осмотреть. Вы позволите?

— Я еще не королева, — поправила я и многозначительно посмотрела на Рока.

Тот понял все без слов и вместе с девочками бесшумно вышел из комнаты, плавно притворив за собой дверь. Я услышала, как сестры тут же напали на него с многочисленными вопросами. Их попыталась призвать к порядку Любовь, но не особо преуспела.

— Как вы себя чувствуете, Ваше Величество?

Я мысленно отметила, что такое обращение режет слух, но не стала поправлять лекаря, понимая: это ни к чему. Мне придется привыкать и к новому имени, и к новой судьбе.

— Наверное, лучше, чем можно было ожидать, — неуверенно проговорила я.

— Вы получили две серьезные раны — в бок и плечо. Милостью богов вы живы.

— Да, боги были снисходительны ко мне, — задумчиво согласилась я. Перед глазами предстала сцена поединка с Воином. Снова в ней что-то показалось мне странным, но я никак не могла понять, что именно.

— Ко всему прочему, вы потянули лодыжку, но это пустяки, — продолжил между тем Мудрец, ставя на стол небольшой сундучок, который до этого держал в руках. — Вам бы и без того пришлось провести в постели несколько дней кряду.

Он раскрыл сундучок и приступил к осмотру. Его улыбающееся лицо омрачилось лишь однажды. Рана в боку явно взболновала лекаря. Впрочем, он постарался не подать виду.

— Восстановление займет долгое время. Вам стоит поберечься и проводить как можно больше времени в постели.

— Едва ли это возможно...

— Я понимаю, Ваше Величество. — Мудрец почтительно склонил голову и продолжил: — Я дам вам порошки собственного изготовления. Уверяю, они творят чудеса.

— Я полагаюсь на вас.

— Благодарю, Ваше Величество. Вы решили, кто станет вашей сиделкой?

— Пока нет. — Я невольно улыбнулась. Не собираясь проводить все время в постели. За время нашего разговора самообладание и способность мыслить трезво вернулись ко мне, и я поняла, что смогу обойтись и без помощи лекаря. Впрочем, сообщать об этом не спешила. — Оставьте все необходимые распоряжения моей горничной.

Мудрец потратил еще несколько минут на выражение восхищения моей доблестью. Кажется, меня впервые искренне сравнили с предком-львом.

Я выслушала все это с вежливостью, но без интереса. Мои мысли были заняты куда более важными вещами.

Наконец, лекарь удалился. Прошло пару минут, и дверь снова отворилась, впуская в спальню Рока.

Широким шагом он пересек комнату и, придвинув стул к кровати, сел напротив меня. Его черные волосы по-прежнему свободно лежали на плечах, и мне невольно подумалось, что совсем скоро ему все же придется убрать их в прическу. Статус короля обязывал это сделать.

— Вы выглядите бледной, Кара. — Глубокий голос Рока звучал привычно спокойно. — Вам необходимо позаботиться о себе.

— Рок, я вовсе не об этом хотела поговорить! — Раздражение, вызванное паникой, которую я подавляла во время разговора с сестрами и лекарем, вырвалось наружу.

— Понимаю, — легко согласился Рок. Он посмотрел на столик, где лежали оставленные Мудрецом порошки. — А этот лекарь не так глуп, как остальные. Вы знали, что он учился у ведьм?

— Что? — Я растерянно посмотрела на Рока. Мой разум трепетал под лавиной страшных мыслей, но, похоже, собеседник не торопился обсудить со мной действительно важные вещи. Те, от которых в ужасе заходилось сердце.

— Он уверяет, что лекарства его собственного изобретения, но это не так. Мудрец подсмотрел способ приготовления у одной жалостливой ведьмы, взявшей его на обучение еще мальцом. Собственно, — задумчиво добавил Рок, смотря по-прежнему на порошки, а не на меня, — его поступок не так уж глуп. Как человек, лишенный дара исцеления, но жаждущий занять хорошее место в обществе, он нашел решение. В чем-то это даже забавно...

Я не дослушала его и нетерпеливо напомнила о своем присутствии.

— Рок, посмотрите на меня! — Он обернулся. Казалось, от его внимания не ускользнуло ничего: ни дрожь в моем голосе, ни сцепленные в замок пальцы, которые я прятала под одеялом. Но Рок по-прежнему оставался спокойным, словно все шло так, как и должно. — Почему вы не сказали, что мне придется убить семью Воина?!

Видимо, вопрос застал его врасплох. На лицо Рока набежала тень, но почти сразу исчезла, и я даже подумала, что она почудилась мне в сгущающихся сумерках.

— Разве это не было очевидно? — после паузы медленно спросил он.

— Я совершенно не думала об этом! — Я резко приподнялась на постели и тут же из-за приступа боли легла обратно. — Если бы знала...

— Как странно... — задумчиво произнес Рок. Он смотрел на меня чуть исподлобья, в его взгляде появилась отрешенность, но также я чувствовала в нем тщательно скрываемое беспокойство.

— Что же в этом странного? — раздраженно спросила я. — Все мои мысли были заняты спасением сестер!

— Не местью? — В интонации Рока слышалась какая-то плавность, будто он неспешно перекатывал слова на языке. Вот только эта мягкость была обманчива. Мне казалось, что я научилась понимать Рока, и сейчас угадывала за его равнодушием смятение.

— Нет, — твердо ответила я. — Месть никогда меня не интересовала.

Я слегка покривила душой. Безусловно, мне хотелось отплатить за смерть брата, но это желание нельзя было назвать основным. Я не знаю, как бы повела себя, если бы судьба сестер не зависела от моего решения.

Рок поднялся со стула и подошел к окну. Он отодвинул шторы и стал всматриваться в темноту, напряжен-

но о чем-то думая. Со стороны казалось, что гость и вовсе забыл обо мне.

Не получив поддержки, на которую рассчитывала, я почувствовала себя беспомощной и опустошенной. К горлу подступил ком. Я поняла, что раньше всегда на кого-то полагалась: сначала на Света и Ника, затем — на Рока. Я совершенно не умела принимать решения сама.

— Что же мне делать?

Этот вопрос, тихий и жалобный, вырвался у меня невольно, и я стыдливо спрятала лицо в ладонях, раздосадованная собственной слабостью.

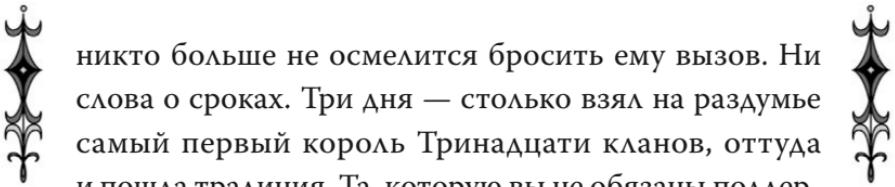
Рок резко обернулся.

— Готовиться к коронации, Кара. Она состоится через пару часов. Я понимаю, вам нездоровится, но откладывать церемонию нельзя.

Рока совершенно не волновало мое состояние, и я, уже привыкшая к его заботе, ощущала болезненный укол в сердце.

— О моем здоровье не стоит беспокоиться, — мрачно отозвалась я. — Коронация пройдет идеально. — Затем до меня дошел смысл его слов, и я с удивлением вскинула голову. — Постойте, через пару часов? Разве мне не полагается ждать три дня и вступить на престол после казни семьи Воина?

— Забавно, что большинство людей принимают чужие слова за истину, — с легкой усмешкой заметил Рок. — После поединка Света и Воина жрец сказал подождать три дня, и Воин его послушался. В завете все просто: победивший становится королем, если

никто больше не осмелится бросить ему вызов. Ни слова о сроках. Три дня — столько взял на раздумье самый первый король Тринадцати кланов, оттуда и пошла традиция. Та, которую вы не обязаны поддерживать, раз уж и так ломаете все привычные устои. Сегодня на реке все были так поражены случившимся, что мысль бросить вам вызов не пришла ни в одну горячую голову. Хочу заметить, таких голов среди знати достаточно.

— О! — невольно сорвалось с моих губ.

Рок искоса посмотрел на меня, но я молчала, не в силах больше ничего добавить. Его слова вновь внесли смятение в мою душу. Неужели мои сестры до сих пор в опасности? Рок продолжил:

— Я настоятельно советую вам отдать нужные распоряжения и провести коронацию сегодня же, пока все еще под впечатлением от вашего поступка. В противном случае через пару дней вы можете получить вызов на поединок сразу от нескольких человек. Не забывайте, Кара, вы...

— Женщина, — мрачно закончила я за него.

— Верно. Многие считут вас слишком легкой добычей. Многие захотят попытать удачу и применить корону. И не всех остановит плата в виде кровавой дани. Они просто не поверят, что смогут проиграть.

Я помолчала. Будущее рисовалось мне в темных тонах. Я ярко представила себе ту опасность, что грозила мне и сестрам.

— Коронация состоится сегодня. Вы правы, Рок.

— Я знаю, — серьезно сказал он и добавил, меняя тему: — К слову, Кара, вам нет нужды в лекарях. Вы способны исцелить себя сами. И куда быстрее, чем думаете.

— Я никогда не лечила себя. — Я стянула на груди одеяло. Мне показалось, что в комнате стало холоднее. — Впрочем, — я горько усмехнулась, — убивать мне тоже прежде не доводилось...

Рок бросил на меня быстрый взгляд и тут же отвел его. Что-то тревожило моего гостя, но это не было связано с моим здоровьем или семьей Воина.

Мы помолчали, а затем я заговорила снова:

— Я не стану умывать руки кровью еще раз. И тем более не позволю убить женщину, носящую под сердцем ребенка!

— К сожалению, это необходимо сделать.

— Идите к божественным предкам, Рок! — рявкнула я, теряя даже подобие самоконтроля. — Глупые традиции, жестокие законы... Я не собираюсь им больше следовать!

И снова что-то в Роке изменилось. Какое-то мимолетное движение, которое не успел поймать мой разум, но почувствовало сердце. Настроение Рока улучшилось. Казалось, он расслабился. Мои слова вызвали на его лице скромную улыбку одобрения.

— Вам нет нужды следовать традициям. — Я с облегчением выдохнула, но тут Рок продолжил: — К сожалению, в этом вопросе их нельзя нарушать. Семья Воина должна быть казнена.

— Вы обязаны что-то придумать!

Я воззрилась на Рока требовательно и зло. Мне не верилось, что он отказывается принять мою сторону.

— Увы, здесь я бессилен. Разве что...

— Разве что? — Я с надеждой посмотрела на него.

— Прежде, когда поединки еще проводили, семью проигравшего казнили в полном составе: родители, сестры, братья... Но это было давно. С тех пор мир стал чуть менее жестоким. Думаю, вы можете ограничиться казнью жены Воина. Детьми он не успел обзавестись.

Если бы я не знала, что Рок не посмеет сомневаться в честности моего слова, то подумала бы, что он пытается спасти свою шкуру. Наша свадьба должна была снять с него все обязательства перед жестокой традицией, ведь отныне он становился членом королевской семьи. Ему не было нужды волноваться о своей жизни.

— Это все, что вы можете предложить?!

— Боюсь, что да.

Я подавленно молчала, и он продолжил уже настойчивее:

— Кара, не глупите. Если вы проигнорируете традицию, столкнетесь с откровенным недоверием и даже осуждением. Знаете, чем это грозит?

— Чем же?

— Люди решат, что королева слаба и к тому же оспаривает волю предков. Вы хотите народных волнений? Хотите столкнуться с кровавыми восстаниями?

Я закусила губу и замолчала. Видя мое лицо, Рок снова заговорил мягко. В бархатистых интонациях

исчезла колкость, словно хищник спрятал острые когти в мягкие подушечки лап.

— Простите родственников Воина — его пожилых родителей и многочисленных братьев и сестер. Это вызовет уважение у вождей клана. Вас окрестят мудрой и милостивой королевой. Но... — Он сделал паузу и резко добавил: — Не позволяйте считать вас тряпкой! Поверьте, это не приведет ни к чему хорошему.

— Я не могу казнить женщину с ребенком, — упрямо и тихо сказала я и опустила голову, рассматривая свои руки, сложенные поверх одеяла.

— Ребенок еще не родился, — заметил Рок.

— Он скоро появится на свет. Я хочу, чтобы он жил.

— Нет! — Рок впервые повысил голос, и я в замешательстве подняла взгляд от постели. — Вы породите соперника, Кара.

— Соперника?

— У Воина будет сын. Вы хотите оставить в живых того, кто станет ненавидеть вас всем сердцем? Кто захочет отомстить за смерть отца, бросить вам вызов и оспорить ваше право на корону?

— Корона меня мало интересует.

— А жизни ваших сестер?

Сердце замерло, пропустило удар и снова забилось, уже быстрее прежнего. Я прерывисто вздохнула и вновь опустила глаза на свои сцепленные в замок руки. Рок отошел от окна, вернулся к стулу и опустился на него не плавно, как обычно, а порывисто. Этот жест напугал меня больше всех его слов. Я посмотрела на Рока исподлобья и почувствовала себя маленькой

нашкодившей девочкой, ожидающей выволочки от учителя.

— Кара, — после паузы терпеливо продолжил Рок, — не забывайте, что вы — женщина. Малейшая ошибка, и страну охватит пожар. Вы теперь королева. Вы должны научиться принимать неприятные решения.

— Я понимаю, но...

Я не закончила, краем глаза заметив, как Рок устало прошелся ладонью ото лба и по всей длине волос.

— Не знаю, откуда в вашей голове все эти мысли о милосердии, — задумчиво проговорил он. — Воин не собирался жалеть ни вас, ни ваших сестер.

Я мрачно промолчала. У меня не хватало сил спорить. Все, что я могла, — обороняться.

Мысленно я ответила Року, что недостойно срывать обиду на том, кто не сделал тебе ничего плохого. Тем более на женщине и ребенке — существах слабых и беззащитных. Всухожилье же не произнесла ни слова. Видимо, это насторожило Рока.

— Кара, о чём вы думаете? Я обещал, что не буду подслушивать ваши мысли, но мне важно понимать вас.

«Понимать вас».

Меня затопило облегчение. Рок снова становился таким, каким я успела его узнать, — заботливым, пусть его забота и казалась иногда странной. И все же я не хотела продолжать этот разговор.

— Вы правы, Рок, правы во всем... — я говорила тихо, почти шептала. — Давайте закончим на этом.

Рок с готовностью встал со своего места и поклонился.

— Конечно, Кара. Я понимаю, как тяжело вам далось это решение...

Я кивнула, избегая его взгляда, и все так же негромко сказала:

— Я помню о своем слове. Наша с вами свадьба состоится завтра днем. Если вы не имеете ничего против.

— Я буду счастлив.

Мне показалось, что его глаза радостно вспыхнули, а затем он наклонился, бережно взял мою ладонь и коротко поцеловал пальцы. Его губы были сухими и жаркими. Какое-то обжигающее чувство пронеслось по венам и осело в животе. Я поняла, что мои щеки заалели.

— Отдыхайте, Кара. Совсем скоро начнется коронация.

— Благодарю за заботу.

— Пока есть время, займитесь своим здоровьем. — Он склонил голову в сторону порошков. — Я имею в виду не лекарства.

Я медленно кивнула. Мои пальцы все еще лежали в ладони Рока, и эта физическая близость действовала на меня, как на кролика объятие змеи, — полностью подавляла.

Дверь за Роком плавно закрылась, и я в изнеможении откинулась на подушки. Тело болело, но гораздо хуже приходилось душе, которая разрывалась на части. По лбу катились капли холодного пота, и я смахнула их рукой.

«Вам придется научиться принимать неприятные решения».

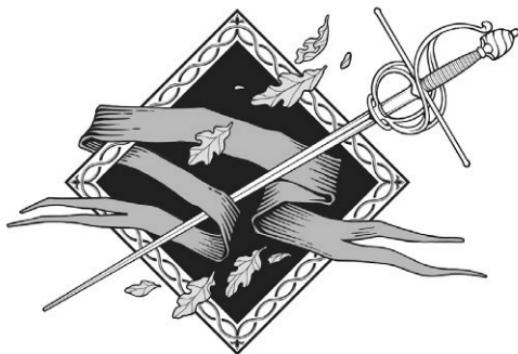
Слова Рока похоронным набатом звучали в голове снова и снова. Закусив губу и чувствуя во рту солоноватый привкус крови, я смотрела в отблески огня в камине.

— Я научусь, — сама себе пообещала я. — Научусь, Рок. Даже если вам это не понравится...

Я еще долго смотрела на огонь, успокаиваясь. У меня достаточно времени, чтобы все исправить.

Я устало прикрыла глаза. Передо мной снова разлилась темнота, а затем в ней проступило хитросплетение нитей жизни. Я вздохнула и принялась за работу.

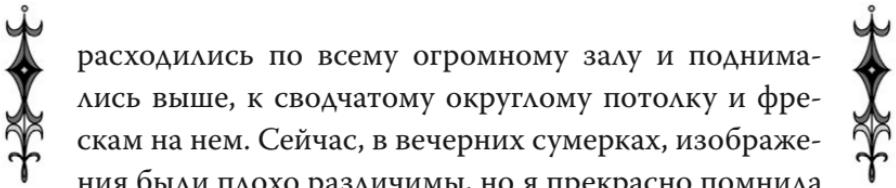
В одном Рок оказался прав. Лекарства мне действительно не пригодились.

Глава 7

Королева — самая ценная фигура, но ей лучшие сражаться в одиночку. Королева нуждается в поддержке более слабых фигур и для своей защиты, и для ведения полноценного боя, способного сломить противника.

Ноги подрагивали, но я уверенно сделала первый шаг, чуть помедлила и продолжила путь по длинному широкому коридору. Мое платье потрясало роскошью. Нежнейший шелк, расшитый драгоценными камнями, в мерцающем свете сотен свечей отливал всеми оттенками алого. Широкие тяжелые юбки едва заметно колебались от любого движения. В туго затянутом корсете дышалось с трудом, но голова кружилась не от недостатка воздуха. Сжимая в руке эфес обнаженной рапиры — той самой, которой я сразила Воина, — я шла навстречу жрецу, ждущему меня в другом конце храма. Величественные звуки органа

расходились по всему огромному залу и поднимались выше, к сводчатому округлому потолку и фрескам на нем. Сейчас, в вечерних сумерках, изображения были плохо различимы, но я прекрасно помнила рисунок. Они рассказывали историю появления Тринадцати кланов и предков-зверей, вскоре ставших богами и покинувших землю. Мне казалось, что взгляды всех тринадцати богов устремлены на меня, и это немного пугало. Тяжелая королевская мантия, сшитая из шкур разных животных, давила на плечи. Пушистой рекой она стекала вниз по спине и лениво, торжественно ползла вслед за мной.

По обе стороны от меня стояли люди — представители всех Тринадцати кланов, пришедшие, чтобы выразить мне почтение и заверить в своей преданности. Я слышала шепот — иногда благоговейный, чаще настороженный — и продолжала с достоинством идти вперед, не оборачиваясь и не ловя ничей взгляд. Волосы были распущены, они свободной волной падали на плечи, и их тяжесть заставляла держать голову еще более гордо.

Жрец встретил меня у подножия небольшого возышения. В его руках сияла корона, украшенная крупными рубинами и россыпью бриллиантов, — гарант жизни моих сестер.

Я остановилась и медленно, чтобы не наступить на мантию и подол платья, обернулась лицом к зрителям. Орган затих. В храме повисла такая тишина, что можно было расслышать легкое шипение горящих свечей.

— Сегодня милостью богов мы обретаем ту, кто прошла испытание смертью и водой. Ту, кто будет

править мудро и исполнять волю предков. Мы обретаем королеву!

По храму разнесся зычный голос жреца. Он говорил так громко, что едва не срывался на визг, и это заставило меня раздраженно поморщиться. Жрецу пришлось привстать на цыпочки, чтобы возложить на мою голову корону.

— Да здравствует королева Кара! Долгих лет жизни королеве Каре!

Приветственные крики раздавались со всех сторон, они оглушили, и я, немного растерянная от всего происходящего, старалась выглядеть невозмутимой. С наигранной неспешностью, вызванной опасением споткнуться о подол и упасть, я поднялась по трем ступеням и медленно опустилась в кресло. Сжала рукоять рапиры еще сильнее и положила обнаженное оружие на колени, как того требовали традиции.

Один за другим, как тогда, после поединка, люди стали преклонять колено. Но теперь они делали это не молча. Прижав правую руку к груди, каждый давал клятву:

— Клянусь быть верен королеве и исполнять ее волю, как волю богов!

— Клянусь!

— Клянусь!

— Клянусь!

Царственно кивая, я не испытывала ничего, кроме смутной тревоги. Чувствовала, что стою только в самом начале пути. Вглядываясь в лица тем, кто произносил клятву, я понимала, что хотела бы оказаться где

угодно, только не здесь. И от этих мыслей массивная корона казалась еще более тяжелой, чем была на самом деле.

Я неподвижно стояла перед высоким округлым зеркалом в серебристой раме и внимательно всматривалась в отражение. Оно демонстрировало серьезную, иногда хмурящуюся девушку в голубом подвенечном платье.

Я глубоко вздохнула и тут же пожалела об этом — корсет, сжимающий грудь стальным кольцом, угрожающее затрещал.

— Ваше Величество! — укоризненно произнесла камеристка.

— Прошу прощения, — ровно ответила я и вновь посмотрела в зеркало.

Длинные светлые волосы были убраны наверх и спрятаны под жемчужную сеточку. Лицо должна была закрывать фата, но сейчас она, полностью откинутая назад, спускалась по спине сияющей полупрозрачной дымкой. Я смотрела на свои пухлые губы — их впервые коснулась краска — и чувствовала себя куклой, которой методично меняют маски.

— Вы чудесно выглядите, Ваше Величество! — вполне искренне откликнулась одна из трех девушек, помогающих закончить мне с нарядом.

— Чудесно, скажешь тоже! — раздраженно шикнула на нее камеристка. — Ваше Величество выглядит прелестно! Прелестно! Луна и звезды не смогут затмить ее нежной красоты.

Я не смогла сдержать усмешки. Память надежно хранила все те обидные слова, что камеристка говорила мне, когда я была ребенком. Белая лисица... Бледная моль...

А теперь, значит, я обладаю нежной красотой. Зававно.

— Ваше Величество! — В комнату встревоженной чайкой влетела Любовь и затараторила: — Один человек просит вашей аудиенции. — Она еле выговорила явно новое для нее слово и с азартом продолжила: — Вы его знаете...

Я с недоумением посмотрела на нее, и служанка продолжила уже чуть тише:

— Его зовут Защитник. Ваше Величество, помните его?

Я стояла напротив зеркала, поэтому увидела, как сильно побледнела. Голова, словно разбитое стекло, взорвалась от тысячи мыслей.

— Ваше Величество, — робко напомнила о себе Любовь, — так его звать или как?

— Глупая девка! — Камеристка, в силу возраста считавшая себя мудрее прочих, запустила в Любовь катушкой ниток. Та не долетела до цели и, стуча деревянной шпулькой, покатилась по полу. — Королеве сейчас не до приема гостей! У нее венчание вот-вот начнется!

Любовь виновато попятилась к двери. И почти исчезла за ней, когда я снова обрела возможность говорить.

— Постой!

Любовь замерла, а я обернулась к камеристке:

— Приказы здесь отдаю я, вам ясно?
Под моим холодным взглядом она испуганно сжалась и, приседая в бесконечных реверансах, забормотала извинения. Я оборвала их величественным взмахом руки.

— Любовь, веди его ко мне.

Прошло несколько мгновений, и порог комнаты переступил Ник. Не поднимая глаз от пола, он опустился на одно колено и склонил голову. Его изрядно потрепанная одежда была вся в пыли. Казалось, он провел в пути несколько дней подряд.

— Оставьте нас, — невозмутимо сказала я, и все поспешили выполнить мою просьбу.

Как только за ними захлопнулась дверь, я в волнении обратилась к Нику:

— Как я рада вас видеть! Встаньте, пожалуйста.
Право слово, это лишнее...

Мои пальцы слегка подрагивали, и я спрятала руки за спину. Ник неуверенно поднялся с колена и посмотрел на меня. Его взгляд заскользил по моему лицу, словно бывший страж жадно вбирал каждую черточку. Я смущалась. Столкнуться с таким откровенным обожанием, стоя в подвенечном платье и намереваясь стать женой другого человека, было... больно.

Растерянная, я уже указала рукой на стул с высокой спинкой, когда спохватилась, что сама присесть не могу из-за страха помять или испортить платье, а Ник ни за что не опустится на стул, пока я не сделаю этого первой. Мой статус изменился так резко, что я все не могла к этому привыкнуть и не знала, как себя вести. Передо мной стоял человек, которым я очень

дорожила, но совершенно не представляла, что могу ему сказать.

— Кара... Простите, Ваше Величество!

— Ничего. — Я куснула губу. — Вы можете звать меня по имени, как прежде.

Ник упрямно мотнул головой.

— Ничего уже не будет как прежде, Ваше Величество. Прошлое... всегда остается в прошлом.

— Ник, прошу вас... — Я умолкла, понимая, что продолжать не стоит.

Взгляд Ника, наполненный таким невыносимым страданием и сожалением, полоснул меня, как остро заточенный охотничий нож. Я судорожно сглотнула. Неожиданно мне подумалось, что я не испытывала боли, пока надевала подвенечное платье. Чувство сожаления — возможно, но не боль. Ник же, в отличие от меня, страдал по-настоящему. Я замерла, впервые серьезно задумавшись о природе своих чувств к нему.

— Ваше Величество, простите меня за беспокойство. Я бы никогда не потревожил вас в этот день. — Он прерывисто вздохнул, будто ему сдавило горло.

Я впилась ногтями в ладони, боясь неосторожным словом причинить ему еще большую боль. Смотрела в лицо взрослого красивого мужчины, но видела лишь лицо мальчика, защищавшего меня от нападок острой на язык ребятни. Я помнила эти карие глаза, в которых сейчас застыла безмолвная мука, другими — широко распахнутыми, счастливыми, — когда в ответ на его признание я тоже поведала ему о своих чувствах.

Сейчас, вынырнув из детских воспоминаний, я с ужасом подумала, а не была ли моя влюбленность в Ника выдуманной. Не спутала ли я благодарность и симпатию с другим, более сильным чувством?

— Я хотел поздравить вас, Ваше Величество, — с трудом продолжил Ник. Он склонил голову, и солнечные лучи, падающие из открытого окна, вспыхивали в его каштановых волосах рыжими прядями. — С коронацией и... конечно, браком.

Сердце болезненно сжалось при виде выражения лица Ника — угрюмого, отчаянного, решительного. Его черты словно заострились, и я, всматриваясь в них, чувствовала, как вина и сожаление сдавливают меня в своих тисках.

— Ник, я счастлива, что вы пришли, — мягко сказала я и ненадолго сбилась, когда он бросил на меня молчаливый взгляд и тут же отвел его. Потеряв мысль, я заговорила официально: — Я должна принести вам свои извинения. Наша помолвка не была объявлена, но между нами все же имелась договоренность. И мне жаль, что пришлось ее нарушить.

— Мне тоже. Ваше Величество, мне тоже жаль... — Ник снова поднял голову, а затем, словно смотреть на меня было слишком больно, опять опустил ее. Ноздри его красивого тонкого носа слегка трепетали.

Вновь повисло молчание. Его нельзя было назвать гнетущим, но в нем крылось что-то тревожное и многозначительное.

Я шагнула к стражу и порывисто сжала его ладони в своих.

— Ник, я...

Он отстранился так резко, будто обжегся.

— Ваше Величество, прошу! Не стоит... И извиняясь вам тоже не стоит. Я говорил об этом в письме.

— В письме? — недоуменно переспросила я. То, как Ник отшатнулся от меня, вызвало в душе боль, но кратковременную. Она тут же забылась, когда я услышала о послании.

— В том, которое я передал Року, — с удивлением пояснил Ник. Он наконец-то смотрел на меня прямо. — Рок сказал, что помогает мне по вашей просьбе. Он обещал вручить вам мое прощальное послание. Ведь я был уверен, что больше никогда не увижу вас...

— Вот как, — задумчиво проговорила я и нахмурилась.

— Я почти добрался до границы. Если бы пересек ее, то новости о вашем правлении добрались бы до меня нескоро.

— На границе опасно. Вы решили, что скрываться стоит именно так?

— Рок предупредил, что я объявлен преступником и в королевстве мне не укрыться. Предложил пересечь границу и осесть где-нибудь подальше от нее. Я внял его совету.

— Да, Рок умеет давать хорошие советы, — согласилась я как можно более невозмутимо.

«Значит, письмо, Рок?»

Во мне поднималось раздражение и, словно яд, разносилось по венам. Мне казалось, что кровь сейчас вскипит от разрывающих меня чувств. Я догадывалась, что Рок намеренно отправил Ника подальше. Не хотел

видеть рядом со мной бывшего возлюбленного. И если этот поступок я могла понять, то утаивание письма в моих глазах выглядело предательством. Такую малость, как прощание, мне могли бы оставить.

— Я сожалею, что вам пришлось бежать. И позабочусь о том, чтобы все обвинения с вас были сняты. Вы сможете вернуться к своей обычной жизни.

— И к обязанностям?

— Простите? — Я сбилась с мысли и растерянно взглянула на Ника.

— Я хотел попросить... Ваше Величество, позволите мне занять место в вашей страже?

— Ник... — потрясенно вымолвила я. — Вы желаете остаться старшим стражем, видеть меня каждый день? После всего случившегося?

— Мой долг — служить Вашему Величеству!

Я молчала, и Ник торопливо, словно боялся, что я его не дослушаю, продолжил:

— Ваше Величество, возле королевы всегда будут виться стервятники. Если вы позволите, я стану защищать вас как...

— ...прежде? — тихо спросила я.

— Как смогу, — дрогнувшим голосом поправил меня Ник.

Мы снова замолчали. Я боролась с желанием подойти к Нику и положить руку на его плечо. Но знала, что этим лишь еще сильнее раню его.

Наверное, со стороны можно было решить, что меня терзают сомнения. В действительности же я почти не колебалась. Возможно, не утаи Рок от меня письма, я бы переживала о порядочности своего решения,

но его поступок развязал мне руки. Я посчитала, что вправе ударить в ответ.

Я отвлеклась от мыслей о Роке и вновь взглянула в открытое и отличающееся благородными чертами лицо Ника. На душе потеплело. Я хотела, чтобы он был рядом. Человек, которому я могу полностью доверять. Сейчас, в момент перемен, я нуждалась в нем особенно сильно. И все же...

— Я боюсь, что выполнить вашу просьбу будет крайне эгоистично с моей стороны, — искренне призналась я.

— Неправда! — Ник мотнул головой. — Окажите мне честь, Ваше Величество.

Я вздохнула. Решение принято.

— Я буду счастлива, если вы присоединитесь к моей страже и займете место старшего в ней.

— Вы слишком добры, Ваше Величество. — Ник поклонился.

— Не думаю, — пробормотала я и вновь обратилась к Нику как к другу: — Послушайте, вы уверены, что хотите именно этого? Ведь...

— Мои чувства не станут помехой, — горячо проговорил Ник, догадавшись, куда я клоню. — Я не буду досаждать вам. Хочу только быть рядом и защищать вас в случае опасности.

Я сглотнула ком в горле, и, пока отчаянно пыталась найти слова, Ник, видимо обеспокоенный моим молчанием, продолжил:

— Простите, что ворвался вот так в ваши покои. Это последний раз, когда я поддался порыву. Я так хотел увидеть вас в подвенечном платье, пусть и на-

детом для другого... — Ник прочистил горло, а я отвела взгляд, не в силах дальше смотреть ему в лицо. — Ваше Величество, я больше не позволю чувствам взять верх над разумом. И не поставлю вас в неловкое положение. Вы не найдете более преданного человека, поверьте мне.

— Я верю, — тихо произнесла я. — Мне так жаль, Ник... — Я тоже прокашлялась, а затем сказала деловито и по возможности спокойно: — Я отдам соответствующие распоряжения. К своим обязанностям вы сможете приступить уже сегодня.

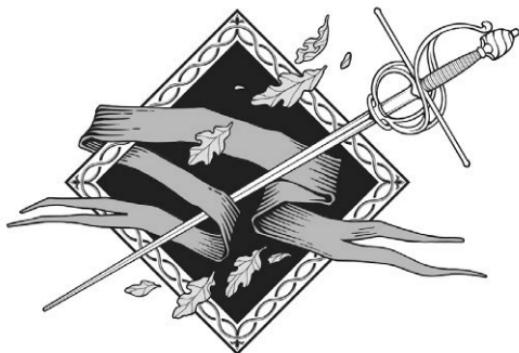
— Благодарю вас, Ваше Величество.

Ник опустил голову, поклонился и уже почти шагнул за порог, когда я снова окликнула его:

— Я тоже хотела бы поблагодарить вас. Вы рисковали жизнью, пытаясь спасти мою.

— Любой бы поступил так на моем месте, — глухо ответил Ник и, не оборачиваясь, исчез за дверью.

Несколько мгновений я неподвижно стояла у зеркала, оглушенная этим разговором. Самой себе в тот момент я казалась куклой, обмякшей после представления в руках кукловода. А затем в комнату вернулись горничные и настороженная камеристка, и мне пришлось расправить плечи и сделать вид, что ничего особенного не случилось.

Глава 8

Рокировка — комбинация при участии короля, которая допускается лишь единожды за партию. Такой ход возможен, только если король до этого не участвовал в игре.

Вновь, как и вчера, я шла по широкому проходу. Тот же храм, те же лица, тот же шепот, в котором смешались благовение, страх и насмешка. Разве что в витражные окна бил яркий солнечный свет, разбавляя торжественную атмосферу какой-то теплотой и неясным чувством надежды. Под хор чистых детских голосов я медленно, давая всем гостям возможность рассмотреть наряд, двигалась к алтарю, возле которого уже ждал Рок. Впереди меня, тоже величаво и с полным осознанием важности своей миссии, вышагивали сестры. В их руках были корзины с розами. Красные и белые лепестки, щедро рассыпаемые де-

вочками, смешивались на полу в одну шелковистую реку. Я ступала по ней и с каждым шагом все лучше могла рассмотреть лицо Рока. Оно, как всегда, было абсолютно спокойным и не выражало никаких эмоций. Лишь один раз его глаза блеснули ярко и победно — когда он приподнял с моего лица фату и взял за руку, чтобы подвести к жрецу.

— Мы собрались здесь, чтобы скрепить священный союз! Сегодня двое навечно связывают свои судьбы. Пусть боги будут милостивы к их решению!

«Едва ли», — меланхолично подумала я.

Я смотрела на Рока невидящим взглядом. Мыслями же все время возвращалась к Нику и его письму. Высокий голос жреца уверенно разносился под сводами храма. Рок чуть ощутимо сжал мои пальцы. Я с удивлением посмотрела на его невозмутимое лицо. Что означал этот жест? Поддержку, сочувствие, молчаливый вопрос? Поколебавшись, я сжала его руку в ответ и почувствовала, как напряжение, исходившее от Рока, ослабло.

Жрец вручил нам короткий ритуальный нож. Пронзая слова древней клятвы, я резанула лезвием по ладони и передала клинок Року. Тот не колебался. Проделав то же, что и я, он протянул мне раскрытую ладонь с выступившей на ней узкой алой полоской. Я медленно соединила наши руки. Наша кровь смешалась и одной большой тяжелой каплей ухнула вниз, в подставленную жрецом чашу с водой.

— Единство крови, души и тела! — с упоением провозгласил жрец, всматриваясь в воду, которая приобретала бледно-розовый оттенок. Он обернулся

к нам и продолжил: — Ее Величество Кара, королева Тринадцати кланов, и Рок — двенадцатый сын вождя из клана Черного Медведя, объявляю вас мужем и женой! Да пребудет с вами мудрость богов!

Огромный зал величественного храма утонул в радостных криках.

Сестры за моей спиной завизжали самым недостойным образом. Я обернулась, смерила их осуждающим взглядом, но они лишь обнялись и запрыгали на месте, ни на секунду не закрывая ртов.

Я вздохнула и тоже совершенно недостойно повела себя — закатила глаза.

В этой суматохе поцелуй Рока — простое прикосновение губ к губам — остался в памяти как что-то мимолетное и словно бы смазанное. Он не вызвал в душе ни протesta, ни радости.

Я положила руку поверх руки Рока, и мы, принимая поздравления, двинулись по проходу в обратную сторону.

Пир, устроенный в честь нашей свадьбы, все длился и длился. Деревянные столы, вынесенные на свежий воздух под сень деревьев, по-прежнему ломились от яств, но сытые гости проявляли к ним все меньше интереса. Ночь опускалась плавно и незаметно. Казалось, еще совсем недавно солнце стояло высоко в небе. Я с удивлением заметила, как ярко-оранжевый закат затапливает теплым светом потемневшие и сгустившиеся облака, облизывает изумрудно-зеле-

ную траву под ногами и играет причудливыми бликами на лицах гостей.

Жарко и весело затрещал вечерний костер, взметаясь языком пламени ввысь, к самим звездам, уже взошедшим на небосвод. Я невольно отметила, что созвездие Льва сияет сегодня особенно ярко, и снова перевела взгляд на костер. Дети и молодые незамужние девушки устроили вокруг него традиционные танцы — суматошные, но искренние. Они подпрыгивали, подныривали под чужие поднятые руки, сбегались вместе, словно потоки в реке, а затем неожиданно разлетались в разные стороны. Мелькали задираемые подолы разноцветных юбок, но никто не спешил делать замечания. В свадебном танце, древнем, как завет богов, о правилах приличия не вспоминали.

Среди танцующих я пыталась найти глазами сестер. Они так давно пропали из поля зрения, что я начала беспокоиться. Прохладный вечерний воздух подступающей осени взрезал завораживающий и жесткий ритм барабанов. Он все нарастал, пока на излете очередного сильного удара не оборвался совсем. Зрители оглушительно захлопали в ладоши, выражая восхищение раскрасневшимся девушкам и стайке детей. Среди проказливых детских мордочек я увидела и довольные лица Рони и Шуты. Они улыбались и выглядели счастливыми. Шута держала в руке чересчур высоко задранный подол длинного платья из летящего шелка и громко смеялась. Я улыбнулась в ответ.

Вновь полилась музыка, теперь нежная и мелодичная. Скрипка соперничала с флейтой, заставляя сердца гостей трепетать от предчувствия чего-то прекрасного.

— Кара, я думаю, нам пора. — Рок, молчаливо сидевший все это время по правую руку от меня, наклонился и негромко пояснил: — Мы должны уйти раньше прочих. Пока не покинем праздник, гости не смогут разойтись. Взгляни, многие из них выглядят уставшими.

Я послушно посмотрела в сторону. За одним из столов, откинув голову на спинку высокого стула, похрапывала престарелая матрона. Кажется, она была из представителей клана Ворона.

Я не отрывала от нее взгляда намного дольше, чем того требовала ситуация. Ладони стали влажными, а в душе поднялся настоящий хаос. Но когда я обернулась, мой голос не дрогнул:

— Вы правы, Рок.

Он кивнул, ненадолго исчез, а затем вернулся и подал мне руку. Я оперлась на нее, и мы под мелодию скрипки, ставшую более задорной и беззаботной, прошли по коридору из гостей. Где-то в его конце я поцеловала макушки разгоряченных танцем Рони и Шуты и попросила матрон проследить, чтобы сестры отправились в постели. Уже поднимаясь по парадной лестнице, я почувствовала на себе чей-то взгляд, обернулась и замерла. В дальней части коридора, подпирая спиной стену, стоял Ник и безмолвно смотрел на меня. Свет от канделябров падал на его лицо, но я и без того понимала, что сейчас чувствует мой давний друг.

— Кара? — Рок напомнил о себе деликатно, но немного нетерпеливо.

— Да, простите. — Я чуть придержала подол голубого платья, будто именно он стал причиной моей остановки, и продолжила путь.

В спальне меня ждал затопленный, несмотря на теплую ночь, камин, благоухающая травами ванна и истощающая нервное напряжение Любовь. Она поспешила ко мне сразу, как только я переступила порог покоев.

— Ваше Величество, позвольте вам помочь!

Рок поклонился и вышел в смежную комнату, играющую роль приемной и гостиной. Я повернулась спиной к горничной. Затрещала шнурковка снимаемого корсета, и дышать стало гораздо свободнее.

— Я не знала, какой цветочный аромат предпочитает Их Высочество Рок, поэтому выбрала лаванду. Ваше Величество, я все правильно сделала?

Я искоса посмотрела на ванну, от которой исходил пар и устойчивый запах цветов. Мне стало жарко, но вряд ли камин был тому виной.

— Конечно, Любовь, — невозмутимо сказала я, чувствуя, как горят щеки. — Прекрасный выбор.

Та довольно зарделась и, помогая мне снять подвенечное платье, принялась рассказывать о том, как сильно ей понравился праздник. Я слушала ее молча и всматривалась в свою новую спальню. Раньше она принадлежала родителям, чуть позже — только отцу. Огромная резная кровать с роскошным балдахином вызывала неприятные воспоминания. На ней, как и многие предки до него, скончался отец. Последние дни он тяжело мучился, и мне до сих пор чудился запах разведенных порошков Мудреца.

Я вздохнула. Будет непросто привыкнуть к таким резким переменам.

Ванна оказалась слишком горячей, и я не провела в ней много времени. Ополоснула уставшее за день

тело и попросила полотенце. Закутывалась я в него осторожно, пряча от взгляда горничной слишком быстро зажившие шрамы. На месте глубоких ран остались лишь тонкие полоски. Я боялась, что Любовь спросит о них, но она ничего не заметила или же хорошо притворилась. Я надеялась, что волнующая атмосфера брачной ночи сделала служанку невнимательной и взбудороженной.

Любовь, едва заметно краснея, обрядила меня в ночную сорочку, такую прозрачную, что можно было обойтись и без нее. Чувствуя, как волнение во мне нарастает, трепещет, словно готовая сорваться стрела, я присела перед зеркалом. Любовь принялась расплетать мои волосы. Она осторожно проходилась по выпущенным на свободу прядям гребешком, а я всматривалась в отражение и старалась не кусать губы.

Я знала, что происходит между супругами в первую брачную ночь. Может, без подробностей, но знала. Вот только... хотела ли я того, что должно было произойти?

— Вы готовы, Ваше Величество. — Любовь чуть отошла, с гордостью осматривая творение своих рук. — Вы прекрасно выглядите!

Я с сомнением взглянула в зеркало на бледную девушку с испуганно сверкающими глазами, но не стала спорить.

— Ты свободна. — Я взмахом руки отпустила Любовь. — Благодарю за помощь.

Та присела в реверансе и, покосившись на расправленную постель, вышла из покоеv.

Ее шаги отмеряли те короткие мгновения, что отделяли меня от неминуемого. Ведь то, что сейчас свершится, неминуемо, верно?

Сомнения, словно ядовитый плющ, принялись медленно разрастаться в моей душе. По полу застучали каблуки кожаных сапог Рока, я коршуном метнулась к кровати и нырнула в нее, закутавшись в тяжелое одеяло по самый подбородок. Чуть скрипнула распахиваемая дверь. Рок замер, когда увидел меня, мрачно восседающую на постели в коконе из одеяла, — и сбылся с шага.

— Кара? — неуверенно спросил он и не стал продолжать.

Видимо, мой взгляд сказал ему все, что нужно, и мой муж тяжело вздохнул. Сделал шаг ко мне, передумал и опустился в мягкое кресло в другом конце спальни.

— Говорите.

— Вы обманули мое доверие, Рок, — ровно произнесла я, не сводя с него глаз.

Я надеялась, что они сверкают грозно, а не обиженно.

Рок устало откинулся на спинку кресла и вытянул вперед длинные стройные ноги в узких черных штанах. Ему не пришлось ради свадьбы менять цветовую гамму своего гардероба — жених всегда приходил в храм в черном.

— Я видел Защитника на церемонии, — после паузы сказал он.

— Так значит, вы подготовились к разговору? — Я не смогла удержаться от иронии. С каждым проведенным в обществе Рока днем она давалась мне все легче и естественнее.

— Мне тоже так казалось...

Я подняла бровь, ожидая продолжения, но он молчал. Как только мое терпение закончилось, я продолжила. Уже не резко и иронично, а глохно и обиженно:

— Почему вы не отдали мне письмо? Мелочность вас не красит.

— Возможно, — легко согласился Рок и резко подался вперед, как хищник, внезапно выпрыгивающий из кустов при виде добычи, — но вы же понимаете, что я не мог вручить его вам перед поединком? Оно бы выбило вас из равновесия. Вы бы занервничали, начали совершать ошибки...

Я куснула губу. В словах Рока был смысл. Ошибок я наделала и без письма. Что бы случилось, находясь я в еще большем волнении?

— Что помешало вам отдать его позже? — по-прежнему непримиримо поинтересовалась я.

— Гордость, Кара. — Рок криво усмехнулся. — Вы можете называть это мелочностью, но мне было неприятно передавать чужое любовное письмо своей невесте перед свадьбой. Можно сказать, я посчитал это дурным знаком.

Я смутилась. Щеки мазнуло жаром румянца. Ситуация складывалась щекотливая, и неожиданно я перестала злиться на Рока.

— Я прошу вас больше не лгать мне, — твердо сказала я. — С какими бы намерениями вы ни прибегали ко лжи в разговоре со мной, прошу отныне так не делать.

— Хорошо, — после долгого молчания согласился Рок. Его глаза странно блеснули, лицо в бликах огня от камина показалось мне задумчивым.

— Так вы вернете мне письмо? Вы же не посмели его уничтожить?

— Нет, Кара, не посмел. — Рок снова криво усмехнулся. — Прямо сейчас я не могу отдать послание. Вы же не думаете, что я ношу его в кармане камзола, под сердцем?

В этот раз его голос был наполнен не иронией, а откровенным сарказмом — резким и едким. Видимо, это заметил и сам Рок, потому что, словно спохватившись, он продолжил уже ровно и вежливо:

— Я верну вам письмо утром, если позволите.

Я с достоинством кивнула и, незаметно вытерев под одеялом мокрые ладони о сорочку, посмотрела на Рока уже растерянно. Не знала, что говорить и делать дальше.

— Вы дали Защитнику место старшего в вашей страже?

— Вы имеете что-то против? — Я выпрямилась на подушках и приготовилась к новому словесному поединку.

— Нет, вы все сделали правильно. Вам необходимо окружить себя верными людьми.

— Вот как? — Я старалась держаться уверенно, но понимала, что получается неубедительно.

«Как выходит, что Рок всегда оказывается прав?» — с ноткой раздражения подумала я.

Мне не нравилось чувствовать себя виноватой, но именно так я себя сейчас и ощущала. И это злило.

— Да, Кара. Ваше окружение не обязано быть умным, — здесь он сделал паузу и усмехнулся, — но верным — непременно. Это залог долгого правления.

Я едва не поперхнулась от цинизма фразы. Мельком подумала, нельзя ли расценить ее как оскорбление умственных способностей Ника, но все мысли вылетели из головы, когда Рок встал и ленивым движением скинул с себя длиннополый камзол из тяжелой и дорогой ткани. Не мигая, я смотрела, как муж расстегивает рубашку: его длинные пальцы мелькали быстро и уверенно. Он повернулся ко мне спиной, дергая завязки штанов. Я прикусила язык и съехала вниз по подушкам. Вид неширокой, но мускулистой и сильной спины Рока вызвал во мне настоящее смятение. Прикрыв глаза и вслушиваясь в тишину, наполненную моим прерывистым дыханием и размеренными вдохами Рока, я пыталась обуздануть лавину пугающих чувств.

— Стойте! — крикнула я и даже выставила руки вперед, словно защищаясь.

Рока передернуло, будто от резкой, неожиданной боли.

— Что-то еще?

— Я не хочу детей!

— Вот как?

Холод в голосе Рока отрезвил и придал сил. Я заговорила быстрее и увереннее:

— Прежде мне думалось, что я жажду обрести семью, родить детей. Но вся моя прошлая жизнь оказалась лишь сном, навеянными кем-то грезами. Теперь я проснулась.

— Пожалуй, с этим сложно спорить.

— Я не хочу ничего от прежней себя. До тех пор, пока не пойму, кто же я на самом деле.

Я замолчала. Моя грудь часто вздымалась. Я сжала ладони в кулаки, пытаясь унять волнение.

Если Рок начнет принуждать меня к тому, чего я не хочу... Смогу ли я оказать ему сопротивление?

На склонах Рока заходили желваки. Он, опустив взгляд, молчал какое-то время. Я судорожно ждала его ответа. Так и не дождавшись, решительно продолжила:

— Я нуждаюсь в друге, Рок. Ни в ком больше.

Ни в любовнике, ни в муже. Я не произнесла этого вслух, но так и не сорвавшиеся с губ слова все равно повисли в воздухе.

— Я знаю, королевской чете необходим наследник. После моей смерти корона должна перейти к нашему сыну, но...

Рок коротко рассмеялся: хрипло и немного пугающе. В его глазах сверкнули отблески пламени камина.

— Мне нет дела до судьбы Тринадцати кланов, Кара. Никогда не было.

— Тогда...

Я судорожно замолчала и зажмурилась. Перина подо мной слегка прогнулась, когда на постель опустился Рок. Моих ноздрей коснулся аромат перечной мяты с ноткой полыни. Я распахнула глаза и, прижав руки к груди, уставилась в потолок, боясь шелохнуться. Мне что, придется сражаться? Сейчас?

Или принять неизбежную боль унижения?

— Кара, вам нет нужды так сжиматься. — В голосе Рока звучала усталость и что-то еще, чего я не смогла понять. — Мне нужны вы, а не ваше тело.

Эта короткая фраза принесла мне мгновенное облегчение.

Я не ошиблась в Роке. Он не воткнет кинжал в спину. Не знаю почему, но не воткнет.

— Хорошо, — тихо сказала я и повернулась набок.

Нам обоим не спалось. Прошло, наверное, не меньше получаса, прежде чем Рок тяжко вздохнул и зажег свечу возле кровати. Взяв подсвечник, он молча ушел в смежную комнату. Сбитая с толку таким поведением, я приподнялась на подушках и принялась вслушиваться в ночную тишину. Заскрежетал ключ, затем раздался звук распахиваемой крышки сундука. Видимо, тот принадлежал Року, поскольку я не могла припомнить, был ли в той комнате сундук. Затем в дверном проеме снова вспыхнул огонек — муж вернулся почти сразу. Я прикрыла глаза от слепящего света.

— Когда я не могу заснуть, Кара, — доверительно проговорил Рок, укладываясь обратно в постель, — я читаю. — С этими словами он подтолкнул ко мне книгу. В его руке была зажата другая.

Я исcosa посмотрела на Рока. Тот с самым невозмутимым выражением лица открыл книгу, пролистал пару страниц и погрузился в чтение. Я поколебалась, снова рассматривая потолок, а затем неуверенно потянулась к тонкому томику в кожаном переплете.

«История ведьмовства» — гласило название. Я бросила быстрый испытывающий взгляд на Рока, а затем открыла книгу.

Вчитываясь в буквы, успевшие немного поблекнуть от времени, я перелистывала страницы одну за другой, жадно вбирая в себя то, что раньше было мне недоступно, — знания.

— Значит, ведьм и колдунов не всегда изгоняли из клана? — нахмурившись, спросила я.

Рок оторвался от своей книги.

— Прежде они жили вместе со всеми. Но череда бед заставила одного из королей изгнать всех одаренных.

— Череда бед?

— Пожары, наводнения, смерти...

— Дар может нести и такое?

— Да, случайно или преднамеренно.

Я помолчала, раздумывая о словах Рока. У всего есть обратная сторона. Даже моя сила, которую я считала исцеляющей, могла убивать. Значит, тогдашний король поступил верно, ведь так?

С моих губ сорвался смешок.

— Кара? — Рок выглядел удивленным. — Что вас развеселило?

Я громко прыснула. Как какая-нибудь деревенская девчонка, а не королева.

— Вы понимаете, — заходясь в приступе смеха, сказала я, — что мы с вами преступники? Оба обладаем даром и оба скрываем это.

— Конечно, — серьезно проговорил Рок, — и что же вас рассмешило?

— Что власть в наших руках, — я не могла остановиться, но перешла на негромкое хихиканье, — и теперь никто... НИКТО, — с особым удовольствием повторила я, — не сможет позволить себе распоряжаться нашими судьбами. Это похоже на... жульничество в карточной игре!

Рок улыбнулся. Кажется, его позабавило мое сравнение.

— Определенно, с нами лучше не связываться, верно?

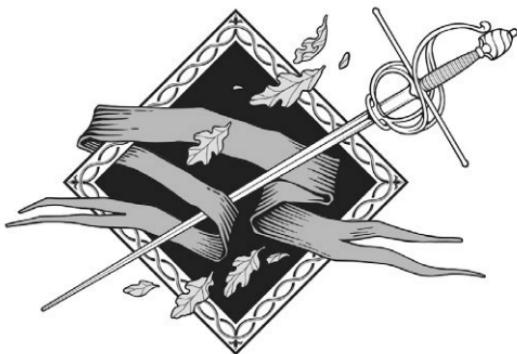
Рок посмотрел мне прямо в глаза, и я невольно замерла. В моменте было что-то неуловимо интимное. Одеяло прикрывало Рока лишь до низа живота. Я видела его обнаженный торс, но не это имела в виду, думая об интимности.

— Верно, — слегка покраснев, прошептала я.

Губы Рока внезапно заняли все мои мысли, и мне стоило большого труда вернуться к чтению. Тихий мужской вздох, раздавшийся над ухом, заставил поднять глаза, но лицо Рока вновь не выражало никаких эмоций. Куснув губу, я погрузилась в книгу.

Я читала почти всю ночь. Меня сморило лишь перед рассветом.

Наверное, это была самая странная первая брачная ночь, случившаяся в королевском доме за всю историю его существования.

Глава 9

В середине игры — в тот момент, когда с доски исчезают все значимые фигуры и остаются в основном пешки, — король из оборонительной фигуры превращается в атакующую.

Утро выдалось холодным. Все отчетливее ощущалось, что лето подходит к концу, словно завершалась какая-то эпоха. Листьев еще не успела коснуться желтизна, но птицы уже стали собираться на юг. Воздух был наполнен предчувствием осени. Мне казалось, что я даже слышу аромат прелых яблок, — чудное дело! До сбора яблок и момента, когда корзинами с ними будет уставлена вся кухня, времени оставалось еще достаточно.

Я закуталась в теплую шерстяную накидку, наброшенную поверх темно-синего платья, поправила волосы, забранные не в привычную косу, а в сложную высокую прическу, и еще раз обошла покой отца нервным шагом. Мне не нравилась мрачная атмосфера комнаты

с тяжелыми шторами, массивной мебелью и полным отсутствием книг. Я подошла к столу из красного дуба и, выдвинув из-за него стул с высокой спинкой, присела, продолжая задумчиво осматривать помещение.

Раздался стук в дверь. Я расправила плечи и положила руки на стол, сцепив их замочком.

— Войдите.

— Ваше Величество, вы желали меня видеть?

Порог переступил первый советник моего отца и его доверенное лицо — Варвар. Всматриваясь в округлившуюся с возрастом фигуру мужчины, в его располагающие и приятные черты лица, полностью лишенные жесткости, я думала, что это один из немногих случаев, когда имя совершенно не подходит его обладателю. Меня всегда интересовало, почему родители назвали Варвара именно так, но спрашивать о чем-то подобном даже теперь, в новом статусе, было бы дурным тоном.

— Да, присаживайтесь, пожалуйста. — Я указала рукой на стул по другую сторону массивного стола с тяжелым канделябром и тонкой стопкой бумаг.

Варвар принял приглашение и посмотрел на меня выжидающе, но без всякой настороженности.

— Вы верно служили моему отцу, — медленно, тщательно подбирая слова и взвешивая каждое из них, начала я. — Мне бы хотелось отблагодарить вас за преданность.

— В этом нет необходимости, Ваше Величество. Видеть на вас корону — лучшая для меня награда.

Я не удержалась и приподняла в знак удивления бровь. Варвар усмехнулся, но как-то по-доброму.

В этой усмешке мне почудилось что-то теплое, почти отеческое.

— Вы можете счесть мои слова лестью, но я действительно безумно рад, что династия королей-львов продолжилась. Расценивайте это как тщеславие, но не лесть.

— Думаете, тщеславие лучше? — Я внимательно посмотрела на собеседника, изучая его, будто видела впервые. Можно сказать, так оно и было.

— Конечно, Ваше Величество, — не колеблясь, согласился Варвар. — Убежден в этом.

Мысль показалась мне интересной, и я пообещала себе позже подумать на эту тему.

— Варвар...

— Вы можете называть меня Варом, Ваше Величество.

— Прекрасно, Вар... — Я замолчала, все еще колеблясь. Не сомневалась в решении, но боялась доверяться не тому человеку. Попросила бы о помощи Рока, но знала, что он откажет. Вздохнув, я словно бросилась в ледяную воду. — Вар, я надеюсь, что вы продолжите службу советника. — Я дождалась, пока он склонит голову и проговорит положенные слова благодарности и заверения в его преданности. — И... выполните мое поручение. О нем никому не стоит знать.

В светло-карих глазах Вара промелькнула заинтересованность, на лицо набежала тень, но он оставался спокойным. Мне показалось, что в его взгляде появилось любопытство опытного игрока, пытающегося разгадать маневр нового соперника.

— Как вы знаете, послезавтра на рассвете должна состояться казнь семьи Воина. — Вар кивнул, и я продолжила: — Я изучила древние свитки самым тщательным образом, — я указала рукой на тонкую стопку бумаг, — и не нашла ни одного упоминания о том, что казнить следует непременно всю семью проигравшего.

— Это интересно, — пробормотал Вар и потянулся к бумагам, — позволите, Ваше Величество?

Он прищурился и принялася вчитываться в документы. В его взгляде сквозила сосредоточенность и уверенность человека, знающего свое дело.

— И правда, — спустя какое-то время сказал он, по-прежнему держа бумаги в руках, — в завете предков говорится о семье. Не уточняется, кого к ней можно причислить.

— Думаю, это позволит мне проявить милосердие и особым указом оставить в живых большую часть клана. — Я рассуждала сдержанно, но от волнения меня немного муттило. — Я намереваюсь казнить лишь жену Воина и нерожденного ребенка. Его отец и молодые отважные братья с детьми и женами будут прощены.

Вар задумчиво коснулся пальцами подбородка. В серьезных глазах советника появилась отрешенность, но она почти сразу уступила место одобрению. Он моргнул и с интересом посмотрел на меня.

— Хорошее решение, Ваше Величество. Вы проявили мудрость.

— Вы так думаете? — спросила я напряженно.

— Я бы не стал лгать. Мой долг — говорить вам правду и исполнять свои обязанности. Лыстецов и лгунов в вашей новой жизни будет достаточно.

Я незаметно выдохнула и немного расслабилась. Вар продолжил, плавность речи у него странным образом сочеталась с твердостью слов:

— Семья Воина, Ваше Величество, многочисленна — двенадцать братьев, каждый из которых уже женат и имеет свою семью. Простите, одиннадцать братьев, — поправился Вар, — Его Королевское Высочество принца Рока мы, конечно, считать не будем. Отныне он принадлежит правящему дому.

— Конечно, — кивнула я и приготовилась слушать дальше.

— Тем не менее одиннадцать взрослых мужчин, верно служивших короне и еще способных служить ей и дальше... Было бы неразумно избавляться от них сейчас, когда на границе так неспокойно.

Я нахмурилась. Новость о том, что на границе есть волнения, стала для меня неожиданностью. Я решила, что еще расспрошу об этом Вара, но позднее.

— Отец Воина имеет огромную поддержку среди других кланов. Словом, конечно, его казнь абсолютно законна и не вызвала бы возмущений, но... создала бы ненужное напряжение в высших кругах. К сожалению, Ваше Величество, вы должны быть особенно осторожны в своих поступках.

— Потому что я женщина?

— Да, Ваше Величество.

Я мрачно откинулась на спинку стула, а Вар продолжил:

— Если вы казните только ближайших членов его семьи — жену и ребенка, то выполните завет предков и вместе с тем расположите к себе вождей кланов. Их поддержка вам еще пригодится. Поверьте мне.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответила я и встала. Обойдя стул, положила руки на спинку и несильно сжала ее. Пришло время той части разговора, которой я боялась по-настоящему. — А теперь я бы хотела обсудить с вами то, что никто, кроме нас двоих, знать не должен.

Вар, чуть помедлив, с готовностью произнес:

— Я счастлив, что вы доверяете мне, Ваше Величество.

— Не уверена, что вы скажете то же самое через минуту, — пробормотала я и на одном выдохе выпалила: — Спрячьте жену Воина подальше от посторонних глаз. На костре вы сожжете чучело в закрытом мешке.

— Вот как...

— Да, — отрезала я. — Скажем людям, что я снова проявила милосердие, поэтому жене Воина дали яд еще до казни. Смерть ее была безболезненной. Тело, согласно традиции, предают огню.

— Как я понимаю, в действительности же вас не устроит этот вариант?

— Совершенно верно.

Наши взгляды встретились. Я надеялась, что мой выражает уверенность, взгляд же Вара был задумчивым и полным сомнений.

— Я надеюсь на вашу преданность, — с нажимом добавила я.

Это подействовало. В глазах Вара колебания сменились решительностью.

— В моем распоряжении есть поместье, — медленно проговорил он. — Оно расположено далеко от

столицы, почти на самой границе. Словом, там, куда вряд ли упадет чей-то пытливый взор. Мы можем увезти ее туда и спрятать ото всех.

— Прекрасно.

— В поместье есть подземелье. Его можно использовать как темницу.

— Никаких подземелий и темниц! — Я вздрогнула от этой мысли и с такой злостью посмотрела на Вара, что он занервничал. Спинка стула, которую я сжала слишком сильно, жалобно скрипнула. — Выделите жене Воина комнату, хорошо кормите и позвольте заниматься рукоделием. Позже, когда появится ребенок, предоставьте приданое для малыша и игрушки. Не ограничивайте ее передвижения по поместью.

— Ваше Величество, вы же понимаете, что она не сможет выйти за его пределы? — тихо спросил Вар. — Никогда.

— Безусловно, — сквозь зубы процедила я. В моем голосе звучала жесткость, и Вар склонил голову, запомниая мои дальнейшие распоряжения. — Ваша задача — следить за тем, чтобы она не покинула поместье. Донесите до нее мысль, что второго шанса не будет. У нее есть выбор — тихо дожить свои дни, воспитывая ребенка, который также никогда не выйдет за пределы дома, либо погибнуть.

— Понимаю, Ваше Величество...

— И все же, — снова напомнила я о том, что мне казалось важным, — позаботьтесь о том, чтобы к ней хорошо относились.

— Как скажете, Ваше Величество...

— И еще одно. — Я помолчала, раздумывая. — О моем распоряжении никто не должен знать, как я уже и говорила.

— Не беспокойтесь, Ваше Величество. У меня есть верные люди, на чье молчание можно рассчитывать.

Я остановила его взмахом руки и продолжила:

— Я доверяю вам, Вар. Верю, что вы продумаете все детали, но до тех пор, пока все не будет устроено, пострайтесь избегать общества Его Высочества.

Я боялась, что Рок прочтет мысли Вара и попытается (из лучших побуждений, конечно) ему помешать. Теплые чувства, которые я начала испытывать к мужу, не могли затуманить разум. Я знала, что Рок вполне способен на это. Он обещал не лгать, но не вмешиваться в мои дела слова не давал.

— Если вы так желаете, Ваше Величество... — сказал Вар. Если его и удивила моя последняя фраза, он не подал вида.

Когда за ним затворилась дверь, я почти рухнула на стул, положила локти на столешницу и в изнеможении опустила на них голову, недостойно сгорбив спину. Разговор с советником прошел лучше, чем я могла ожидать, но вымотал меня. А ведь это только начало...

Я не успела перевести дыхание, как снова раздался стук в дверь. Я спешно выпрямилась, поправила прическу и разрешила войти. Мой голос прозвучал лающе, и я глубоко вздохнула, восстанавливая утраченное душевное равновесие.

Порог переступил Рок. Он плавно притворил за собой дверь и обежал меня быстрым оценивающим взглядом.

— Кара, вы выглядите взволнованной.

Муж был одет в черные атласные штаны, рубашку и изысканный камзол. Длинные черные волосы, собранные в низкий хвост, свидетельствовали о его новом статусе — принадлежности к королевскому дому.

Мне ненароком подумалось, что в кожаных штанах и обычной рубахе Рок выглядел более естественно. Сейчас казалось, что на огромного хищника нацепили розовую девичью ленточку и после этого посчитали домашним котом.

Я смущалась от такого сравнения и, тут же спохватившись, подняла глаза на Рока, подумав, что тот мог случайно прочесть мои мысли. Рок смотрел так же, как и мгновение назад, и я успокоилась, но ненадолго. Вдруг поняла, что гораздо хуже будет, если он услышит не мои рассуждения о его внешнем виде, а тревоги, связанные с решением судьбы жены Воина.

— Я не привыкла принимать самостоятельные решения, — немного поколебавшись, сказала я. Агать не хотелось, откровенничать было нельзя, поэтому я ограничилась полуправдой.

— Понимаю. — Рок, как мне показалось, сочувственно кивнул.

Он подошел к столу и оперся на него ладонями, глядываясь в мое лицо. Я снова уловила аромат мяты с ноткой полыни. По спине забегали мурашки, я заревничала.

— Вы будете прекрасной королевой, Кара. Не сомневайтесь. — Рок произнес это мягко. Его низкий голос ласкал, как нежное прикосновение. Голубые глаза смотрели на меня неотрывно и чуть выжидающе.

Я сглотнула. Правда, которую я оберегала от Рока, обожгла, словно раскаленный камень обнаженную руку. Я отвела глаза, понимая, что не вправе сейчас принимать его поддержку.

— Благодарю, — тихо ответила я, смотря в сторону.

Мне показалось, что Рок разочарованно вздохнул. Я искоса взглянула на него, но он казался невозмутимым и чуточку надменным. Разве что взор как будто немного поблек.

— Я не хотел отвлекать вас, Кара, от важных дел. — Рок перестал опираться руками на стол и выпрямился.

— Прошу вас, — торопливо сказала я, запоздало указывая на стул. Когда Рок с достоинством опустился на него, я продолжила, стремясь предупредить вопросы и увести беседу в безопасное русло: — Я просила советника отца продолжить нести свою службу. Он — верный человек, Рок.

— Думаю, так и есть. Впрочем, я хотел поговорить о другом.

— О чем же? — чуть дрогнувшим голосом спросила я.

— Хотел извиниться за свой поступок. Я про письмо. И конечно, исправить свою ошибку.

Рок говорил почтительно, но меня все равно не оставляла уверенность, что он нисколько не сомневается в правильности своих действий. Мне казалось, что Рок больше сожалеет о том, что истину не удалось утаить, чем о том, что пришлось солгать.

— Вы уже извинялись вчера. Этого вполне достаточно.

Рок качнул головой, словно что-то обдумывая.

— Возможно, но я бы хотел сделать это еще раз. Меня печалит мысль, что такой нечестный поступок мог внести раздор между нами.

Рок смотрел на меня прямо, уголки его губ были чуть приподняты, будто он хотел улыбнуться, но сомневался, пойму ли я его улыбку. Я замерла, застигнутая врасплох. Теперь я знала, что чувствует кролик перед змеей, — именно такие чувства сейчас испытывала к Року. Страх, что он узнает о моем спорном решении относительно казни, затмевал все прочее. Я понимала, что рано или поздно правда вскроется, но желала оттянуть откровенный разговор. Хотя бы до тех пор, пока жена Воина не окажется подальше отсюда.

— Раздор нам ни к чему, — медленно произнесла я, размышляя о своем. Подумалось, что, если Рок потом отвернется от меня, будет больно. И тогда уже мне придется приносить извинения, чтобы восстановить наши отношения.

— Я рад, что в этом вопросе мы единодушны. — Рок все же улыбнулся, коротко и мимолетно. — Возьмите, Кара. Это принадлежит вам.

Маленький плотный конверт из белой бумаги перекочевал из нагрудного кармана Рока в мои руки. Я растерянно приняла письмо, и оно чуть хрустнуло в моих пальцах. Я сжала его слишком сильно.

— Благодарю, — ровно сказала я.

Рок молча кивнул и встал.

— Не буду вам больше мешать, Кара.

Муж уже шагнул к двери, когда я его окликнула. Он обернулся.

— Я хотела задать вам вопрос, — иска нужные слова, задумчиво начала я. — Не знаю, как спросить деликатно.

— Что вас интересует, Кара? — В голосе Рока снова проскользнула какая-то настороженность и готовность к атаке. Лицом же он владел прекрасно: ни один мускул не дрогнул.

— Как сильно вы намерены вмешиваться в королевские дела? — набравшись смелости, прямо спросила я.

Рок мгновенно расслабился.

— Кара, Тринадцатью кланами будете править вы. Власть меня не интересует.

«Что же вас интересует?»

Этот вопрос так сильно зудел в моей голове, что я решилась его задать. Рок уже коснулся ручки двери, когда я снова его позвала:

— Зачем же вы женились на мне, Рок? Какая польза вам от этого брака, если власть вас не привлекает?

Это и правда тревожило меня. Зачем Рок помогал мне все это время? Его не прельщала власть, не волновало мое тело... Что ему нужно?

Рок замер, словно его ударили, и не спешил оборачиваться.

В этот момент дверь все же распахнулась, действительно чуть не ударив Рока. К счастью, тот не замешкался и ловко увернулся. В комнату влетела Шута.

— Кара! Я тебя искала!

— Что ты здесь делаешь? — удивилась я. — Где твоя матрона?

— Ищет меня, наверное, — беззаботно отмахнулась сестра, бесцеремонно обходя Рока. Шута, забыв поздо-

роваться и спросить разрешения, плюхнулась на стул и задергала на нем ногами. — Она не пускала меня к тебе.

— Понятно... — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, произнесла я. — Наверное, у нее были на то причины?

— Наверное, — радостно согласилась Шута идоверительно добавила: — Поэтому мне пришлось удрать от нее.

Меня охватило негодование, но я не успела его выразить. Рок первым пришел в себя.

— Девочка интересно мыслит... — сказал он с легкой усмешкой, но без всякого раздражения или снисхождения. Казалось, ситуация его позабавила, но не возмутила.

Шута подняла на него глаза и слегка удивленно пожала плечами. Мол, она не понимает, что здесь можно найти странного.

— Кара, — снова обернулась ко мне сестра. — Мне нужно с тобой поговорить!

— Всем нужно со мной поговорить, — мрачно ответила я. — Но это не повод сбегать от матроны.

— Хорошо. — Шута закусила губу и нахмурилась. Она вдруг напомнила мне Рони в минуты волнения. Я подумала, что сестры кажутся такими разными скорее из-за нрава, чем из-за внешности. — Я потом извинюсь перед ней. Кара, скажи... — Шута замолчала, поколебалась, а затем выдохнула: — Тебя могут снова вызвать на поединок?

Я замерла, глотая ртом воздух. Только сейчас поняла, что Шуте до сих пор страшно. Однажды шагнув на порог смерти, она боялась оказаться там опять.

«Я никогда не смогу вернуть ей детство», — подумала я.

Поединок изменил не только меня, но и моих сестер. Ни одна из нас больше не станет прежней.

— Кара? — нетерпеливо повторила Шута. — Могут?

Я по-прежнему молчала, раздумывая над ответом, поэтому в разговор мягко, как умел только он, вмешался Рок.

— Нет, вашу сестру уже нельзя вызывать на поединок. Отныне Кара — Ее Величество. Она королева, и никто не смеет оспорить ее власть. Те, кто хотел бросить ей вызов, должны были сделать это до коронации.

— Значит, тебе ничего не угрожает?

Я вновь открыла рот, но за меня опять ответил Рок.

— Вызов на поединок вашей сестре не грозит. Опасаться ей стоит мятежа среди знати, восстания простого люда, бунтов на окраинах, интриг и...

По мере перечисления возможных опасностей глаза Шуты округлялись все сильнее.

— Рок! — прикрикнула я, поняв, что он готов продолжать. — Прекратите, — произнесла я уже тише и натянуто улыбнулась. — Вы пугаете мою сестру.

— Простите. — Рок спохватился и учиво склонил голову. — Я просто ответил на вопрос.

— В следующий раз я сама буду отвечать на все вопросы, которые последуют от членов моей семьи, — с нажимом сказала я и встала из-за стола. — Шута, тебе пора. Вам не о чем волноваться, запомни это.

Растерянная Шута соскользнула со стула, кинула на меня задумчивый взгляд и, почтительно попрощавшись, вышла, а не выбежала, как обычно, из покоеv.

— Ваши слова ее потрясли, — с досадой и раздражением сказала я.

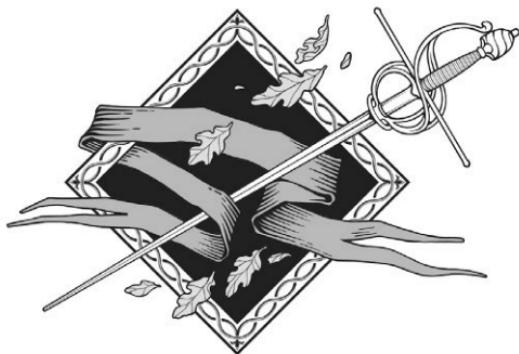
— Я не хотел ее расстраивать.

Рок говорил искренне, и моя злость испарилась. В очередной раз я получила доказательства того, что он мыслит другими категориями, и отсюда корни всех наших разногласий. Я вздохнула.

— Я знаю. Не берите в голову, Рок. Я поговорю с ней.

Рок пару мгновений поколебался, словно хотел что-то сказать, но передумал. Склонив голову, он молча вышел за дверь.

Я изнеможенно упала на стул. По спине катился липкий пот. Несмотря на прохладную погоду, мне стало жарко. Я оттянула узкий ворот платья и бережно расправила уже изрядномятый конверт. Затаив дыхание, как перед нырянием в воду, осторожно вскрыла послание, вытащила исписанный мелким и аккуратным почерком лист бумаги и принялась жадно вчитываться в текст.

Глава 10

В шахматах особенно важно помнить об осторожности. Принимать жертву — пешку или более сильную фигуру — следует только в том случае, если вы не видите опасности в таком ходе.

Бой барабанов нарастал с каждой минутой, и я потеряла ноющие виски. Кажется, поединок навсегда привил мне ненависть к звучанию этого музыкального инструмента.

— Любовь, прикрой, пожалуйста, окно.

Она с похвальным рвением ринулась исполнять мою просьбу. Как только створки оказались плотно затворены, в комнате стало гораздо тише. Удары барабанов доносились приглушенно и нервировали не так сильно. Я с облегчением выдохнула.

— Ваше Величество, вам холодно?

— Что? — Я оторвалась от книги, которую читала, сидя в кресле, и с недоумением взорвилась на Любовь.

— Вы окно попросили закрыть, — робко сказала она. — А на улице сегодня тепло. Я подумала, может, вам нездоровится? Тем более на казнь вы не пошли, отправили Его Высочество Рока...

С каждым словом Любовь говорила все тише, и окончание ее фразы я едва расслышала. Служанка, поняв, что сболтнула лишнего, стояла, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

— Да, ты права, — не имея возможности признаться в истинной причине своего плохого настроения, согласилась я. — У меня болит голова и немного зно-бит. Разожги камина, будь добра.

— Сию минуту! — обрадованно воскликнула Любовь и метнулась к камину. Вороша холодные угли, она, довольная, что может услужить, спросила: — Заварить мяту с душицей? А нет, так я могу за лекарем сбегать! Я быстро!

— Не стоит. — Я поторопилась обрубить рвение Любови на корню. — Достаточно будет травяного чаю. Спасибо.

Служанка понятливо кивнула, сноровисто разожгла камина и практически выбежала за дверь, торопясь выполнить мое поручение.

Я вздохнула, обмахнулась тонким платком, что лежал на столике, и с неудовольствием покосилась на весело занявшийся огонь. День и правда выдался теплый, и теперь в комнате с закрытыми окнами и горящим камином было душно. К сожалению, приходилось поддерживать легенду о своей болезни. Только благодаря ей я смогла остаться в покоях и не присутствовать на фальшивой казни. Я чувствовала, что это

будет выше моих сил. Смотреть, как взметается ввысь пламя, которое должно было поглотить меня и сестер... Нет, не смогу.

Была еще одна причина, по которой я малодушно отказалась от участия в этом ярмарочном представлении. У этой причины имелось имя — Рок. Я знала, что он прочтет мысли Вара. Не удержится и обязательно заглянет тому в голову. В этот момент я хотела, руководствуясь какой-то животной тягой к самосохранению, находиться как можно дальше от своего заботливого мужа.

Я снова открыла книгу и задумчиво потеребила закладку — запечатанный тонкий конверт из дешевой бумаги. Пальцы нерешительно потянулись к сургучу, чтобы взломать его. Со вчерашнего вечера я несколько раз порывалась прочитать письмо, переданное мне через Вара женой Воина, и все время не решалась. Я боялась того, что может оказаться в письме. Того, что может поставить мое решение под сомнение.

Бой барабанов наконец стих. Я устало прикрыла глаза.

— Ваше Величество, чай готов!

Я вынырнула из своих дум и тепло посмотрела на Любовь. Ее старательность вызывала улыбку.

— Благодарю, — искренне сказала я. — Оставь здесь и можешь идти.

Она деловито налила чай в чашку, выставила с подноса вазочку со сладостями и исчезла за порогом.

Я взяла в руки чашку из хрупкого фарфора, помедлила и сделала глоток терпкого чая, горячего, но не обжигающего. Мои пальцы снова коснулись печати на конверте, но тут дверь с треском распахнулась.

— Ваше Высочество, Ее Величество отдыхает!

В комнату непривычно быстрым и резким шагом вошел Рок, за ним возмущенно семенила Любовь. Она расстроенно посмотрела на меня и беспомощно всплеснула руками. В проем открытой двери заглянул Ник и тоже выжидающе уставился на меня.

— Все в порядке. Покиньте нас, — сказала я, внутренне сжимаясь.

Звук закрываемой двери показался угрожающим. Мы с Роком остались одни.

— Когда вы собирались сказать мне, Кара?

Я выпрямилась в низком мягким кресле и открыто, не таясь, посмотрела на Рока. Впервые он проявлял чувства настолько ярко. Муж был взбешен. Тонкие черты его лица обострились, как у ощерившегося хищника. Крылья породистого носа трепетали от негодования, а глаза... В них бушевал такой штурм, что я невольно отвела взгляд.

— Сегодня, — сохраняя спокойствие, ответила я.

— Значит, я узнал о вашем решении не рано и не поздно — вовремя. Верно?

— Да, вы правы.

Мы замерли, всматриваясь в лица друг друга. Я не знала, что выражает мое, но надеялась, что уверенность. Мне стоило большого труда не опустить глаз. Взгляд Рока, наполненный гневом, раздражением, обидой и чем-то еще, выдержать было сложно.

— Почему, Кара? Почему? — он повторил вопрос уже более громко, и в его словах чувствовалась такая боль, что у меня сжалось сердце.

— Вы бы вмешались, Рок, ведь так?

— Да, думаю, так.

— Я этого не хотела.

— Не хотели... — пробормотал Рок, словно не осознавая смысла сказанного.

Он замолчал, отошел к окну, не спрашивая разрешения, распахнул створки, и в комнату ворвался непривычно теплый для осени воздух. Я бы с наслаждением сделала глубокий вдох, но все мое внимание было приковано к Року.

— Все так странно, Кара, — тихо произнес он, не глядя на меня. — Очень странно...

— Да, между нами много непонимания, — с готовностью согласилась я. — Но если мы...

— Я не об этом, — Рок оборвал меня резко и почти грубо.

Я замерла. Впервые за все время нашего знакомства Рок забыл о манерах. Это заставило меня подняться. Неожиданно я перестала чувствовать себя в безопасности.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросила я.

Он обернулся и посмотрел на меня отрешенно. Мыслями Рок был не здесь.

— Все идет не так. — Он сильно тряхнул головой, и волосы, забранные в низкий хвост, рассыпались по плечам. Тонкая серебряная заколка покатилась по полу, но никто из нас даже не посмотрел в ее сторону.

— Что идет не так? — растерянно спросила я, подумывая позвать Ника. Состояние мужа вызывало у меня ужасающий трепет.

Взгляд Рока прояснился. Он посмотрел на меня уже осознанно. Закусив губу так, что я увидела, как из нее начала сочиться кровь, Рок отошел от окна.

— Прошу прощения, что напугал вас. Я забылся.
— Да-да, — согласилась я. — Забылись.
— Этого больше не повторится. Кара, вы — королева, и решения принимаете только вы.

— Благодарю, — непонятно к чему сказала я.
— И все же... В этот раз вы ошиблись.

Рок поклонился и выскочил из комнаты, как будто опасался не сдержаться и сказать что-то еще.

— Ваше Величество. — В комнату заглянул Ник. Его лицо было серьезным и встревоженным. — Все... хорошо?

— Да, не волнуйтесь. Все прекрасно.

Ник неуверенно кивнул и вышел за порог, прикрыв за собой дверь.

Я медленно вытащила импровизированную закладку из книги, так медленно, будто к каждой ноге было привязано по валуну, прошла из приемной в спальню и рухнула спиной на высокие подушки. Сомнениям больше не осталось места. Пальцы сами взломали печать, конверт отлетел в сторону. Я развернула сложенный лист бумаги.

«Ваше Величество, я не уверена, дойдет ли до Вас письмо, но всем сердцем надеюсь, что это произойдет. Мне невыносима мысль, что я не смогу отблагодарить Вас.

Ваше Величество, каждый час, который я провела здесь, с моих уст срывались молитвы. Я молюсь за Вас и прошу, чтобы боги были милостивы к Вам. Вы спасли жизнь мне и моему ребенку! Я никогда не забуду Вашей доброты!

В тот день, когда в мои покои вошел Ваш советник, я уже не имела сил даже плакать. Я знала, что не могу надеяться на снисхождение, но мой ребенок... Ваше Величество, нет слов, чтобы выразить всю мою благодарность за Ваше милосердие.

Я знаю, наверняка найдутся те, кто заставит Вас усомниться в этом решении. И Ваше право его поменять. Я приму свою судьбу, какой бы она ни была. Я все равно буду благодарна Вам, Ваше Величество, за те часы, дни, месяцы или годы, которые проведу со своим ребенком. Что бы ни случилось, это будет того стоить.

Я не ведаю, что чувствуете Вы. Вероятно, ненависть не коснулась Вашей души, иначе бы Вы жаждали мести. Моего мужа уже нет в живых, и я хотела попросить за него прощения. Мне искренне жаль, что ваш брат погиб на поединке. Я не понимаю, почему муж решил бросить ему вызов. Он всецело был занят подготовкой к рождению нашего первенца и казался счастливым. Ни разу в нашем доме не заводился разговор о короне и желании побороться за нее.

Простите, Ваше Величество. Я увлеклась. Думаю, Вам не нужны эти подробности моей жизни. Я только хотела Вам сказать, что никто в нашей семье не думал о власти. Не понимаю, как подобное могло случиться...

Я не стану отнимать у Вас время, Ваше Величество. Верю, что теперь вам его часто не хватает.

Напоследок я хочу предупредить Вас, Ваше Величество, о Роке. Я знаю, он стал вашим мужем. Богами заклинаю, будьте с ним осторожны! Проверьте, имя ему дали не просто так. Он может принести много

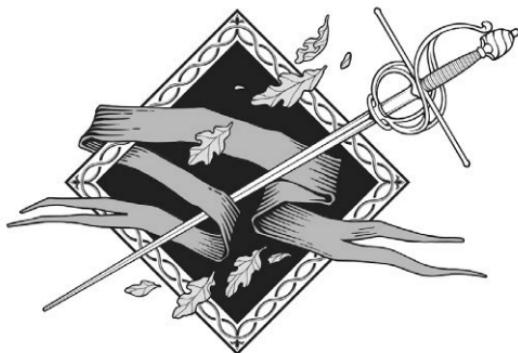
зла, сам того не желая. Прошу Вас, будьте осторожны и не доверяйте ему.
С благодарностью и любовью,
Надежда».

Я перечитала письмо трижды. Сглотнула ком в горле и отложила бумагу в сторону. Уверенность в том, что я все сделала верно, росла вместе со страхом, будто надвигается что-то ужасное. Что именно, я не могла сказать, но предчувствие чего-то темного вспыхнуло во мне и уже не могло погаснуть.

Я встала, подошла к столу и, открыв ящичек, хотела спрятать письмо, положить к посланию Ника, которое бережно хранила. Эти два письма стали бы моими оберегами, напоминаниями о том, что я поступаю верно. Как маяки в темноте ночи, они указывали бы мне путь. Но когда крышка шкатулки уже щелкнула, я задумчиво коснулась пальцами губ. Мгновение — и замок вновь оказался открыт. Я подошла к камину и, помедлив, бросила письмо в огонь. Буквы искались, на пожелтевшем листе бумаги они простили особенно ярко, а затем исчезли, сгорая без следа. Письмо-благодарность, письмо-предупреждение исчезло.

Я еще немного посмотрела на языки пламени, а затем подошла к окну. Полной грудью вдохнула напоенный ароматом спелых яблок воздух и прикрыла глаза. Тепло сегодняшнего дня меня не обмануло. Я знала, что впереди осень, промозглая и серая.

Осень наступала не только в природе. Холода готовились обосноваться и в моей душе.

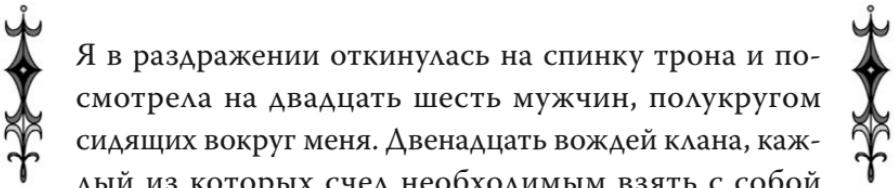
Глава 11

Королева может перейти на любое поле того горизонтального или вертикального ряда, на котором стоит. Также ей доступны ходы по диагонали. Все это возможно лишь в том случае, если на ее пути нет препятствий.

**1488 год, 4-й месяц, королевский замок
Тринадцати кланов**

Весна возвращалась в наши края медленно и неохотно. Снег уже сошел с полей. Днем солнце ласкало обманчивым теплом, но ночами все еще завывал злой, пронизывающий до костей ветер.

В церемониальном зале с высокими окнами и потолком гуляли сквозняки. Я куталась в меховую нацидку и мрачно думала, что провести военный совет в покоях было не такой уж плохой идеей. Зря я послушалась Вара и в очередной раз соблюла традиции.

Я в раздражении откинулась на спинку трона и посмотрела на двадцать шесть мужчин, полукругом сидящих вокруг меня. Двенадцать вождей клана, каждый из которых счел необходимым взять с собой советника или сына, Вар и мой личный секретарь Мир — если подумать, в этом огромном зале собралась целая толпа.

Я обежала взглядом мужчин, посмотрела дальше, за высокие колонны, где виднелась входная дверь. Возле нее стоял Ник. Он изредка посматривал в мою сторону, и эти взгляды, с одной стороны, сбивали меня, а с другой — волновали и почему-то согревали.

Совет шел уже второй час. Разговор вновь и вновь возвращался к одному и тому же.

- Кирки не посмеют напасть!
 - Вы так в этом уверены?
 - Волнения на границе происходят все чаще.
 - Наша армия не сможет дать отпор врагу, если он все-таки объявит войну.
 - Да как у вас хватает наглости говорить такое?!
 - Нас просто сметут количеством.
 - Боги не позволят...
 - Не время сейчас вспоминать богов!
 - Возможно, нам просто стоит отдать киркам тот спорный город возле моря? Ведь им нужен только он...
- Последняя фраза, неуверенно сказанная молодым мужчиной, старшим сыном вождя клана Белой Лисицы, потонула в недовольном рокоте, переходящем в возмущенные крики.
- Да как ты, щенок, посмел!
 - От лиса ничего хорошего ждать не приходится!

— Отдать город?!

— Наверное, еще и с извинениями?

Я тяжело вздохнула. Сын вождя клана Белой Лисицы, видимо, пожалел, что влез в разговор, и поспешил опустить голову, стараясь хотя бы так скрыться от угроз и насмешек.

Я посмотрела на него чуть внимательнее. Белые волосы, светлые глаза. Со стороны и правда можно было подумать, что мы из одного клана. Да и мыслили схожим образом.

Когда я впервые узнала о возможности нападения кирков из-за спорного куска суши, тоже предложила вернуть им город. Никогда не забуду выражение лица Вара в тот момент. Мне кажется, ему стоило большого труда не призвать гнев богов на мою скорбную голову.

Я устала посмотреть в окно. Солнце поднималось все выше. Мне стало тесно и душно в этом зале с криками и спорами об одном и том же. Мы сегодня уже не найдем решения. Что-то мне подсказывало, что искать его стоит в другом месте.

— Достаточно, — холодно произнесла я, и голоса стихли. Мужчины воззрились на меня с немым раздражением, было видно, что они готовы продолжить словесный бой. — На сегодня довольно. Пусть каждый из вас еще раз обдумает сложившуюся ситуацию и постарается найти из нее выход. Все свободны!

Я встала первой, и остальные последовали моему примеру. Они покидали зал, скрывая недовольство. Я знала, мужчинам не нравится, что приказы им раздает женщина. И сейчас, в свете возможной военной

угрозы, их недовольство росло с каждым часом. Они жаждали какого-то смелого и неожиданного решения. Им хотелось верить в крепкую правящую руку, которая способна совершить чудо и защитить их.

«Глупцы!»

Я подождала, пока зал опустеет, и только тогда сошла по ступенькам вниз и направилась к дверям.

— Я хочу прогуляться, Ник.

— Конечно, Ваше Величество.

— Не бери никого. Твоего общества будет достаточно.

Ник нахмурился, но ничего не сказал. Молча склонил голову и последовал за мной.

Двор был наполнен суетой, женскими деловитыми покрикиваниями и беззаботной возней детей. Я прошла мимо хозяйственных построек, изредка отвечая на приветствия, и ступила на узкую тропинку, ведущую к полям.

На напоенной талой водой земле уже робко пробивалась первая трава. В небе носились птицы, и их гвалт невольно заставлял улыбаться. В чистом, словно бы звенящем воздухе носилось предчувствие чего-то светлого — очередного начала. Вдалеке, на окраине чернеющего поля, подготовленного к боронованию, стоял высохший дуб и, казалось, грозил растопыренными мертвыми ветками самим богам. Я ускорила шаг.

— Ваше Величество, могу я задать вопрос?

— Конечно, Ник. Я слушаю.

— Почему вы так часто избираете местом для прогулки именно это поле с дубом?

Я вздохнула. За прошедшие полгода наши с Ником отношения изменились. Мы редко выходили за рамки,

предусмотренные этикетом, но даже в учтивости Ника я чувствовала теплоту и тщательно скрываемое беспокойство. Я знала, что могу ему довериться. Проблема была лишь в том, что я также знала и другое: он больше не понимал меня. Его пугала новая Кара, отдающая распоряжения властным и холодным тоном. Он все еще любил меня, но любил ту прежнюю, робкую и чистую девушку Кару. Ту, от которой уже почти ничего не осталось.

И все равно какая-то часть меня нуждалась в Нике. Наверное, поэтому я ответила ему честно:

— Когда-то здесь я потеряла себя. Теперь это место помогает думать.

Я подошла к дубу и прижалась лбом к его мертвому морщинистому стволу. Военный совет меня измогтал. Я знала, что есть решение, которое снимет угрозу нашей мирной жизни. И мне не нравилось это решение.

— Ваше Величество, — в голосе Ника слышалась откровенная тревога, — вы хорошо себя чувствуете?

— Можно сказать и так, — пробормотала я. Мне вдруг захотелось поделиться своей ношей с Ником. Я обманчиво спокойно, даже равнодушно добавила: — В ближайшее время нас ждет война.

Краем глаза я увидела, как Ник вздрогнул и подобрался.

— Ваше Величество, мы все готовы сражаться за наш дом, если это потребуется!

— Если потребуется, — задумчиво повторила я и прислонилась к дереву щекой. Прикрыв глаза, я всматривалась в мертвую темноту, окружающую дуб.

В ту темноту, которая может вскоре появиться на месте замка. На месте всего королевства. — Я могу это предотвратить, Ник.

Я почувствовала, как он встрепенулся.

— Что же вас останавливает, Ваше Величество?

— Совесть, — горько усмехнулась я.

Ник помолчал и неуверенно спросил:

— Вы должны совершить бесчестный поступок?

— Бесчестный и невероятно жестокий.

— И вы колебитесь?

— Да.

Вновь повисло молчание. Я вынырнула из темноты и открыла глаза. Ник стоял чуть в отдалении и кусал губы.

— Прежняя вы, Ваше Величество, ни за что бы не сделала ничего подобного.

— Прежняя я умерла на поединке с Воином.

Грудь сдавило. Откровенный разговор с Ником вызвал боль и тоску. Я снова убедилась в том, что на новом пути, который я выбрала, чтобы спасти сестер, мне стоит полагаться только на себя.

— Думаю, нам пора возвращаться.

Солнце поднималось все выше, его лучи грели все сильнее, но я, в накинутой на плечи роскошной меховой накидке, чувствовала себя прдорогшей.

— Как прошел военный совет?

Я подняла глаза от книги, которую читала в постели, и посмотрела на вошедшего в спальню Рока. Он

скинул плащ и устроился возле камина, усевшись прямо на пол. Потирая ладони, муж поднес их к огню.

— Бессмысленно и утомительно, — честно призналась я, раздумывая, стоит ли прикрыться одеялом, или же за эти полгода Рок уже привык видеть меня в ночной сорочке. — Что вы скажете о ежегодной охоте?

— Глупая и скучная традиция. — Рок зевнул, деликатно прикрыв рот.

Я посмотрела на часы. Почти полночь. Действительно, пора спать.

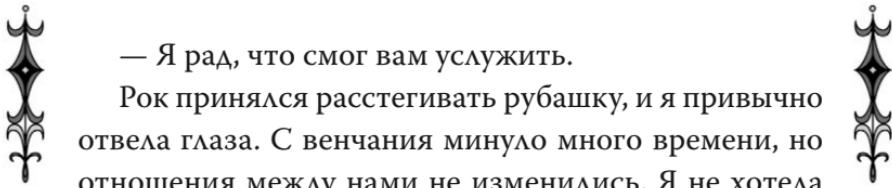
Я с сожалением отложила книгу, которая меня захватила и заставила забыть о времени. Все последние полгода, с первой брачной ночи, каждый вечер перед сном я читала. Это стало моей новой привычкой, которую Рок поощрял. Он часто приносил мне книги о колдовстве. Я отдала приказ перерыть все библиотеки, но нужных мне сведений было немного. Однако Рок их где-то находил...

Изначально я искала что-то, что могло бы помочь раскрыть мой дар. Меня интересовало любое упоминание о людях с талантом, похожим на мой. К сожалению, ничего подобного мне не попалось, и тогда я стала читать все подряд из чистого любопытства. Получив доступ к знаниям, я просто не могла остановиться.

Рок встал, сладко, с какой-то кошачьей грацией, потянулся и кивнул на книгу.

— Вам понравилось?

— Достаточно интересно, спасибо, — сдержанно ответила я и уже более эмоционально добавила: — Автор попытался обобщить все разновидности дара и даже нарисовал схему.

— Я рад, что смог вам услужить.

Рок принялся расстегивать рубашку, и я привычно отвела глаза. С венчания минуло много времени, но отношения между нами не изменились. Я не хотела этого, но иногда... представляла, что бы чувствовала, стань Рок моим мужем по-настоящему. Возможно, мне не было бы так одиноко.

Кровать прогнулась под весом Рока. Он накрылся одеялом и с удовольствием вытянулся под ним.

— Не пора ли прекратить военные советы? Кара, вы прекрасно знаете, что должны сделать.

Меня передернуло. Я понимала, о чем говорит Рок. Он никогда не вмешивался в дела королевства, но всегда был готов выслушать. Изначально я прибегала к его помощи слишком часто, пока не осознала одну простую вещь. Рок давал дельные советы, только те требовали жесткого сердца. Вот и сейчас он предлагал...

— Уничтожить поля врагов, сделать их землю мертвой, чтобы голод заставил забыть о нас?

— Вы сомневаетесь в своей силе? Поверьте, придется, конечно, потратить время, но вы вполне способны это сделать.

— Не сомневаюсь, — горько усмехнулась я.

— Голод изрядно подорвет силы кирков. Вы даже можете напасть на них, Кара, и подчинить себе. Не прямо сейчас, но в отдаленном будущем.

— Будут голодать дети, Рок, — устало сказала я. Мы возвращались к этому разговору уже не первый раз, и от этого в душе разрасталось раздражение. — Умирать от голода будут не только воины, но и их невинные дети.

Рок промолчал, но в этом молчании мне почудились упрек и тревога. Он погасил свечу, спальня погрузилась во мрак.

— Вам не добиться победы, пока армия кирков так сильна.

— Я знаю.

Мы вновь замолчали. Сон не шел. Неясная мысль не давала мне покоя, все не получалось поймать ее за ускользающий хвост.

— Ну конечно! — выдохнула я.

— Кара?

В темноте я никак не могла найти огниво.

— Святые предки! — пробормотала я сквозь зубы. — Рок, зажгите, пожалуйста, свечу!

Тот выполнил мою просьбу. Я схватила отложенную в сторону книгу и принялась быстро-быстро листать страницы.

— Где же... — пробормотала я. — Вот, нашла!

Мой палец уткнулся в один из параграфов.

— И что же там? — с любопытством спросил Рок, придвинувшись ко мне. Мы склонились над книгой, наши головы соприкоснулись.

— Вот здесь сказано, что существуют люди с даром стихии. Им подвластны огонь, воздух, вода и земля.

— Да, я слышал об этом. Подобный талант встречается достаточно редко, но он существует.

— Подумайте, Рок, как бы такой дар помог нашей армии.

Муж отстранился, облокотился на подушки и задумчиво посмотрел на меня:

— Продолжайте, Кара.

Я мельком подумала, что должна была уже привыкнуть к виду его обнаженного торса, но почему-то до сих пор не смогла.

Щеки вспыхнули. Я поспешила поднять взгляд выше и остановила его на лице Рока. Стارаясь больше не опускать глаз, я заговорила вновь:

— Иногда качество важнее количества. Зачем нам тысячи солдат, если у нас будет десяток колдунов с даром стихии? Мы сможем спалить врага огнем, снести их ураганом или...

Рок наклонился ко мне, глаза его вспыхнули странным огнем.

— Вам нравится эта мысль, верно?

— Да! — выдохнула я.

Мне не пришлось лгать. Я действительно думала, что подобное мошенничество лучше откровенно бесчестного поступка. В обоих случаях погибнут люди, но в первом это будут воины, во втором — еще дети и женщины.

Рок улыбнулся широко и как будто счастливо. Я нахмурилась, не понимая, что могло поднять ему настроение.

— Кара, вы — прекрасная королева. Все, как я и говорил. Вы нашли выход.

— Правда? — затаив дыхание, спросила я.

— Похоже на то.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы унять бешеное сердцебиение и постараться дышать не так шумно. Я не знаю, почему мне было так важно услышать одобрение Рока, но теперь, когда я его получила, мне хотелось танцевать. И смотреть на его губы до тех пор, пока он этого не заметит.

— Значит, люди с даром стихии, — откашлявшись, вернулась к разговору я. — Уверена, свой дар скрываем не только мы.

— Возможно, — лениво согласился Рок и перевернулся на живот. Теперь он лежал совсем рядом со мной и, запрокинув голову, смотрел мне в глаза. Я старалась не отводить взгляда и не коситься на его обнаженные спину и ягодицы. Спал Рок почему-то всегда голым.

— Тогда... Если... — Мой голос сел, я слотнула, затем тряхнула волосами, чтобы взять себя в руки. Ненадолго это помогло, и ясность мышления вернулась. — Закон обязывает каждого, почувствовавшего в себе дар, признаться в этом жрецу. Тот направляет «счастливца» в западный лес. Тот самый, что раскинулся между нашим королевством и владениями кирков. Если мы отправимся туда и вернемся с добровольцами, готовыми служить короне...

— Что же тогда?

— Мы все изменим.

— Вот как? — Рок придвинулся ко мне еще ближе, его голос вновь обрел чарующие бархатистые нотки. Он смотрел на меня выжидающе, словно мой ответ много для него значил.

— Мы не только победим кирков, — я улыбнулась, — мы объединим людей. Докажем, что одаренные могут быть полезны клану. Позволим им жить рядом.

Рок разочарованно выдохнул и отвернулся. Я же была настолько поглощена мыслями и картиной светлого будущего, что едва обратила на это внимание.

Я соскочила с постели, но запуталась в подоле сорочки и с грохотом растянулась на полу.

— Кара?

Надо мной навис свесившийся с кровати Рок.

— Все прекрасно! — быстро соврала я. — Но время идет, надо спешить. — И снова вскочила, схватила колокольчик и зазвонила, давая тем самым знать Любови, что мне требуется ее помощь.

— Кара, что вы делаете? — спросил Рок с ноткой опасения, будто подозревал, что я повредилась в уме.

— Буду одеваться! — ответила я как само собой разумеющееся. — Надо разбудить Вара. На рассвете мы отправимся в лес.

Рок приподнял левую бровь, а вместе с ним и уголок рта. Кажется, он хотел рассмеяться, но боялся меня обидеть.

— На рассвете?

— Да. Где же эта Любовь? — Я снова зазвонила в колокольчик и нетерпеливо набросила поверх сорочки накидку. Затем собралась с духом и, не глядя на Рока, спросила: — Вы поедете со мной?

— Я уже уверовал, что вы и не спросите. — Он улыбнулся, в глазах его зажегся огонек предвкушения. — Конечно. Я не могу вас оставить.

— Благодарю, — тихо ответила я и вышла в смежную комнату.

До рассвета мне нужно было успеть многое, но я не волновалась. Странным образом обещание Рока быть рядом успокоило меня и дало надежду, что все закончится хорошо.

Хоть для кого-то.

Западный лес встретил нас напряженной тишиной, прерываемой одиночными криками птиц, шелестом веток и приглушенным стуком копыт наших лошадей о мокрую от росы траву. Вар снарядил мне в сопровождение целое войско — тридцать хорошо обученных воинов внимательно посматривали по сторонам, держа оружие наготове. Над нашими головами смыкались вершины вековых деревьев, и в просветы их крон робко заглядывало солнце. Его лучи не грели, но разгоняли атмосферу не прирученной человеком природы. Казалось, что лес живой, и он совсем не рад нас видеть.

— Ваше Величество, вы знаете, куда направляетесь? — спросил Вар, ехавший справа от меня. Он поднял глаза к небу и с подозрением посмотрел на испуганно взмывшую ввысь стайку птиц.

— В центр леса, — ответила я и покосилась на молчаливого Рока, закутанного в черный плащ с ног до головы. — Те, кого мы ищем, выйдут к нам сами.

Именно этими словами ободрил меня муж перед началом нашей поездки. И я, повторив их, почувствовала себя увереннее.

— Как скажете, Ваше Величество. — Вар кивнул и подстегнул коня, пуская его чуть вперед.

— Думаете, нам еще долго придется здесь плутать? — негромко спросила я у Рока, по-прежнему державшегося по левую руку от меня.

— Сложно сказать, — меланхолично ответил он. — Впрочем, что-то мне подсказывает, что ожидание не будет изматывающим.

Я вздохнула и вновь посмотрела вперед. Там, уверенно держась в седле, в самой главе нашей процессии двигался Ник. Периодически он возвращался ко мне убедиться, что все в порядке, а затем снова уносился вперед. Будучи опытным охотником и следопытом, он сейчас уверенно вел наш отряд.

Мы были в пути уже несколько часов, и усталость понемногу давала о себе знать. Я в очередной раз мысленно прокляла женскую моду. На мне было дорожное платье, но даже оно сковывало движения и не позволяло дышать полной грудью. Ерзая в дамском седле, я молила богов сжалиться и поспособствовать нужной мне встрече. Мимолетно же подумывала о том, что мир слишком жесток к женщинам. Вот, скажем, что дурного в мужском костюме на девушки?

Увлекшись этой крамольной мыслью, я перестала бороться с подкрадывающимся сном и задремала под равномерный убаюкивающий шаг лошади. Разбудило меня громкое испуганное ржание, которое издает хорошо обученный конь, когда неожиданно сталкивается с препятствием и встает на дыбы. Ему вторил мужской крик, перемежающийся руганью.

Я распахнула глаза и заморгала.

— Как я и говорил, — с легкой ironией сказал Рок, кивая куда-то вперед, — ожидание не было изматывающим.

Я посмотрела туда, куда он указывал. Воины столпились, и среди многочисленных мужских спин и лошадиных крупов я мало что могла разглядеть. Подхлестнув своего коня, я выехала вперед. Рок последовал моему примеру.

Рядом с восседающим на горячем жеребце Варом стояла пожилая женщина. Она смотрела на советника снизу вверх, но взгляд ее был настолько надменен, что казалось, будто это она сидит на коне и свысока взирает на моего подручного.

Вар был в гневе, но чувствовалось, что кричит он больше от неожиданности, чем от желания унизить.

— Ума лишилась, старуха? Зачем кидаешься под копыта лошади?! Смерти ищешь?

— Зачем ее искать, — пожала плечами та. — Я знаю час, когда она придет за мной.

Она вдруг повела носом, как собака, и резко обернулась в нашу с Роком сторону. Взгляд ее выцветших с возрастом глаз был пуст, как это бывает у слепых, но я знала, что старуха видит мир четко и ярко. Другое зрение, недоступное обычным людям, вело ее лучше любого поводыря.

Язык присох к гортани. Как и тогда, у реки, на поединке Света и Воина, я почувствовала на себе изучающий взгляд. Душа будто бы откликнулась на него, и я поняла, ясно и мгновенно, что передо мной тот, кого я искала, — человек с даром.

Женщина тоже молчала. Казалось, она всматривается в пустоту, но я знала: старуха изучает мое лицо, ища в нем что-то. За моей спиной кашлянул Рок, и я очнулась от размышлений, затягивающих меня, словно омут.

— Вар, довольно! — Я подняла руку и оборвала советника. Тот удивленно замолчал, и я обратилась к случайно (возможно, не так уж случайно) встреченной путнице: — Меня зовут Кара, и я королева Три-

надцати кланов. — Я сказала это обыденно, просто чтобы представиться. Впрочем, внутри меня росла уверенность: старуха и без моих слов знала, с кем столкнулась. — Я приношу извинения за вторжение.

— Да уж, — пробормотала она. — Извинения лишними не будут...

— Мы можем поговорить? Мне бы хотелось... обсудить кое-что. — Мой голос звенел от напряжения. Почему-то мне вдруг показалось, что старуха, замотанная в шерстяную, местами облезлую накидку коричневого цвета, рассмеется и продолжит путь, оставив меня ни с чем.

Я представила это так детально, что застыла, с третьей вспоминаясь в наполненную растениями корзину, которую пожилая путница держала в руках. В охапке этого травяного разнообразия я узнала только одуванчик и фиалку.

— Отказать бы вам, Ваше Величество, — прокрепетала старуха, крутя в пальцах листочек фиалки. Я покачала головой, заметив, как Ник держит наготове оружие, будто вот-вот придется пустить его в ход. — Да только вы же настойчивая, вас мой отказ не остановит. — Пойдемте, — решительно сказала она и неожиданно резво для своего возраста зашагала в сторону небольшой полянки.

Я спешилась, сделала знак оставаться на своих местах, проигнорировала протесты Ника и тоже направилась на полянку. Несмотря на начало весны, трава здесь уже была высокой и сочной. Я задумчиво коснулась цветка, названия которого не знала.

— Как ваше имя?

— Карма, Ваше Величество.

Такое имя я встречала впервые. Слово чуждое, незнакомое мне. Я промолчала, но мое удивление не осталось незамеченным.

— Да, Ваше Величество, — рассмеялась Карма хрипым и лающим смехом, — всего одна буква, а смысл у имени совсем иной. Забавно, правда?

— Возможно, — уклончиво ответила я. Мне хотелось узнать, в чем заключается ее талант, но вместо этого я спросила другое: — Я ищу людей — таких же, как и мы. Тех, кто обладает даром.

— Знаю, — сварливо перебила меня Карма и поправила платок на седых волосах. — Я бы предостерегла вас, Ваше Величество, да только бесполезно. Кровь все равно прольется.

— Простите? — Я, заледенев, смотрела в бесцветные глаза Кармы. Цветок выпал из моих рук и бесшумно приземлился на траву. Его лепестки разлетелись в разные стороны.

— Глупость вы задумали, Ваше Величество, да еще и опасную. Я знаю, вы хотите добра, но лучше бы оставить все как есть.

— Почему?

— Думаете, такие, как мы, зря уходят в леса? Вот вы и ваш муж остались, и что хорошего из этого вышло?

— А что плохого? — спросила я, поджимая губы. Слова Кармы вызвали неприязнь и желание спорить.

— Увидите, — фыркнула она. — Сами все увидите.

— Я не понимаю...

— Оставим это, — вдруг устало произнесла Карма. Она как будто осунулась. — Я скажу, что зря вы, Ваше

Величество, хотите вмешать нас в дела власти. Дар — это ведь ноша. И чем он сильнее, тем больше тяготит. Нельзя ни мне, ни вам, ни кому-то похожему на нас давать власть. Она толкает нас на темную тропу...

Передо мной пронеслись одна за другой картины из моего недавнего прошлого: мертвый дуб, убитый боров, падающий в реку Воин, — и я прикрыла глаза, борясь с подступившей к сердцу болью.

— Вот видите, — в голосе Кармы послышалось сочувствие, — не дело нам жить среди людских страстей. Поэтому и уходим мы испокон веков в лес. Чтобы ни на кого не накликать беду.

— А что, — я вскинула голову и твердо посмотрела на Карму, — если мы не накликаем беду, а сможем ее предотвратить? Изгнание придумали не люди с даром, а напуганный король.

— Может, он и был напуган, но действовал мудро.

Мы помолчали, и в этой тишине, напоенной ароматом трав, чувствовалось раздражение. Впрочем, возможно, раздражение исходило только от меня. Карма выглядела отстраненной и немного утомленной.

— Наш спор — пустое, — сказала она. — Не время еще ему. Я потому и вышла вам навстречу, знала: будущего уже не изменить.

— Какого будущего? — нахмурившись, спросила я.

Карма проигнорировала мой вопрос и продолжила:

— К себе вас не поведу, не обессудьте, Ваше Величество. Ни к чему королевской гвардии знать, где я живу. Я люблю уединение, случайные гости мне не нужны.

— Понимаю, — кивнула я. — Я ищу...

— Знаю, — вновь нетерпеливо перебила Карма. — Поселение, которое вы жаждете найти, находится дальше, в горной долине. Держите путь на северо-восток, ориентируясь на одиночную вершину, похожую на воющего пса. День верхом, и вы будете на месте. Сама я давно там не живу, но как добраться, прекрасно помню.

— Благодарю, — искренне ответила я. На моих губах медленно расплзлась улыбка.

— Тяжело видеть вашу радость, — вздохнула Карма и добавила: — Ладно, что уж там. Послушайте совета старухи и отправляйтесь в путь вдвоем с мужем. В поселении живет народ недоверчивый и осторожный. Придете туда со своим войском и еще полгода будете искать одаренных по горам и лесам.

— Почему? — глупо спросила я.

— Разбегутся они, — припечатала Карма. — Нет, Ваше Величество, оставляйте своих людей тут и идите сами или с мужем. Он плохой человек, но вас не обидит.

Горячая благодарность так и не успела сорваться с моих губ. Замерев, я снова и снова мысленно повторяла последние слова Кармы.

— Почему... — мой голос охрип, я кашлянула, — вы считаете его плохим человеком?

Карма покачала головой.

— У нас с ним страшный дар, — сказала она. — Мы видим будущее. Это бремя настолько тяжелое, что может раздавить.

Сомнение кольнуло мою душу, и Карма продолжила уже более напористо:

— Считаете, ваш дар страшнее? Подумаешь, увести добычу у Смерти! А вот те, кто видит будущее, начинают мыслить иначе. Все теряет свою ценность... Особенно чужие жизни. Ты словно смотришь ярмарочное представление.

— Кукловод, — пробормотала я, вспомнив слова Рони.

— Да, кто-то не хочет просто смотреть, — тихо согласилась Карма, — и это уже гораздо хуже. Иногда дару нужно сопротивляться. Вы, Ваше Величество, делаете это хорошо. А вот ваш муж слаб.

Эта мысль показалась мне кощунственной. Рок слаб? Да я не встречала никого сильнее его!

Я мрачно смотрела на Карму и кусала губы. Эта наглая и, несомненно, глупая старуха нравилась мне все меньше. Конечно, у Рока есть свои недостатки, но слабость не из их числа.

— Я учту, — холодно проговорила я и расправила складки плаща. Солнце грело все сильнее, поэтому я скинула капюшон, но расстегивать саму накидку пока не спешила. В моих волосах сияла небольшая корона, и я представляла, как сейчас выгляжу. Высокая, стройная, смотрящая на старуху свысока, я казалась надменной королевой.

Королевой, внутри которой страх звенел сотней серебряных колокольчиков.

— Не обижайтесь, Ваше Величество. На правду не злятся, — мягко произнесла Карма. Ее бесцветные глаза на мгновение заволокло дымкой. — Будьте осторожны. Не доверяйте мужу.

Она развернулась и резво, изредка припадая на правую ногу, засеменила в сторону леса.

Я, пораженная сказанным, осталась стоять на краю поляны с лежащим под моим сапогом цветком с облетевшими лепестками.

— Подождите! — крикнула я.

Карма нехотя обернулась и остановилась.

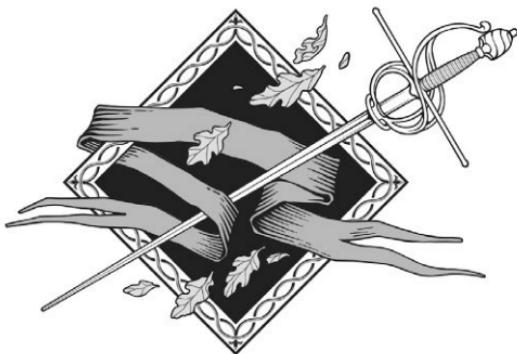
— Раз вы видите будущее, скажите, что меня ожидает?

Она замялась, сгорбилась, а потом выплюнула:

— Смерть, боль и слезы.

Мне будто с размаху влепили пощечину. Оглушенная, я смотрела на быстро удаляющуюся женскую фигуру и понимала, что жалею о состоявшемся разговоре.

И никому о нем не расскажу.

Глава 12

В шахматах любая с виду скучная и предсказуемая партия может преподнести сюрприз. В этом и заключается особое очарование этой игры.

Мне стоило большого труда уговорить Вара подождать здесь с солдатами моего возвращения из горной долины. Каких только ужасов не пришлось выслушать. Вар не жалел красок, расписывая опасности, поджидающие меня на пути, но я была неумолима.

— В вас появилась настоящая королевская твердость, — с усмешкой заметил Рок, когда мы отъехали от залитой солнцем поляны, где остался Вар с нашим отрядом.

Я посмотрела назад. На меня глядел Ник и молча кусал губы. Я отвернулась и снова устремила взгляд вперед.

— Я меняюсь, — мрачно ответила я.

— Возможно, просто становитесь собой? Той, кем являетесь на самом деле?

Я промолчала и подхлестнула коня. Тот послушно перешел с шага на рысь. Вопрос Рока повис в воздухе, наполненном птичьим щебетом и стуком лошадиных копыт. Разговор оборвался.

Мы провели в седле несколько часов. Дорога изрядно утомила меня. Ныла поясница, устали руки, сжимающие поводья, и ко всему прочему жалобно постанывал от голода живот. Я уже хотела попросить о передышке, когда Рок, вырвавшийся немного вперед, обернулся и сказал:

— Давайте устроим привал.

Я с облегчением согласилась.

Наш выбор пал на небольшую лужайку, обрамленную высокими соснами. Неподалеку журчал быстрый ручей. Я спешлась и с удовольствием прошлась по шелковистой молодой траве, разминая ноги. Рок достал из вещевого мешка нехитрую еду: хлеб, сыр, яблоки и две горсти сухофруктов. На землю он бросил плед и сам опустился на него. Я тут же оказалась рядом и, сев напротив, жадно потянулась к еде, как голодная собака к кости.

Сравнение мне не понравилось, и я постаралась жевать с достоинством, а глотать медленно. Рок наблюдал за мной неотрывно и немного снисходительно. Сам он, кажется, вовсе не устал и не испытывал голода.

— Вы первый раз выбрались так далеко от дома? — спросил он, беря ломтик сыра и откусывая от него.

Я мимолетно отметила, что даже сейчас, вдали от замка, Рок выглядел изысканно и естественно. Даже ел он красиво и деликатно. Я выпрямила спину и постара-

лась укусить яблоко не жадно, а непринужденно. Кажется, получилось не очень убедительно. Я вздохнула.

— Да. Отец считал, что девушке ни к чему покидать стены замка. Можно сказать, это мое первое путешествие.

— И как вам?

— Не знаю, — задумчиво произнесла я и посмотрела на надкушенное яблоко. Оно оказалось с гнильцой. — Часть меня кричит от восторга при виде этой первозданной природы и свободы. Хочется поднять руки и закружиться в танце.

Рок чуть улыбнулся. Он внимательно ловил каждое мое слово.

— Но?

— Что «но»? — не поняла я.

— Вы так говорите, что это самое «но» подразумевается.

Я смутилась. Рок иногда угадывал даже не мысли, а какие-то неясные обрывки чувств.

— Но мне становится страшно. Словно я играю чужую роль, и совсем скоро она подойдет к концу. Тогда меня вернут обратно, под замок.

На лицо Рока набежала тень.

— Ваш отец был не самым приятным человеком.

— Он был королем, — усмехнулась я. — Самым что ни на есть настоящим королем. Любви он не ведал, вы правы.

— Вы поэтому так противитесь своей судьбе? Не хотите быть похожей на отца?

Я замерла, не донеся до рта яблоко, и в изумлении уставилась на Рока. Признаться, прежде мне такая

мысль не приходила в голову, но было в ней что-то, заставляющее мое сердце биться громко и тревожно.

— Возможно... — неуверенно ответила я, все еще обдумывая слова Рока.

Он подался ко мне. Его губы оказались возле моих губ — слишком близко, чтобы я смогла уловить смысл шепота, бархатистого и ласкающего, как солнце в пасмурный день.

— Вы никогда не будете такой, как он, Кара. Вы гораздо смелее и умнее. Поверьте мне.

Я слготнула. Рок смотрел мне в глаза, и я не могла отвести взгляд. Неожиданно крики птиц, шум деревьев, ветер, нежно касающийся лица, — все это отошло на задний план. Я видела и слышала только Рока. Его губы медленно приближались к моим.

Я не знаю, как поступила бы. Возможно, прикрыла глаза и позволила случиться неизбежному. Или чуть отклонилась бы, чтобы поцелуй пришелся в щеку. Душа трепетала, разум лихорадочно искал решение, но мне не пришлось делать выбор. Рок вдруг замер, его зрачки сузились, и он тряхнул головой, как будто скидывая с себя наваждение.

— Рок, — отчего-то робко позвала я.

— Тише, — ответил он, напряженно вслушиваясь. — Мы не одни.

Я в ужасе застыла на месте. Все предостережения, которыми напутствовал меня Вар, тут же всплыли в памяти. Я похолодела.

Рок приложил палец к губам, призывая меня к молчанию. Он мог бы этого и не делать, потому что от страха я была не в силах вымолвить ни слова.

Дав мне знак оставаться на месте, Рок с ловкостью кошки поднялся с земли и бесшумно исчез среди деревьев. Отсутствовал он недолго. Но эти минуты показались мне вечностью. К тому моменту, как муж вернулся, у меня взмокли ладони, а на лбу выступили капельки холодного пота.

Я с тревогой всмотрелась в лицо Рока. Оно было хмурым и, пожалуй, даже встревоженным. Сердце ухнуло куда-то в пятки, в висках застучали молоточки.

— Рок?

— Недалеко от нас обосновался небольшой отряд кирков. Пять человек, скорее всего, лазутчики. На лошадях, хорошо вооружены. Видимо, им тоже приглянулось это тихое место.

Ирония показалась мне неуместной, и я не смогла выдавить из себя улыбку.

— Что будем делать?

— Уходить. Думаю, нам удастся их обойти.

Рок обмотал копыта лошадей лоскутами, на которые пришлось пустить плед. Эта уловка должна была позволить передвигаться относительно бесшумно. Мы взяли лошадей под уздцы и осторожно двинулись на северо-восток. Я то и дело оглядывалась. Мне казалось, что в спины нам кто-то смотрит. Рок казался собранным и спокойным, только на лбу у него пролегла глубокая складка.

Чем дольше мы шли, тем отчетливее становился шум воды.

Я поняла, что не ошиблась, когда мы выбрались на берег реки, укрытый от посторонних глаз высокими деревьями с набухающими почками. Рок подвел

нас к переправе — дорожке булыжников, выложенной посреди русла. Присмотревшись к прозрачной воде, белой пеной оседающей на камнях, я с опаской глянула влево — туда, куда, ведомая быстрым потоком, унеслась одинокая ветка без единого листочка. Где-то там, далеко, слышался странный и неизвестный мне гул.

— Придется переходить здесь, — сказал Рок, настороженно поглядывая по сторонам. — Место небезопасное, но нам нужно на тот берег, а единственная переправа на долгие мили вокруг. Река лишь кажется неглубокой, — поймав мой сомневающийся взгляд, пояснил Рок. — Здесь очень сильное течение. Вброд вы ее не перейдете.

Я снова посмотрела назад. Лес казался притихшим и каким-то напряженным.

— Я не заметил, чтобы за нами кто-то шел, Кара. Не волнуйтесь. Берег скрыт деревьями и густым кустарником, нас не должны увидеть. Мы быстро окажемся на той стороне и исчезнем, никем не замеченные.

— Хорошо, — согласилась я охрипшим голосом.

Все шло гладко. Мы осторожно ступали по камням, ведя за собой лошадей. Стارаясь не поскользнуться, я смотрела себе под ноги, но изредка поднимала взгляд, оценивающе обегая им лес, ощерившийся в нашу сторону голыми ветками. Все было тихо, и в какой-то момент я расслабилась. Рок уже шагнул на противоположный берег, я же замешкалась, вынужденная одной рукой придерживать подол платья, а другой — поводья коня.

Все случилось слишком быстро, я едва ли успела что-то понять.

Мимо моего уха пронеслась стрела. Я как раз чуть наклонилась, подхватывая подол получше, поэтому остро заточенное древко просвистело совсем рядом, но не задело меня. Конь, до этого послушно шагающий за мной, громко заржал и встал на дыбы. Рок закричал:

— Осторожно!

Его слова потонули в моем собственном крике. Я, отброшенная испуганным конем, полетела в реку. Мелкой она была лишь на импровизированном каменном мосту, видимо специально созданном человеком. А вот немного дальше, там, где очутилась я, было глубоко. Течение оказалось неожиданно сильным, и я забила руками по воде, пытаясь выбраться к берегу. Воздух над моей головой пронзило сразу несколько стрел.

— Ныряйте!

Голос Рока перекрывало ржание его коня. Я краем глаза успела заметить, что до мужа стрелы не долетают, вспарывая реку и отскакивая от камней. А затем меня накрыла темнота.

Я не умела плавать. Девочек, а тем более дочерей короля этому не учили. Проваливаясь в темноту, захлебываясь водой и ужасом, путаясь в длинной юбке, которая могла стать для меня погребальным саваном, я бессмысленно молотила руками, то уходя с головой, то оказываясь на поверхности. Все смешалось: верх и низ, берег и река. Я думала только об одном — о резкой боли, огнем полыхающей в груди.

Мне удалось на мгновение вынырнуть из потока, и я, сделав жадный глоток, увидела, как Рок бросился в реку. В следующий момент вода снова накрыла меня. Я сопротивлялась ее течению, но оно оказалось сильнее. Так было до тех пор, пока кто-то не ухватил меня за руку и не потянул наверх. Я скорее почувствовала, чем увидела Рока. И все же сила потока победила. Пальцы Рока соскользнули с моей руки, и меня вновь понесло. Гул, на который я обратила внимание на переправе, приближался. Я посмотрела на Рока, которому до берега оставалось доплыть совсем немного, и оглянулась. Крик замер в глотке. За моей спиной шумел водопад. К его обрыву я приближалась так быстро, что уже ничего нельзя было изменить. В отчаянии я еще сильнее забила руками и ногами, пытаясь хотя бы ненадолго отсрочить неизбежное. Я услышала мужской крик, перевела замутненный взгляд в сторону Рока. Он, развернувшись, плыл в обратном направлении от берега. Муж двигался ко мне.

«Сумасшедший!» — подумала я.

Вода вновь поглотила меня. В этот раз я была даже рада ее мутной мгле. Она не так пугала, как падение с огромной высоты. Мои пальцы сжала чья-то ладонь.

«Рок!» — поняла я.

И вцепилась в него. Поток завертел нас в последний раз, а затем выплюнул наружу. Никогда не забуду это мгновение. Я летела вниз, в пропасть. Ветер бил в лицо, прямо в сощуренные глаза, от страха невозможно было сделать ни вдоха, длинный подол и широкие рукава

платья трепыхались в воздухе, как крылья у птицы. Моя ладонь по-прежнему была в руке Рока.

Я не помню удара. Только пронзительную боль, исчезнувшую почти мгновенно. Я провалилась даже не в темноту, а куда-то дальше, за ее грань. Туда, где, видимо, меня пока не ждали.

Я очнулась, когда солнце уже клонилось к закату. Распахнула глаза и поняла, что меня выбросило на каменистый берег. Здесь, внизу, водопад образовывал небольшое озеро с кристально прозрачной водой. Я посмотрела в темнеющее небо и попыталась выдохнуть сквозь стиснутые зубы. Грудь снова обожгла болью. Сил на крик не было. Я не поняла, что плачу, пока губ не коснулась соленая капля. Это отрезвило. Закусив губу так, что рот наполнился солоноватым привкусом крови, я призвала на помощь всю свою выдержку. Вновь закрыв глаза, увидела мир другим зрением, доступным лишь мне. Я впервые рассматривала себя, и мне не нравилось то, что я видела. Большинство нитей жизни почернели, будто опаленные огнем, и готовы были осыпаться пеплом. Они держались лишь каким-то чудом.

Я впилась зубами в губу еще сильнее. Тело взрывалось болью, и она ослепляла. Никогда еще мне не приходилось лечить себя, поминутно погружаясь в обморок. Меня затягивала темнота, но я упрямо боролась с ней. Одну за другой медленно склеивала нити, соеди-

няла их, вдыхала в них жизнь. Я не знаю, сколько времени провела, распластавшись на камнях, но когда снова распахнула глаза, на небе уже зажигались первые звезды. Мои ноги лежали в воде, и я осторожно подтянула их к себе, прислушиваясь к ощущениям.

Ничего. Боли не было.

Я с облегчением выдохнула и протерла лицо ладонью, смахивая с него мелкие камушки и ракушки. Теперь, когда опасность миновала, я могла соображать трезво. И первой же моей мыслью было: «Рок!»

Я неуверенно встала и с тревогой посмотрела по сторонам, оглядывая каждый куст в этой низине.

Я увидела мужа почти сразу. Он лежал на животе, в десятке шагов от меня, и не двигался.

— Рок! — закричала я и кинулась к нему.

Упав на колени, я затрясла его за плечи. Он не отвечал и, казалось, не дышал. На меня накатила такая паника, что мне пришлось ударить себя по щеке, чтобы хоть немного успокоиться.

— Нет-нет-нет, — бормотала я, вспоминая слова Кармы. — Только не Рок!

«Вдох-выдох, Кара! Вдох-выдох!»

Я дрожащей рукой обхватила запястье Рока. Затаив дыхание, стала ждать. Удар, еще удар. Сердцебиение хоть и слабое, но было. Я прикрыла глаза, вознося благодарность предку-льву, а затем, путаясь в юбке и падая на острые камни и мокрую землю, с трудом выволокла Рока из воды. Устроила его голову у себя на коленях, чтобы легче было почувствовать нити, и положила ладонь ему на лоб, невольно пропустив через пальцы несколько черных прядок. Мне показа-

лось, что Рок ненадолго открыл глаза, но я не могла сказать об этом уверенно. Я уже была не здесь.

Року досталось сильнее, чем мне. От его нитей жизни мало что уцелело. Наверное, раньше бы я отступила, отдавая богам их жертву, но не сейчас. И уж точно не Рока.

Я вновь шагнула в темноту, где пульсировали и горели алым те немногие нити, что еще остались.

Когда я пришла в себя, на небо уже поднялась луна. Ее желтоватый свет пронзил темноту и играл причудливыми бликами на глади воды. Чаша озера, окаймленная густым лесом, напоминала волшебный пейзаж с картины. Тишину разбавлял мерный гул водопада. Его брызги не долетали до меня, но мне казалось, что я чувствую холодные капли на коже. Ночь выдалась промозглой и ветреной, и меня мгновенно охватил озноб.

Я приподняла голову с груди Рока. Даже не помнила, как упала на нее. Видимо, я истратила слишком много сил и не поняла, как провалилась в забытье. До сих пор меня подташнивало и штормило.

— Рок, — позвала я и потрясла его за плечо. — Очнитесь!

Он молчал, и я бы запаниковала, но его ровное дыхание говорило о том, что Рок спит глубоким крепким сном. Я снова на миг переключилась на иное зрение, чтобы убедиться: все его нити жизни надежно скреплены. Некоторые из них были порваны так силь-

но, что мне не удалось восстановить их полностью. На этих местах я завязала узелки. Я делала так лишь однажды: на поединке Света. Тогда это не помогло брату выжить... Но с Роком все получилось иначе. Я верила, что узелки будут держаться крепко. В этот раз у меня хватило сил, чтобы выстоять в бою со Смертью.

Мне пришлось дорого за это заплатить, но ничего. Оно того стоило.

Я провела рукой по серебряным прядкам в своих волосах, не представляя, сколько лет отдала за жизнь Рока. Лишь видела, что часть моего узора теперь связана с его. Мои нити закрывают прорехи его рисунка судьбы.

Пошатываясь, я встала и огляделась. Всюду, куда падал взор, меня встречал сумрак. Где-то вдалеке завыл волк. Я в ужасе обхватила себя за плечи. Дрожь прошла по телу, но вызвана она холодом или страхом, я не могла сказать наверняка.

Я вновь посмотрела на лежащего без чувств на земле Рока и собралась с духом. Надо было искать укрытие.

Мои поиски увенчались успехом почти сразу. В паре десятков шагов от водопада зияли пещеры. В них можно было укрыться хотя бы от ветра.

Я так и не смогла добудиться Рока, и его состояние начало меня тревожить. Пообещав себе подумать об этом немного позже, я ухватила мужа за сапоги и потянула на себя. Тащить Рока оказалось крайне сложно. Даже на такое небольшое расстояние.

Я много раз останавливалась, чтобы утереть пот со лба и перевести дыхание. Рок лишь выглядел худым.

Для меня, хрупкой девушки, сдвинуть его тело с места было непросто. Наверное, лишь чистое упрямство позволило приволочь Рока в узкую пещеру.

Едва решив одну задачу, я принялась за другую. Отходить далеко, да еще и ночью я опасалась, поэтому набрала совсем немного веток, но и их должно было хватить для костра.

Стуча зубами от холода, я сгребла хворост в кучу возле входа в пещеру и застыла, с отчаянием смотря на результат своих трудов. Огнива у меня не было.

— Значит, мне это не привиделось.

Я обернулась. Рок приподнялся на локтях и смотрел на меня. Его длинные черные волосы рассыпались по плечам, и несколько прядей упали на лицо.

— Слава предкам, вы живы! — с облегчением воскликнула я и тут же непонимающе спросила: — Что вам не привиделось, Рок?

— Богиня с гривой белых волос, которая склонилась надо мной и не позволяла утянуть меня за ту грань, откуда уже не возвращаются.

Мои щеки запылали. Я не нашлась с ответом и вместо этого глупо уставилась на криво собранную охапку, которой так и не суждено было стать костром. Я с досадой представила, как тепло огня касается кожи и заставляет расслабленно выдохнуть, и едва сдержала себя, чтобы не пнуть какую-нибудь ветку. Сейчас, когда опасность миновала, но еще не прошла слабость после использования дара, мне хотелось плакать. Я не могла себе этого позволить, и эмоции искали выхода, но не находили.

— Что с вашими волосами, Кара? Откуда в них седые пряди?

Я усмехнулась, но промолчала. Не хотела пугать Рока.

— Это неважно.

— Важно.

Рок оказался рядом. Его рука с трепетом коснулась моих волос, и я замерла.

— Это цена моей жизни?

— Не так уж и высока, как я думала.

Я хотела произнести это иронично, но получилось с вызовом. Пальцы Рока, путающиеся в моих прядях, дрогнули. Он прерывисто выдохнул, попытался что-то сказать, но обронил явно не то, что хотел:

— Я помогу развести огонь.

Я с тревогой наблюдала за его движениями, ища в них отблески пережитого кошмара, но ничего не уви-дела. Рок выглядел сильным и уверенным, как и обыч-но. Это успокоило меня. О сделанных мною узелках на его нитях жизни я постаралась не думать.

Рок подошел к скромной охапке хвороста и достал из кармана огниво. Я удивленно приподняла брови.

— Ваша предусмотрительность иногда меня пугает, — призналась я.

— Только иногда? — переспросил он с кривой улыбкой.

Вопрос был задан в ироничном тоне, но мне пока-залось, что за ним скрывалось что-то более глубокое.

— Да, — сказала я. — Иногда.

Рок присел на корточки. Послышались щелчки огнива, а затем сумрак пещеры, озаряемый лишь све-

том полной луны, вспыхнул брызгами искр и отступил перед лениво занявшимся костром.

Я рассмеялась — обрадованно и устало — и без сил села рядом с огнем, прямо на холодную землю. Порванная и изрядно потрепанная юбка так и не успела толком высохнуть, и я, покосившись на Рока, чуть подняла ее, выставляя обнаженные ноги поближе к долгожданному теплу. Признаться, мысль о правилах приличия ненадолго заглянула ко мне в голову, но была с позором придавлена другими, гораздо более насущными вещами — желанием согреться.

Рок какое-то время молча смотрел на меня, а затем мягко опустился рядом. Он скинул с себя плащ с оторванным рукавом и приблизил руки к огню.

— Я благодарен вам, Кара, — после паузы сказал муж.

Я вздрогнула и перевела взгляд с отблесков пламени на сводах пещеры на Рока. Он смотрел серьезно и немного выжидающе. На его лице играли блики костра, но мне показалось, что муж волнуется. Это было непривычно.

Я хотела сказать, что ему не за что меня благодарить, но неожиданно передумала. Куснула губу, охнула (ранка на ней еще не затянулась) и выпалила совершенно неожиданно для себя самый странный вопрос, который можно было задать в этой ситуации:

— Почему отец дал вам имя «Рок»?

Его тоже застало врасплох мое любопытство. Он задумчиво отклонился назад и оперся ладонями о землю. Помолчал, подтянула ногу к груди и, устремив отрешенный взгляд на огонь, медленно заговорил, словно вспоминая то, что хотел бы забыть.

— Как вы знаете, Кара, мой клан живет вблизи Восточного моря и верно охраняет границы нашего королевства. Тогда, еще до моего рождения, двадцать один год назад, мирный договор с даркнайцами еще не был подписан и периодически случались военные стычки. Один из набегов даркнайцев оказался настолько внезапным, что никто не успел подготовиться. Мою семью всегда надежно прятали, но в тот раз что-то пошло не так.

Рок замолчал. Я, затаив дыхание, слушала его рассказ и следила за напряженным лицом мужа. Я понимала, что ему тяжело говорить об этом, но мне почему-то очень хотелось узнать правду о его семье.

Рок продолжил, его голос звучал хрипло и приглушенно:

— Говорят, воины оставляют после себя выжженные деревни. Это так, но чаще они оставляют кое-что еще.

— Что? — тихо спросила я.

— Беременных женщин, Кара, — равнодушно ответил Рок, и я вздрогнула. — На плечи моей матери лег позор этого бремени. Отец мог бы отказаться от нее, но слишком любил. Изначально они хотели отдать кому-нибудь ребенка, но чем больше был срок, тем сильнее становилась привязанность матери. В конце концов она взяла с отца обещание заботиться обо мне, пусть не как о сыне, но как об одном из родственников.

Мне хотелось зажать рот ладонью, но я не двигалась. Заледенев, слушала исповедь Рока и пыталась унять рвущееся из груди сердце, такое же одинокое, как и у него.

— Ваша мать — прекрасная женщина, — прошептала я.

— Да, — согласился Рок и добавил: — Была. Она умерла в родах.

Меня будто ударили ножом. Я внутренне съежилась, проживая боль Рока как собственную.

— Мне очень жаль. — Я не смогла заставить себя посмотреть ему в глаза.

— Отец был вне себя от горя, — продолжил Рок. — Он бы сбросил меня с утеса, как когда-то, несколько поколений назад, делали с ненужными детьми, но слово, данное моей матери, удерживало его от этого поступка. Он оставил меня в семье и даже дал свое имя, признав сыном. Тайну моего рождения знают немногие, но и те помалкивают из уважения к моему отцу.

— Рок...

В горле застрял мокрый ком. Я жалела, что начала этот разговор. На ощупь найдя ладонь Рока, я обхватила ее и сжала.

— Каждый раз, Кара, когда отец смотрит на меня... — Рок обернулся ко мне. Его красные глаза остались сухими. В них сотней отблесков сверкала боль. — Каждый, предки его дери, раз он думает, что лучше бы я, щенок, умер еще тогда, при родах. И знаете, иногда я думаю, что он прав...

— Рок! — Я порывисто прижалась к его ладони к своей щеке. — Не говорите так!

— Почему? Кому стало лучше оттого, что я живу?

— Мне! — яростно выкрикнула я. — Если бы не вы, я...

Рок посмотрел на меня с затаенной надеждой. Он выглядел таким открытым, таким потерянным и таким близким, что я... испугалась. И не смогла закончить начатую фразу.

— Что, Кара? — тихо спросил он.

— Я бы погибла на костре, — сорвавшимся голосом проговорила я совсем не то, что имела в виду на самом деле.

Лицо Рока дрогнуло. Он быстро опустил взгляд, будто смотреть на меня ему стало больно, и осторожно высвободил свою ладонь из моего захвата.

— Да, наверное, — спокойно согласился Рок.

Я кусала губы. Мне стоило сделать последний шаг, но какой-то непонятный страх останавливал меня. Признание никак не срывалось с губ, будто оно могло толкнуть меня в пропасть, заставить прыгнуть с вершины водопада.

Водопад...

— Почему вы бросились за мной в реку?

Я смотрела прямо и вынудила Рока тоже взглянуть мне в лицо.

— Кара, — обреченно вздохнул он, — я бы последовал за вами даже за ту грань. Неужели вы этого еще не поняли?

Все решили эти слова. Сомнений больше не осталось. Я потянулась к Року, и мои губы нашли его.

На доли секунды он замер, словно сомневаясь в реальности происходящего, а затем его рука легла мне на шею, притягивая к себе еще ближе. Растворяясь в поцелуе, я почти потеряла себя, но одна мысль заставила ненадолго очнуться. Отстранившись от Рока,

я положила руку ему на грудь и с какой-то женской мстительностью напомнила, глядя в его затуманенные желанием глаза:

— Вы же говорили, что вам не нужно мое тело.

Рок усмехнулся, не отводя взгляда, вновь привлек меня к себе и выдохнул прямо в губы:

— Я хорошо умею лгать, Кара.

Время остановилось, а затем понеслось с ужасающей скоростью. Ночь взорвалась россыпью жемчужных звезд в полуприкрытых глазах, и мир вдруг сузился до нас двоих — до двух потерянных людей, которые наконец-то обрели то, в чем отчаянно нуждались.

Рок целует мягко, почти осторожно. Его губы скользят вниз по моей коже, язык влажно обводит впадину внизу шеи, и я на мгновение забываю, как дышать.

Пальцы Рока путаются в моих волосах, ложатся мне на затылок, губы возвращаются к моим губам. У меня вырывается приглушенный стон, тонущий в новом поцелуе, уже жадном и требовательном. Ладонь Рока чуть надавливает мне на затылок, заставляя открываться сильнее. Язык проникает мне в рот глубже, поглощая и дразня мой собственный. Ноющий низ живота взрывается фейерверком ярких чувств. Мир будто приглушает краски, его затягивает дымка, все становится неважным. Имеет значение только ладонь Рока, скользящая по моей обнаженной ноге от лодыжки до самого бедра.

Я рвано выдыхаю, когда его пальцы сначала осторожно поглаживают плоть, а затем сминают. В легких не хватает воздуха, я откидываю голову назад, чтобы сделать жадный глоток, но вновь оказываюсь в пленау губ Рока.

Он тянет меня на себя, резко, почти грубо, и усаживает на колени. Словно прося прощения за свою прямоту, целует нежно, чуть прикусывая нижнюю губу. Его рука скользит по моей шее сзади, спускается к лопаткам. Корсет под натиском нетерпеливых длинных пальцев трещит по швам. Жесткая ткань летит вниз. Освобожденная грудь вздымается под тонкой сорочкой часто-часто.

Рок замирает. Он отстраняется и опускает полыхающий страстью взгляд с моего лица все ниже и ниже. Медленно ведет его, пока не останавливает на моей груди, в которой сердце бьется так громко, что я не слышу ничего, кроме его оглушающих ударов.

Рок вновь поднимает глаза. В отблесках костра они кажутся темными. Его зрачки чуть расширяются.

— Ты такая красивая, Кара.

Теплая волна поднимается с самого низа живота и прокатывается по всему телу.

— Благода...

Глупая и ненужная фраза обрывается судорожным всхлипом, когда Рок накрывает мою грудь губами поверх тонкой ткани сорочки. Он мягко прикусывает кожу, и разум затуманивается окончательно.

В ушах стоит звон, который немного притихает, когда Рок целует мочку и касается языком чувствительного места за ушком.

— Кара, богами заклинаю, молчи. Ты говорила слишком много и долго.

Я не спорю. Прикрываю глаза, выгибаю спину и молча молю коснуться меня еще раз. Он целует мое плечо, выводя на нем языком какой-то знак, зубами тянет вниз распахнутый ворот рубашки.

Обнаженной кожи касается сначала холодный воздух, а затем — теплые губы Рока.

Я вскрикиваю и тянусь к нему. Вслепую шарю по его груди руками, суматошно и неумело. Внутри полыхает пламя и требует его унять, но я плохо понимаю, как это сделать. Оглушенная эмоциями, будто ножом взрезающими мою душу, я невольно свожу ноги, ожидая чего-то большего.

Рок низко стонет мне в рот, когда я, путаясь в пуговицах, тяну его рубашку вниз. Ничего не выходит, и он сам одним рывком стаскивает ее через голову.

Затуманенным взглядом я смотрю на его потемневшее от страсти лицо и опускаю глаза ниже. Его плечи притягивают меня, словно арканом, и я касаюсь кожи губами. Она кажется плотнее моей, и это возбуждает еще сильнее. Повторяя его поцелуй, иногда похожие на укусы, я будто ставлю клеймо на теле Рока. Он почти рычит, когда я касаюсь губами низа его живота.

— Кара... — громко выдыхает Рок.

Он нетерпеливо, почти яростно избавляет меня от остатков платья.

Юбка рвется под его напором, и я остаюсь в полуспущенной тонкой сорочке перед одетым мужчиной. Эта разница вновь вызывает жар, горячими иголками прокатившийся по телу.

— Кара...

Его пальцы собирают мои волосы в кулак и тянут на себя, чтобы затем резко отпустить. Пряди мягкой волной разлетаются по обнаженной спине, и я чувствую себя еще более раздетой, чем прежде. Всхлипываю, как котенок, тычусь в лицо Рока, ища его губы. Жар становится все нетерпимее.

— Кара...

Его рука пробирается между моих ног. Пальцы Рока ненадолго замирают, а затем движутся дальше — к точке, от которой желание расходится по всему телу волнами страсти. Той сжигающей все на своем пути страсти, что прежде была мне не знакома.

Пульсирующий жар внутри взрывается. Я уже почти скуюю, не понимая, как унять сладкую томную боль, и, уткнувшись в шею Рока, приподнимаюсь на его коленях, а затем резко опускаюсь, чуть потервшись об него.

— Кара!

В этот раз Рок выдыхает мое имя, как проклятие, но я этому рада. Чувствую, что должна что-то предпринять, иначе просто умру.

— Я не хочу торопиться, — шепчет мне Рок, снова целуя.

Негодование во мне закипает огненной лавой, и я в наказание прикусываю его язык.

Разум, та часть, которая еще способна соображать, подсказывает, что пора действовать самой.

Я тяну за ремень на брюках Рока и дерзко расстегиваю пуговицы. Муж шипит, пытается что-то сказать, но вместо этого низко стонет.

— Кара, подожди...

Я ненадолго замираю, не уверенная, что делать дальше. С Ником мы не заходили так далеко. Подруг или старших сестер, которые могли бы рассказать о том, как вести себя с мужчиной, у меня не было. Конечно, я слышала перешептывания слуг на кухне. Видела, как разгоряченный жеребец нагоняет в поле кобылку и все то, что затем происходит. Но чужие слова и смазанные краски подсмотренных прежде образов казались чем-то ненастоящим, бесконечным далеким от того, что сейчас огненной цепью приковывало меня к Року. То, что выворачивало душу, выжигало ее дотла тем пламенем, в котором сгорало все: и важное, и неважное.

— Покажи мне, — тихо прошу я, целуя Рока быстро и жадно.

Он трясет головой, а затем накрывает мою руку своей и ведет ее. С его губ срывается низкий протяжный стон. Это пьянит лучше вина, и я ненадолго забываю о собственных чувствах, полностью концентрируясь на прерывистом дыхании Рока. Я быстро понимаю, что к чему, но он не дает мне продолжить. Он прижимает меня спиной к стене, мой затылок утыкается в его раскрытую ладонь, смягчающую удар. Наши взгляды встречаются. В глазах Рока танцует настоящее пламя, готовое снести, уничтожить и покорить все на своем пути. Мы оба на мгновение замираем. Напряжение достигает пика, дыхание становится частым и шумным. Перед глазами все расплывается, сжимается и, кажется, вот-вот взорвется.

— Рок, пожалуйста...

Я сама не понимаю, о чем прошу.

— Не хочу сделать тебе больно.

На виске Рока быстро-быстро бьется венка. Он будто сдерживается из последних сил.

— Не сделаешь, — обещаю я.

Он торопливо и лихорадочно избавляется от остатков одежды. Бросает куда-то в угол пещеры сапоги (мои давно канули где-то в озере) и опускается спиной на пол пещеры, сажая меня сверху.

— Слишком холодная земля, — рвано выдыхает Рок, угадывая мой молчаливый вопрос.

Я наклоняюсь к нему, ловлю губами его губы. Мои волосы, словно завеса, закрывают нас. Поцелуй, еще один и еще. Я нетерпеливо ерзаю на Роке, и он приподнимает меня, а затем, задержав ненадолго в воздухе, словно колеблясь, резко опускает на себя.

Боль затухает почти сразу. На ее место приходит желание, еще более острое, чем прежде.

— Кара? — неуверенно спрашивает Рок, заглядывая мне в глаза.

На его руках вздулись вены, он тяжело и быстро дышит.

— Все хорошо, — шепчу я и снова тянусь к нему.

Я опускаюсь, затем поднимаюсь, двигаюсь в такт движениям Рока. Пещеру с гулким эхом заполняют громкие стоны — мои и его. Внутри меня нарастает напряжение, оно сжимается, распрямляется и снова сжимается. В какой-то момент мне кажется, что я сейчас умру, настолько невыносимо острыми становятся все чувства, и тогда я словно вновь прыгаю с обрыва. На мгновение все внутри замирает, ухает куда-то вниз, а затем взрывается жидким огнем, бежит по венам,

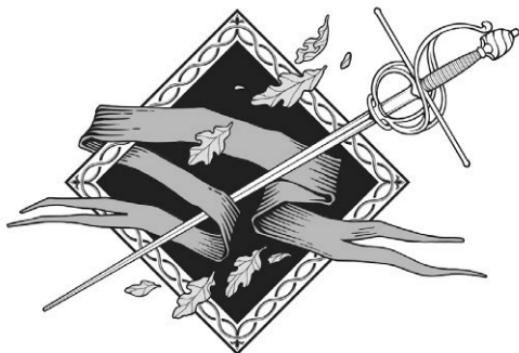

заставляя меня содрогаться. Накатывает блаженная усталость и какая-то опустошенность, отдающая упоением. Я чувствую, как Рок дергается, рычит и тоже затихает, притягивая меня к себе.

Моя голова лежит на груди мужа. Волосы укрывают нас обоих. Он пропускает пряди сквозь пальцы, касается моего виска губами и снова шепчет:

— Кара...

Я прижимаюсь к нему, глупо улыбаюсь и молча целую в губы.

Глава 13

*В некоторых партиях следует помнить,
что для успеха игроку лучше отогнать короля
не только на край доски, но и в угол.*

Первые солнечные лучи робко, а затем все смелее за- скользили по молодой траве и каменистой земле. В умиротворенную тишину, наполненную гулом водопада, отчетливо вплетались птичьи трели. Ночь неохотно отступала, унося с собой все волнения предыдущего дня. Их место занимали новые тревоги.

Я осторожно выбралась из объятий Рока и, ступая на цыпочках, подошла к проему пещеры. Втянула носом свежий утренний воздух и блаженно прикрыла глаза. Стоило это сделать, как приятные воспоминания о прошедшей ночи закружились в голове. Уши загорелись огнем, а губы растянулись в глупой, как я подозревала, улыбке.

— Доброе утро, Кара.

Я подскочила от неожиданности, но не успела обернуться. Рок обнял меня со спины и положил подбородок мне на макушку. Я обхватила его руку своей и прижалась к нему еще крепче.

— Доброе, Рок. — Я помолчала, ловя эти краткие мгновения спокойствия и всецело наслаждаясь ими, а затем, вздохнув, неохотно продолжила: — Что мы будем делать дальше?

Я почувствовала, как Рок слегка пожал плечами.

— Будем двигаться дальше, Кара. — Его слова определенно имели двойственный смысл. Наверное, поэтому он сделал паузу и только потом заговорил вновь: — Мы немного сбились с пути, но легко вернемся на нужную тропу. Поселение одаренных примерно в трех часах езды на лошади отсюда. Конечно, пешком получится дольше.

— Сможешь провести нас?

Я знала ответ еще задолго до того, как задала вопрос.

— Конечно, — усмехнулся Рок и кратко коснулся губами моей макушки. — Тебе не о чем волноваться.

«Разве что о своем ужасающем внешнем виде», — мрачно подумала я много времени спустя.

Я действительно выглядела кошмарно. Порванное платье, босые ноги, обмотанные какими-то лоскутами, чтобы легче было идти, неприбранные волосы, спутанными прядями рассыпанные по плечам, — самая бедная крестьянка на моем фоне смотрелась бы сейчас

королевой. С трудом верилось, что одаренные не захлопнут дверь при виде меня.

К слову, Рок выглядел разве что немногим лучше, и это утешало. Впрочем, даже в такой ситуации он умудрился получить преимущество. Я не без зависти посмотрела на него, быстро и уверенно вышагивающего чуть впереди в кожаных сапогах, чудом уцелевших после падения с водопада, и с недовольством покосилась на грязные тряпки у себя на ногах.

Солнце стояло высоко в зените. Его неожиданно жаркие лучи заставляли останавливаться и смахивать пот со лба. Страшно хотелось пить. Спина тоже покрылась липкими маленькими каплями, но с этим я уже ничего не могла поделать. Рок выбрал быстрый темп, и я старалась не отставать. Несмотря на усталость, мне не приходило в голову пожаловаться. Я понимала, что чем быстрее мы доберемся до цели, тем лучше. Лес — не место для прогулки, и неожиданное нападение лишь убедило меня в этом.

Я споткнулась о какую-то ветку и с тихим ругательством, совершенно недостойным королевы, растянулась на земле. Рок тут же оказался рядом и подал руку, помогая встать. Больше он ее не отпускал. Твердость, с которой муж обхватил мою ладонь своей, и теплота его кожи вновь заставили вспыхнуть. Я отвела взгляд и постаралась не улыбаться так откровенно.

Именно в тот момент, когда мне показалось, что еще чуть-чуть и, несмотря на поддержку Рока, я все же упаду без сил, деревья отступили. За ними раскинулся еще не полностью поросший травой небольшой луг, вплотную подходящий к горам. Среди всех вершин

выделялась одна, с заостренными краями, издалека похожая на пасть зверя. О ней говорила Карма — о скале Воющего Пса.

— Мы на месте, — пересохшими от волнения губами выдохнула я.

— Смотря что вы ищете! — насмешливо раздалось совсем рядом.

Мы с Роком обернулись одновременно. Он толкнул меня себе за спину, и я не стала спорить. Выглянув из-за его плеча, увидела, что в десятке шагов от нас двое — взрослый мужчина, намного старше Рока, и парень, еще совсем мальчишка, которому, судя по его виду, едва-едва минуло четырнадцать. В руках оба держали обнаженные мечи, за спинами висели луки.

— Мы ищем поселение людей, наделенных даром, — ровно сказал Рок.

— Зачем же?

Разговор принимал опасный оборот. В интонациях незнакомца слышалось недоверие, рука сжимала меч все сильнее.

— Меня зовут Кара, — тихо сказала я, выступая вперед. — Я — королева Тринадцати кланов. Мне нужно поговорить с вашим предводителем.

Повисла секундная пауза, а затем окраина леса потонула в оглушительном хохоте. Даже у Рока чуть дернулся уголок губ. Я ожидала такой реакции, но все равно досадливо поморщилась.

— А я — главный советник короля кирков. Сойдет? — Мужчина отвесил шутливый поклон, мальчишка рядом давился смехом.

— Мне все равно, кто вы, — с достоинством ответила я, невольно выпрямляя спину. Представляю, как выглядела в тот момент: уставшая, мрачная, в каких-то лохмотьях вместо одежды, но с высоко поднятой головой и горделивой осанкой. Наверное, зрелище странное, но именно оно заставило незнакомцев посмотреть на меня чуть внимательнее. — Главное, кто я. И я вам уже представилась.

Смех стих. Мужчина, по-прежнему не опуская оружие, взглянул мне в лицо. Наши глаза встретились. По телу пробежала уже знакомая дрожь волнения — первый признак того, что передо мной стоит человек с даром.

Видимо, это почувствовала не я одна. Мужчина моргнул и медленно убрал меч в ножны.

— Во всяком случае, вы из наших. А там хоть королевой назовитесь, хоть принцессой — мне дела нет, — буркнул он и, пройдя мимо нас, оказался на лугу.

— Так вы проведете нас в поселение? — спросил Рок ему в спину.

Тот обернулся и широко улыбнулся:

— А как иначе? Давайте не отставайте, пусть с вами Рад разбирается. Он любит эту головную боль.

Мужчина засунул в рот сорванную травинку, подмигнул и двинулся к высившимся впереди горам. Лук ритмично подпрыгивал на его спине.

До этого молчавший мальчишка с любопытством оглядел нас с головы до ног и выдал:

— Ну и вид у вас, конечно! Вас волки, что ль, грызли да выплюнули, не дожевав?

Не дожидаясь ответа, он рванул вслед за своим наставником. Тот потрепал его по голове и сказал что-то, указывая на скалу. Оба рассмеялись.

Мы с Роком молча переглянулись и последовали за своими провожатыми.

Поселение одаренных оказалось немногочисленным и скорее походило на небольшую деревеньку, чем на город. Низенькие, местами покосившиеся домики были надежно укрыты от посторонних глаз и сильных ветров полукругом скал. Из тонких печных труб вился легкий дымок. Двориков и заборов не было. Мохрая одежда висела на улице, под ней гуляли худые и мрачные куры. Одна из них почему-то долго шла за мной и вертела головой, поглядывая на меня то одним глазом, то другим. Я попыталась отвязаться от нее, но получила лишь грозное «ко!» в ответ.

— Это животное что-то от меня хочет, — сказала я Року, опасливо кивая на пернатого преследователя.

— Вы ей просто понравились, — заверил он меня и спугнул птицу. Та обиженно удалилась, гордо виляя куцым хвостом.

В нашу сторону поглядывали с любопытством, но вопросов не задавали. Впрочем, тревоги я не ощутила. Пару раз ловила в свой адрес улыбки. Женщина, развесивающая белье, помахала мне рукой. Я неуверенно ответила на странное приветствие.

— Да ладно вам, чего нахохлились? — спросил мальчишка, шагающий рядом. — Все здесь свои.

— Раз так, — перехватил инициативу Рок, — почему бы вам не представиться?

— Легко. Меня зовут Раздор, или просто Дор, а моего отца, — он кивнул в сторону нашего второго провожатого, идущего чуть впереди, — Один.

Имена так удивили меня, что я невольно нарушила все правила приличия.

— Почему? — вырвалось у меня.

Дор вздохнул.

— Во мне дар рано проснулся... С первым моим криком, если уж начистоту. Только я родился, еще обтереть не успели, а в доме пожар вспыхнул. Его потушили, все живы остались, но мама посутила, что с таким даром я буду вечно нести раздор. Она сказала, а отец запомнил. Он к маме прислушивался, любил ее очень, — тихо добавил мальчишка и потряс белобрысой головой. — А у него такое имя, потому что первый сын. Дедушка шутить любил, всех сыновей пронумеровал. Смешно, да?

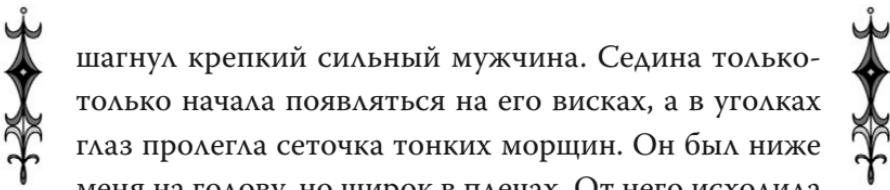
— Очень, — заверила я худого невысокого мальчишку.

Рок промолчал.

Мы пересекли деревню и вошли в дом, стоящий почти на самом ее краю. Жилище ничем не отличалось от других, тоже было небольшое и как будто неловко слепленное.

— Рад! — закричал Один, переступая порог. — У нас гости!

Я ожидала увидеть умудренного жизнью старца, но вместо этого к нам из проема двери, ведущей в спальню,

шагнул крепкий сильный мужчина. Седина только-только начала появляться на его висках, а в уголках глаз пролегла сеточка тонких морщин. Он был ниже меня на голову, но широк в плечах. От него исходила какая-то первозданная мощь, как это бывает у людей, тесно связанных с природой и живущих в гармонии с собой.

— Я уже знаю об этом. — Голос Рада был под стать его фигуре — густой и низкий. — Мог бы не вести их, как барашков на закланье, через весь поселок. Только ленивый не заглянул ко мне в окно и не крикнул, что у нас новенькие.

— Ну прости, — усмехнулся Один. — Я не хотел шума.

— Как же, не хотел. — Рад покачал головой, окинул нас с Роком долгим, пронизывающим, как зимний ветер, взглядом и кивнул в сторону комнаты. — Прошу.

Один махнул нам рукой и, поправив лук на спине, вышел на улицу к сыну. До нас донеслись их удаляющиеся с каждым шагом голоса.

Комната, представляющая собой подобие приемной, была скромно, даже скучно обставлена: добротный стол, тройка стульев, небольшая скамья и тяжелый сундук, задвинутый в самый угол. Все вещи простые, без изысков, но выглядели крепкими и надежными, под стать своему владельцу.

— Что привело вас к нам? — спросил Рад, занимая место за столом.

Я помолчала, ожидая приглашения присесть. Рок оказался более практичным: он отодвинул стул для

меня, тактично придерживая его за массивную спинку, а затем сам с кошачьей грацией опустился на соседний.

Я посмотрела на Рока, но он молчал, задумчиво изучая нашего собеседника сквозь полуопущенные ресницы. Не знаю, читал ли муж его мысли или просто наблюдал, желая сделать какие-то выводы, но я поняла одно: беседу придется вести мне. Рок, несмотря на его молчаливую поддержку, не собирался решать проблему за меня.

«Правильно. Кара, ты королева. Соберись!» — мысленно приказала я сама себе и натянуто улыбнулась.

— Я пришла, чтобы заключить соглашение, от которого выиграют и королевство Тринадцати кланов, и ваше поселение.

— Кто вы? — спросил Рад, резко подавшись вперед. Его светло-карие, почти желтые глаза впились в меня, ожидая ответа.

В комнате словно потянуло холодом. Мне стало не по себе, но я не позволила голосу дрогнуть:

— Меня зовут Кара. Я — королева Тринадцати кланов. Со мной мой муж, — я показала рукой в сторону Рока, — принц-консорт, Его Высочество Рок.

— Занятно, — пробормотал Рад и сложил руки на груди. В приемной снова потянуло холодком.

— Вы мне не верите, не так ли? — спокойно спросила я, едва сдерживаясь от желания закусить губу. Так глупо я не чувствовала себя уже давно.

— Почему же? — Рад чуть передернул широкими плечами. — Вы говорите правду, с этим не поспоришь.

— Вы умеете распознавать ложь? — Рок скорее утверждал, чем спрашивал. Он смотрел на Рада вдумчиво и будто оценивающе.

— Не самый впечатляющий дар, верно? — спросил Рад и улыбнулся, кратко и немного насмешливо. Только насмехался он не над нами — над собой. — Здесь, в поселении, есть люди с гораздо более интересными талантами, но именно мое умение позволяет нам избегать многих неприятностей. — Он помолчал, а потом добавил, поясняя: — Ячую ложь, у нее отвратительный запах. Я бы сказал жестче — вонь.

Я взирала на Рада в немом удивлении. Мне впервые довелось услышать о чем-то подобном. Рок кашлянул, Рад усмехнулся, и я встряхнула головой, приходя в себя.

— Значит, — произнесла я после паузы, — нам с вами будет намного проще договориться. Мне нечего скрывать.

— Возможно. — Рад потер указательным пальцем подбородок, покосился на Рока и вновь обратился ко мне: — Чего вы хотите, Ваше Величество?

— Поговорить с вашими людьми. — Мой голос стал резким, я наконец преодолела смущение и растерянность и вспомнила о своем статусе. — Я могу предложить им жизнь в столице. Хорошую, обеспеченную жизнь. Если вы их отпустите...

— Мы никого здесь не держим, — перебил меня Рад, нахмурившись.

— Не сомневаюсь в этом, — согласилась я. — Неудачно подобранные слово, не более. Так вот, я хочу дать вашим людям возможность выбора. Раньше они были незаслуженно лишены его.

— И какова же будет плата, Ваше Величество?

Я набрала в грудь воздуха и выпалила, словно вновь ухнув в пропасть:

— Служба в моей армии.

Я ожидала, что Рад возмутится или как-то еще бурно отреагирует. Он не производил впечатления человека, хорошо владеющего собой. Но Рад меня удивил. Он откинулся на спинку стула и пробормотал:

— Занятно, занятно... И зачем вам это, Ваше Величество?

Что-то мне подсказывало, что от моего ответа зависит сейчас все. Одно неверное слово — и нас с Роком попросят уйти, вежливо, но настойчиво. Мне безумно хотелось взглянуть на мужа, ощутить его поддержку, но я не отводила взгляда от Рада. Несколько вариантов ответа кружились в голове, но я выбрала самый непредсказуемый из них.

— Я хочу предотвратить войну.

Рад хмыкнул, словно ждал чего-то подобного. Его взгляд потух. Мне показалось, что Рок, сидящий слева от меня, расслабился.

— Это благородно, — чуть разочарованно ответил Рад, — но...

— Я не договорила, — ровно сказала я. — Мне также не по душе, что таких, как я, как вы, вынуждают становиться изгнаниками. Я должна это исправить. Люди с даром и без него смогут жить вместе.

Внезапно грянувший гром не произвел бы более сильного впечатления. Рад замер, обдумывая мои слова, на его лбу пролегла глубокая складка. Я покосилась

на Рока и, к своему удивлению, не смогла поймать его взгляд.

— Вы говорите правду, — медленно сказал Рад. — Ваши желания чисты и благородны.

— Благодарю, — с достоинством ответила я, — но меня интересует лишь одно. Поможете ли вы нам?

Рад с силой отодвинулся на стуле от стола и встал. Сделал несколько быстрых шагов по комнате, как гончая, пытающаяся поймать след зайца, подошел к окну, посмотрел в него и снова зашагал кругами, заложив руки за спину. Я была сосредоточена на разговоре, поэтому смотрела только на Рада.

— Ваше Величество, вас не пугает, что для изгнания одаренных у тогдашнего короля были свои причины?

— Вы про необходимость сдерживать и контролировать дар?

— Что? — Рад на мгновение замер, а затем возобновил хождения. — А! Вы встречались с Кармой. Интересная старуха. У нее свой взгляд на природу и предназначение дара, но я ее не поддерживаю. Я имею в виду более практические вещи.

— Например? — напрягшись, спросила я.

— Например, в конце зимы этот шалопай Дор спалил наш амбар с запасами. Еще немного — и мы бы оказались на грани голода. Конечно, он не хотел, но... Здесь, в поселении, мы привыкли к таким случайностям. В позапрошлом году к нам прибила девушка со страшным даром. Ей достаточно было подумать, даже мельком, о том, что кто-то повел себя недостойно и требует наказания, и тот заболевал. Мы лишились пятнадцати человек, прежде чем поняли, в чем дело.

— Где эта девушка?

Я вздрогнула. Рок впервые за долгое время подал голос.

— Умерла. Не справилась с таким сильным даром, — пожал плечами Рад. — Так что не все из нас, Ваше Величество, безобидны. Некоторым действительно лучше жить особняком.

— Я понимаю, — тихо сказала я. — Риск есть, и он большой. Но не кажется ли вам, что пора что-то менять?

Рад молчал, продолжая мерить шагами комнату. Он колебался. Я посмотрела на Рока, тот задумчиво изучал пол под подошвами своих сапог.

Я нуждалась в поддержке Рада. Без его одобрения меня просто не станут слушать.

— Королевство и лично я могли бы принять на себя некоторые обязательства перед поселением, — с напряжением сказала я. Рад в удивлении остановился и посмотрел на меня, ловя каждое слово. — Досадная оплошность Дора может дорого вам стоить. Это случается не в первый и не в последний раз, верно? Гораздо спокойнее было бы, если бы вы знали: в случае проблем королевство поможет вам. — Рад промычал что-то неразборчивое, и я продолжила все более уверенно: — По возвращении домой я распоряжусь, чтобы вам отправили необходимые запасы продовольствия и одежды. Возможно, местным жителям нужно что-то еще?

Рад молчал. Он встал на цыпочки, затем опустился на всю стопу и мрачно кивнул:

— Я составлю вам список. Здесь мы многое научились делать сами, но есть вещи нам недоступные.

— Королевство примет участие в вашей судьбе, — вновь напомнила я и подлила меда. — Несправедливо, что все это время вы вынуждены были выживать самостоятельно.

Я не лгала, поэтому Рад лишь тяжело вздохнул, но не стал продолжать неприятную тему. Вместо этого он коротко пообещал мне:

— Я поговорю с людьми. Никого принуждать не буду, но и отговаривать тоже. Здесь есть такие, которым тесно в деревушке. Немного, но есть. Думаю, они с радостью уйдут отсюда. Наше поселение, чтобы вы знали, не единственное в округе.

Эта новость стала для меня открытием, но я сдержала изумление и спокойно кивнула.

— Благодарю.

— Сегодня вечером будет праздничный костер. Мы радуемся наступлению весны. Приходите. — И снова вздохнув, он добавил уже с улыбкой: — Будем вам рады.

— Непременно придем, — сказала я. Будто бы у меня был выбор.

— Я попрошу, вас разместят в пустом доме. — Рад подошел к окну, толкнул раму и, высунувшись в него, закричал: — Чайка, иди сюда! Я знаю, ты тут подслушиваешь.

Раздалось испуганное оханье, топот ног, а затем в комнату ввалилась девчушка лет десяти. Шмыгнув носом, она виновато посмотрела на нас.

— Чайка, отведи гостей в дом, где раньше жил Стар. Все равно пока пустует. И возвращайся к матери. Обыскалась уже поди.

Девочка снова шмыгнула покрасневшим носом, откинула упавшие на лицо распущенные рыжие пряди и молча выскользнула за дверь. Мы попрощались с Радом и последовали за своей новой провожатой.

Идти было недалеко, всего десяток домов вправо. Рыжая девочка вцепилась мне в руку и буквально повисла на ней. Я удивленно приподняла брови:

— Что такое, милая?

Та молча покачала головой и продолжила прижиматься ко мне. Я в беспомощности посмотрела на Рока.

— Это она так греется, не шугайтесь. Дурного Чайка делать не умеет, — подал голос Дор, который сноровисто тащил куда-то вязанку дров у нас за спиной. Он остановился, смахнул пот со лба и сказал, обращаясь к девочке: — Поможешь, а?

Та все так же молча кивнула и, не прерывая шага, взмахнула рукой. Дрова взмыли в воздух и последовали за нами. От этой картины я споткнулась и едва не упала. Рок придержал меня за талию.

— Это что? — потрясенно спросила я.

— Видимо, девочка умеет перемещать предметы силой мысли, — сказал Рок, пожимая плечами. — Вы же видели, в книге был описан похожий дар.

— Ага, она еще не то может! — согласился Дор и побежал следом. — Ну Чайка, ты куда их потащила? Мне домой дрова нужно отнести! Стой!

Девочка продолжала нас вести, не обращая на Дора никакого внимания. Дрова послушно летели за ней. Дор с тяжким вздохом поплелся за нами.

— У-у-у, Чайка! Хоть бы заговорила, а то гадай, что у тебя на уме...

— Она не говорит? — спросила я.

— Не-а. С рождения немая.

— Но очень умная, — тихо заметил Рок.

Чайка метнула на него раздраженный взгляд и отвернулась, снова прижимаясь ко мне. Я осторожно погладила ее по голове. Она замурчала, как котенок.

— А почему она... — негромко начала я, не зная, как закончить вопрос.

— Да греется она так. Ваш дар ее греет.

— Прости?

— Ну она его как-то видит. Чем сильнее дар, тем он ярче пылает. А Чайка согревается таким огнем, — путано принялся объяснять Дор, а потом и вовсе махнул рукой. — Не знаю, как еще сказать. Просто она выбирает тех, у кого дар сильный, и жмется к ним. Но тут еще от дара зависит. Вон, когда Прокаженная у нас гостила, Чайка ее обходила стороной. Хотя у той дар ого-го какой был! Стольких людей убила...

Он вдруг замолк и отвел глаза. Я обернулась к Року, но и без его подсказки уже поняла, что Прокаженная отняла у мальчика кого-то из близких.

Мы прошли еще пару шагов, вязанка дров рухнула на землю. Дор возмущенно охнула, но не стал ее поднимать. Дом, возле которого остановилась Чайка, был еще меньше других. Всего одна комната, и та крошечная. Печь, кровать, сундук, скамья, стол — вот и все убранство. Я вздохнула. В мечтах мне виделась ванна с горячей водой и куском ароматного мыла.

Рок словно прочел мои мысли, хотя я надеялась, что он все же просто догадался о моих желаниях. Муж опустился на корточки перед девочкой и, поймав ее взгляд, сказал:

— Ее Величество очень устала. Ей бы помыться и переодеться. Сможешь это устроить?

Чайка кивнула, а затем раскрытой ладошкой оттолкнула Рока.

— Не по нраву ей ваш дар, — фыркнул Дор. — Плохо греет, наверное.

— Возможно, — не стал спорить Рок. Он глядел на девочку чуть настороженно, но с любопытством.

Та взмахнула рукой. В комнату влетел железный таз и грохнулся на скамью. Следом откуда-то со двора прилетел другой, а затем и ведро с водой. Оно выплеснулось в один из тазов. Я, застыв от смеси восторга и страха, наблюдала за этими чудесами, которые обыденно творила маленькая девочка чуть старше Шуты.

Чайка отпустила меня и подошла к Дору. Бесцеремонно схватила того за запястье и потащила за собой к тазу. Мальчишка взмыкнул пару раз, но затем смирился.

— Что ты хочешь? Я тебя не понимаю! — бурчал он.

Чайка раздраженно сдула пряди со лба и, раскрыв его ладонь, провела ею над водой.

— Тьфу ты! Согреть воду тебе, что ли?

Чайка кивнула и отошла.

— А дрова мне тогда до дома дотащишь?

Она снова кивнула, в этот раз уже с нетерпением.

Дор закатил глаза и стал водить рукой над водой.
С его ладони сыпались синие искры.

— Твой дар — огонь, так? — цепко всматриваясь в мальчишку, спросил Рок.

— Да. Только я с ним неправляюсь. Вон, амбар спалил не со зла. А Рад до сих пор мне за это пеняет...

— Ты мог оставить все поселение без еды, — заметил Рок, по-прежнему изучая его.

— Угу, — мрачно ответил тот.

Вода под его руками зашипела и забулькала пузирями. Дор торопливо отдернул ладонь.

— Ее Величество очень тебе признательна. Она обожает купаться в кипятке, — иронично поблагодарил Рок.

Дор потер нос.

— Я же говорил, плохо у меня выходит.

С улицы донесся громкий женский голос:

— Чайка! Ты здесь? Чайка!

В дом влетело платье изумрудного цвета, а следом за ним вошла молодая невысокая женщина, вытирающая руки о передник.

— Здравствуйте! — сказала она и выдохнула с облегчением, заметив девочку. — Слава предкам! Я уже хотела искать тебя, а тут гляжу: мое платье куда-то улепетывает. — Женщина говорила строго, но не сердито. Чувствовалось, что она очень любит дочь.

Чайка улыбнулась и тут же уткнулась в юбку матери, как шкодливый котенок. Женщина провела рукой по распущенными волосам девочки и погладила ту по макушке.

— Озорница она у меня, но с сердцем. От нас не будет беспокойства, вы не думайте.

— Эта мысль и не приходила нам в голову, — отклинулась я. — Вы позволите одолжить ваше платье?

— Почему нет? Разве ж мне жалко... — махнула рукой та. — Вы новенькие?

— Да, — произнесла я. Мне не хотелось представляться, это бы испортило всю атмосферу безыскусности, которая удивительным образом пришла по душе.

К счастью, имен у нас не спросили.

— Мы пойдем, скоро муж с охоты вернется. — Женщина взяла Чайку за руку и обернулась уже на пороге: — Увидимся на праздничном костре! Дор, только не спали ничего.

— Да я что? Я ничего... — пробормотал тот, отводя взгляд.

Женщина скрылась за порогом.

— Далеко отсюда дом Чайки? — спросил Рок, как только за новыми знакомыми захлопнулась дверь.

— Ну-у-у, — задумчиво протянул Дор. — Домов двадцать вниз, наверное.

— Сильный дар, — проговорил Рок и больше не стал ничего добавлять.

— Угу, — кисло согласился тот. — Еще бы она слово свое держала. А то волоки теперь эти дрова...

Он неохотно вышел за дверь, и уже оттуда донесся его ликийющий вопль:

— А Чайка-то утащила дрова! Все-таки не обманула!

— И правда, сильный дар, — проговорила я.

В проеме двери появилась счастливо улыбающаяся голова Дора.

— Я чего подумал... Чайка женское платье-то приволокла, а о мужской одежде не вспомнила. Спросить у отца, а?

— Буду благодарен, — с легким поклоном согласился Рок.

Дор с угуканьем снова исчез. Только топот его ног недолго доносился с улицы.

— Какое странное место... — растерянно сказала я.

— Тебе не нравится?

— Напротив, нравится, даже слишком. — Я поколебалась, а потом все же добавила: — Я словно дома. Замок душит меня, а здесь... очень легко дышится.

Рок непонятно посмотрел на меня и шагнул к тазу с водой. Коснулся ее поверхности кончиками пальцев и проговорил, не обращаясь конкретно ко мне:

— Поселение небольшое. Я думаю, здесь домов сто, возможно, немножко больше. Хватит ли этого, чтобы осуществить задуманное тобой? Ты рассчитывала на сотни человек, а получишь десятки. В лучшем случае.

— Я не знаю. — Я устало опустилась на скамейку и обхватила себя руками. — Это не единственное поселение. Мы можем продолжить поиски. Почему ты молчал в разговоре с Радом? — некстати вспомнилось мне.

— А ты хотела, чтобы я вмешался?

Я молчала, не зная ответа. Та большая часть меня, что привыкла жить, полагаясь на решения и помощь мужчин, пребывала в смятении. Другая часть — новая я — испытывала чувство удовлетворения от необходимости решать проблемы самостоятельно.

— Ты все верно сделал, — наконец сказала я.

Рок кивнул. Подошел к сундуку, открыл его и вытащил полотенце с куском мыла. При виде него я чуть не захлопала в ладоши.

Рок положил находку рядом с тазом.

— Поразительно одаренные дети, — сказал он, опираясь на ладони с зажатыми в них мылом и полотенцем. — Если их родители так же сильны, возможно, тебе хватит и десятка, чтобы сдержать армию кирков.

— Мне хочется в это верить, — призналась я и, заметив, как Рок прикрыл глаза, встрепенулась. — Тебе плохо?

— Нет, уже нет. — Он выпрямился и улыбнулся уголками губ.

Я нахмурилась. Порванные нити жизни, завязанные на узелки, не давали мне покоя, но я не знала, что это может значить, и не хотела пугать Рока зря.

— Как ты себя чувствуешь?

Тот пожал плечами.

— Прекрасно. Как обычно.

Раздался оглушительный стук в дверь, и я поморщилась. Грохот внезапно оборвался, в комнату влетел Дор, всучил Року одежду и снова убежал, бросив:

— Ну все, отец уже серчает! На костре столкнемся еще!

Уже на улице он сунул голову в разбитое окно и, глядя на меня, воскликнул:

— А с волосами-то что? Странные они!

Ответ ему был не нужен. Мальчишка скрылся за ближайшим поворотом.

Я осторожно пропустила седые прядки сквозь пальцы. Наверное, выглядела я странно. Часть волос седых, часть — светлых, почти белесых.

— Ты теперь еще красивее.

Я задумчиво потрогала воду. Она успела немного остыть и из обжигающей стала просто теплой.

— Я подожду за дверью, Кара.

Я прикусила губу и, откинув спутанные волосы за спину, сказала, не пряча вызов в голосе:

— Я думала, ты останешься и поможешь мне.

Рок вздрогнул, метнул на меня быстрый взгляд. Я догадывалась, как сейчас выгляжу: грязная и в изодранном платье, — но, видимо, даже такой я казалась Року привлекательной. В его глазах вспыхнул уже знакомый мне огонек.

Рок шагнул ко мне, я протянула ему кусок мыла.

— Я должен был сам предложить.

— Но не предложил, — попеняла я, чуть запрокидывая голову и встречаясь с Роком взглядом. Его губы были очень близко, и мне стоило большого труда не смотреть на них.

— Не предложил, — согласился Рок. — Страшное упущение.

Его губы накрыли мои, и я полностью растворилась в последовавшем за этим поцелuem, терпком и долгом.

Языки огромного костра взметались высоко в небо. Сгущались сумерки, и небольшую поляну, раскинувшуюся за поселением, заполонили почти мистиче-

ские тени. Отблески огня хорошо освещали лица кружащихся в танце людей, но в то же время придавали их чертам какую-то недосказанность и многозначительность.

Я стояла немного поодаль от всех и, прислонившись спиной к груди Рока, чувствовала себя почти счастливой. Свежий ветер трепал волосы, покусывал руки, лишенные перчаток, но мне все равно было не холодно. Близость Рока согревала лучше любого плаща.

На меня постоянно бросали изучающие взгляды. Рад уже выступил с речью в самом начале праздника. Он рассказал, кто мы и зачем сюда явились. Я видела, как настороженность в глазах поселенцев постепенно сменяется любопытством. Кое-кто задумчиво поглядывал в мою сторону, другие неуверенно переминались с ноги на ногу и отрешенно всматривались в огонь. В воздухе носилось невысказанное напряжение, скорее даже смятение. Оно странным образом смешалось с потрескиванием костра, с песнями девушек, с традиционными танцами под темнеющим небом. В веселье сквозила лихорадочность, но она лишь обостряла все прочие чувства, заставляя наслаждаться каждым мгновением летящего в ночь праздника.

Изначально я думала тоже высказаться, но затем поняла, что это лишнее. Я не хотела походить на купца, нахваливающего плохонький товар, и уж тем более не желала никого принуждать или уговаривать. Замерев в стороне от толпы, я молча ждала тех, кто сам выберет свой путь, — меня и службу короне.

Пока эта тактика не принесла особого успеха, но терпения мне было не занимать.

Очередной холодный порыв ветра заставил передернуть плечами, и это не укрылось от Рока.

— Я сейчас вернусь, — шепнул он и отправился в сторону большого котла, где подогревалось вино со специями.

Я проводила его взглядом и обхватила себя руками, стараясь при этом не забывать о королевском достоинстве. Здесь, в этом поселении с удивительной атмосферой доверия, мне все сложнее становилось играть роль холодной и рассудительной правительницы. Сердце тянулось к ним — к Дору, Чайке, Раду, — к таким же, как и я.

Мне внезапно подумалось, что именно такой судьбы я всегда избегала — участи изгнанницы. Ирония заключалась в том, что сейчас, узнав, что за ней стоит, я всей душой желала принять ее.

«Если бы не корона...»

Я моргнула и вновь посмотрела на костер. Я не могла отказаться от обязательств перед людьми, не могла бросить все и остаться здесь. Даже сама мысль об этом абсурдна.

«Но почему же она так часто приходит мне в голову? Почему возвращается снова и снова?»

Я куснула губу и нашла глазами Рока. Острое желание спросить у него, согласился бы он оставаться здесь со мной, было безжалостно вытеснено голосом разума.

«Я — королева Тринадцати кланов, Ее Величество Кара», — сцепив зубы, напомнила я себе.

— Так это правда?

Я едва не подскочила от неожиданности и обернулась так резко, что заплетенные в простую косу волосы

сы (без горничной убрать пряди в высокую прическу оказалось просто невозможно) хлестнули по лицу. Передо мной стоял смущенный Дор и, то и дело отводя взгляд, мялся, не зная, с чего начать разговор.

— Смотри что ты имеешь в виду, — осторожно ответила я, догадываясь о сути вопроса.

— Вы — королева, да? — шмыгнув покрасневшим от холода носом, спросил он. — Ее Величество Кара?

— Да, обычно меня называют именно так, — согласилась я.

— Вы простите, что я... Ну, не поверил. — И он, запнувшись, неуверенно добавил: — Ваше Величество.

— Совсем необязательно добавлять мой титул в конце каждой фразы, — улыбнувшись, сказала я. Мне нравился этот мальчишка, и его смущение забавляло, но не вызывало желания насмехаться. Он чем-то неуловимо напоминал мне сестер, как бы странно это ни звучало. — Я не сержусь, Дор, — серьезно добавила я.

Тот кивнул, перевел дух, а затем, снова помявшись, проговорил:

— Детям можно с вами, а?

— Прости? — Я непонимающе посмотрела на него.

Дор вспыхнул, его уши, смешно торчащие из-под белобрых волос, сделались пунцовыми.

— Рад сказал, что вам нужны взрослые. Для армии. Но если у этих взрослых дети, им можно с вами?

— Конечно, — задумчиво ответила я. — Переезд будет возможен для всей семьи.

— А если... кое-кто из семьи... — он снова запнулся, — словом, от него иногда бывают неприятности?

— Дор. — Мое терпение кончилось, и я резко спросила: — Чего ты хочешь?

— В столицу! — выпалил он. — У отца редкий дар — ему подвластны дикие звери. Он вам пригодится! А я... буду тихо себя вести, правда. Ничего не спалю, обещаю!

Смотря в возбужденно горящие глаза Дора, я уже знала, как поступлю. Эта мысль давно осела на краешке сознания и сформировалась во время наблюдения за даром Чайки.

— Я буду польщена, если ваша семья присоединится ко мне, — тихо произнесла я, наклонившись к нему. Теперь наши лица были на одном уровне. — Я думаю о школе для одаренных детей — о месте, где можно развивать дар, не боясь причинить кому-либо вред. Что скажешь?

Лицо Дора осветилось восторгом, рот раскрылся от удивления, но с губ не сорвалось ни слова. Мальчишка помотал головой и только потом часто-часто закивал.

— Вы... Ваше Величество! — выдохнул он и, видимо не найдя больше слов, снова пообещал: — Я ничего не спалю, правда!

— Верю. — Я не удержалась и рассмеялась. — Но твой отец захочет покинуть поселение? — Я бросила взгляд в сторону Одного, о чём-то беседующего с Радом. — Кажется, ему здесь хорошо.

— Было, — мрачно сказал мальчишка и замолчал.

— Твоя мать... — тихо начала я.

— Да, Прокаженная убила ее, — как можно равнодушнее произнес Дор. Его лицо заострилось, и я поняла, что лучше не развивать эту тему.

— Поговори с отцом. Если он согласится уехать, я с радостью приму вас обоих.

Дор кивнул, цепко посмотрел на меня и ушел в сторону костра, возле которого стоял его отец.

— Кажется, кто-то уже записался в вашу добровольную армию, Кара, — с легкой усмешкой проговорил Рок.

Он возник за спиной внезапно, и я вздрогнула от его чарующего хрипловатого голоса. Приняв кружку с подогретым вином, я поблагодарила и, покачивая напиток в руке, стала всматриваться в алые капли на стенках простой грубой посуды. Что-то мне это напоминало...

— Да, но пока желающих немного, — думая о своем, заметила я.

— Обманчивое впечатление, — не согласился Рок. — Люди только и делают, что мысленно возвращаются к словам Рада. Многих соблазнило твое предложение, но они колеблются. Дай им время.

— Ты снова читал мысли?

Рок поднес свою кружку к губам и сделал медленный, осторожный глоток.

— Ты просила не читать лишь твои, Кара.

— Верно, — отрешенно проговорила я. — Твой дар бывает очень полезен. Благодарю, — добавила я уже с улыбкой.

Рок расслабился, черты его лица сразу стали мягче. Только сейчас я поняла, что он был напряжен, как человек, пойманный за чем-то недостойным.

«За подслушиванием».

Вдруг одна простая мысль, до этого не приходившая в голову, осенила меня, и мой рот в удивлении приоткрылся.

— Кара? — Рок чуть выгнул бровь.
Я медленно подняла раскрытую ладонь и коснулась пальцами щеки Рока. Он вздрогнул и посмотрел мне в глаза. В их пронзительной синеве полыхало пламя.

— У тебя замечательный дар, Рок. Он не всегда мне нравится, но... я принимаю его, потому что я принимаю тебя.

Рок со свистом втянул носом воздух. Дыхание его участилось, губы приоткрылись. Он смотрел на меня, как страждущий путник — на предмет своих исканий.

Шипение костра, голоса людей, мелодия древней песни — все отшло назад, растворилось в темноте. В этом мире, во всей Вселенной мы были одни, и лишь жемчужные звезды вспыхивали над нашими головами.

— Рок, я...

Слова, рвущиеся из самого сердца, коснулись губ и обожгли их. Я никогда не признавалась никому в любви и нервничала. Рок в волнении стоял не шелохнувшись. Я по-прежнему касалась ладонью его щеки. Мне пришлось перевести дыхание, чтобы унять бешеное сердцебиение. Я улыбнулась, открыла рот, но внезапно замерла. Вселенная, наша с Роком Вселенная вдруг треснула. В памяти всплыли обрывки воспоминаний: слова Рони, письмо Надежды, предупреждение Кармы. Они закружились, завертелись, словно снежинки, захваченные вьюгой. Под ними лицо Рока исказилось, и что-то внутри меня, звенящее хрустальным колокольчиком, заставило умолкнуть, так и не заговорив.

— Кара? — хрипло спросил Рок.

— Да... — Я тряхнула волосами, возвращаясь в реальность. — Прости, Рок. Я лишь хотела сказать, что ты важен для меня.

Не это он жаждал услышать — я знала. И фраза совсем не походила на то, что я хотела сказать, — это я тоже понимала.

— Благодарю, — глухо сказал Рок, делая шаг назад. Моя рука безвольно упала. — Ты тоже... важна для меня, Кара. Думаю, ты даже не представляешь, насколько.

Я растерянно кивнула и снова обхватила кружку обеими ладонями. Прекрасный момент был упущен, и я даже не понимала, что стало тому причиной.

Неловкость сковала нас обоих. Преодолев смущение, я взглянула в лицо Року и тут же отвела взгляд. Его глаза снова будто сковало льдом, как в первый день нашего знакомства. Я словно стояла рядом с незнакомцем.

— Ваше Величество? — Нервно теребя юбку, к нам вышла мать Чайки. За ее спиной маячила девочка.

— Да? — Я постаралась вежливо улыбнуться, но, полагаю, улыбка больше походила на гримасу.

— Мы хотели поговорить. Рад сказал...

Рок поклонился и отошел. Я проводила его взглядом и сосредоточилась на беседе. Уже в самом конце, когда Чайка, помахав мне рукой, скрылась в толпе, я поняла, что напомнили мне винные капли на стенках кружки, — кровь.

Дурное предчувствие сжало сердце. Я знала: скоро случится что-то ужасное и не в моих силах это остановить.

Возвращение в столицу прошло благополучно. После внезапного нападения кирков на нас с Роком я боялась, что дорога домой станет опасным путешествием, но этого, к счастью, не случилось. Обратный путь занял немного больше времени из-за того, что пришлось идти пешком (в поселении не нашлось столько свободных лошадей), но все равно я осталась довольна.

Тридцать людей с даром, из них пятеро — дети. Что ж, совсем неплохо.

Вар вместе с небольшим отрядом дожидался нас на том же месте, где мы расстались. При виде меня, пешей и одетой как простолюдинка, он побагровел и надолго утратил дар речи. Слова клокотали у него в горле, но никак не могли сорваться с языка.

Меня тут же окружила стража. Я почувствовала, как на плечи легла теплая меховая накидка, и обернулась. Ник, осунувшийся и как будто даже постаревший, поклонился и улыбнулся — грустно и светло. Я благодарно кивнула ему.

Одаренные хмурились и с опаской посматривали на стражу, та отвечала им недоверчивыми взглядами и сжимала оружие до побелевших костяшек пальцев.

— Эти люди — друзья, — поторопилась вмешаться я.

Повисло молчание, но атмосфера стала менее напряженной.

Я почти дремала на лошади, пока Вар, ехавший по правую руку от меня, рассказывал последние новости.

Они были неутешительные: как говорили наши лазутчики, кирки вот-вот собирались перейти в открытое наступление.

— Созвовите срочный военный совет, — мрачно проговорила я. — Как только прибудем в столицу, я встречусь с вождями кланов и объявлю им свое решение.

— Ваше Величество, — осторожно произнес Вар, косясь на пешую толпу позади нас, — оно может не понравиться вождям. Одаренные всегда...

— И что с того? — перебила я Вара. — К слову, дайте распоряжение рассадить детей по лошадям.

Советник замер и побледнел. Я не знала, что напугало его больше: мой резкий тон, невиданная ранее решительность или необходимость общаться с одаренными детьми.

— Свободных лошадей нет, — рискнул напомнить Вар.

— Так подсадите к воинам, — раздраженно ответила я. — Вар, это дети, а не дикие звери!

Тот явно считал иначе, но промолчал и жестом подозвал своего помощника.

Я прикрыла глаза и собралась все-таки подремать. Дорога измотала меня, но на отдых не было времени. Я планировала приступить к делам сразу, как окажусь в замке, и догадывалась, что многим это придется не по душе.

Ну и пусть. Часть меня, долго прятавшаяся в темноте,правляла крылья и поднимала голову. Больше я не боялась принимать решения.

— Ваше Величество, ваш наряд готов.

Любовь присела в учтивом реверансе и указала на постель, где шелковым морем растеклось темно-синее платье.

Я задумчиво подошла к ложу, провела рукой по ткани, наслаждаясь ее мягкостью, а затем смяла и отбросила на пол.

— Ва-аше Величество! — ахнула Любовь, в ужасе подбирав изысканный дорогой наряд с длинным шлейфом.

— Будь добра, позови камеристку, — ровно сказала я. — У меня для нее есть поручение.

Любовь, забыв выпустить платье из рук, побежала выполнять мою просьбу.

Я подошла к зеркалу, уперлась ладонями в стену по обе стороны от него и взглянула своему отражению в лицо. На меня смотрела обнаженная девушка с гривой белоснежных волос, рассыпавшихся по спине. Ей не приходилось играть смелость, теперь она ею действительно обладала.

Путешествие многому меня научило. Рок был прав: я гораздо сильнее, чем казусь на первый взгляд.

Два часа спустя я вошла в церемониальный зал, где уже собирались вожди всех кланов. Разговоры смолкли, повисла гнетущая тишина. Чей-то кашель показался раскатом грома, и я усмехнулась.

Непривычно быстро шагая (мужской костюм совершенно не сковывал движения), я поднялась на возвышение и опустилась на трон. Заставшие вожди

не сразу и вразнобой уселись на стулья, стоявшие полукругом от меня.

— Итак, я приняла решение касательно войны с кирками. Кроме того, у меня есть несколько новостей, важных и приятных.

Я чеканила слова резко, холодно и бескомпромиссно. Видела, что многим это не нравится, и знала, что у моего решения будут последствия, но абсолютно не волновалась.

Чем дольше я говорила, тем больше мрачнели лица вождей и тем спокойнее мне становилось. В душе разливалась уверенность, что я все делаю правильно.

Хрупкая и пугливая девушка Кара в моем сознании отступала все дальше, пока не исчезла совсем.

Часть III Эндшпиль

Глава 14

В финальной стадии игры (эндштиле) от того, как будет использован король, зависит судьба всей шахматной партии.

Дверь в покой распахнулась. Тяжелая поступь Вара заставила меня поднять голову. Одного короткого взгляда на лицо советника хватило, чтобы молча отложить в сторону медицинский трактат, написанный кем-то из одаренных еще до эпохи их изгнания из клана. Я нашла его в отцовской библиотеке. Меня в большей степени заинтересовал не текст, а набросанные карандашом рисунки. До того как Мир предупредил о визите Вара, я с интересом рассматривала изображение сердца. На картинке оно напоминало скорее сморщенную грушу, а вовсе не то средоточие нитей, которое я привыкла видеть внутренним взором. Тема отзывалась во мне трепетом и странным предвкушением. Возможно, зная чуть больше о чело-

веческой природе, я смогу лучше распоряжаться своим даром? Быстрее залечивать раны, избавлять от хворей и... вероятно, убивать.

От последней мысли настроение резко испортилось.

— Что такое, Вар? — как можно спокойнее поинтересовалась я. — Мир сказал, у тебя что-то важное.

Утро, как и последние дни, выдалось хлопотным. Надвигающаяся война, нарастающее недовольство вождей кланов, страх и враждебность простого люда перед поселившимися в замке одаренными... Все это требовало моего неусыпного контроля. Казалось, стоит мне отвлечься, и все вспыхнет, как стог сена, к которому по неосторожности поднесли зажженную лучину.

— К сожалению, да, Ваше Величество.

Вар прятал беспокойство за короткими, нарочито спокойными фразами. Предчувствие неминуемой беды заставило меня внутренне подобраться.

— Что случилось?

— Старший сын вождя клана Камышовых Котов высказывает опасения из-за появления в клане одаренных. Он настойчиво и последовательно сеет сомнения среди ваших подданных, которые, к слову, и без того сбиты с толку вашим решением.

Ладонь, которая лежала на столе, дрогнула, но с моих губ сорвалось лишь равнодушное:

— Вот как?

— Да.

На стол лег мелко исписанный лист бумаги — послание от одного из членов клана. Послание, в котором

автор исходил ядом в сторону того, кто посмел усомниться в моем решении.

Я, памятуя о том, что мои плечи должны быть расправленными, даже если хочется в этот момент сжаться, медленно погрузилась в чтение. От поднявшегося в душе страха я вся словно заледенела. Сердце покрылось инем, и, возможно, именно этот холод позволил мне сохранить лицо.

Волнения среди знати? Сейчас, когда мы на пороге войны?

Я прекрасно понимала, чем это грозит моей неокрепшей власти. Чем это грозит мне, а главное — сестрам.

— Кто? — тихо спросила я.

Донос вышел длинным и обстоятельным. Его составитель не поскупился на заверения в собственной преданности.

Вар сразу понял, о чём я.

— Вождь клана Ворона. Он лоялен к вашей власти.

Я чуть скривила губы. К горлу подкатила легкая тошнота.

Лоялен. Скорее, просто хочет урвать кусочек похирнее в этой битве интересов, стервятник.

— Что ты предлагаешь, Вар?

Я откинулась на спинку кресла и прямо посмотрела на стоящего спиной к окну советника. Солнечные лучи золотыми нитями сверкали в его медных, еще не тронутых сединой волосах. Я невольно прикоснулась к своим серебряным прядям, забранным в высокую прическу.

По возвращении никто не задал мне ни одного вопроса о той отметине, что оставила на мне поездка,

но я слишком часто ловила на себе любопытные взгляды, чтобы понимать: изменения в моей внешности не остались незамеченными.

— Вы можете казнить сына вождя. Никто не должен сомневаться в вашей власти и в тех решениях, что вы принимаете.

Вар выдержал паузу. Она повисла в комнате, как звенящая от напряжения тишина перед первым раскатом грома в грозовую ночь. Я выждала немного, а затем перевела взгляд чуть левее — на окно, из которого тянуло ароматом цветущих деревьев.

— Но? Ты говоришь так, будто подразумеваешь, что у меня есть выбор.

— Да, Ваше Величество. Я бы советовал поступить иначе.

— Как?

— Созвоните совет кланов. На нем убедите вождей в том, что нам нужна помощь. Вожди неглупы, они понимают, что, как ни храбрись, без одаренных нам не одолеть кирков.

— Тогда почему вожди так упрямятся?

Я едва подавила в себе желание вскочить со стула и отшвырнуть тот в сторону.

Я нашла единственное возможное решение, позволяющее выиграть войну без ужасающих жертв с нашей стороны. Без риска голода и мора, неизменно приходящих в города тогда, когда война становится затяжной и изматывающей.

Но вожди все равно недовольны!

— Страх, Ваше Величество. Слишком много изменений за короткий срок: ритуальный поединок, жен-

щина на троне, появление одаренных... Люди лишь хотят убедиться, что они на верном пути.

Страх. Перед женщиной на троне и перед силой, которую они не могут контролировать, — одаренными.

Люди готовы погибнуть, но не связать себя с тем, что их пугает. Они так и не поймут, что победить можно лишь одним способом: взглянуть в глаза своему страху, спуститься на самое дно темноты.

В памяти всплыли картины, до сих пор приходящие ко мне в кошмарах: остекленевший взгляд Света, кровь на моих руках, сжимающих рапиру, падающий в реку Воин...

Я могла многое рассказать о том, как шагнуть за грань страха. Мне пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться и отогнать от себя мучительно-болезненные воспоминания. Когда я задала вопрос, голос не дрогнул:

— А как быть с сыном вождя Камышовых Котов?

Разум подсказывал, что выбор невелик: темница или плаха. Оставлять на свободе того, кто наводит смуту среди знати, которая и без того сомнением взирает на мое правление, слишком опасно.

И снова на одной чаше весов моя жизнь и жизни моих сестер, на другой — чья-то судьба. Убив однажды, я будто обрекла себя на то, чтобы вновь и вновь выбирать чужую смерть.

— Он должен заплатить за свои слова. Его судьба станет уроком для других.

Я медленно кивнула. Спорить с Варом было сложно. Несмотря на понимание его правоты, что-то внутри меня сопротивлялось этому решению.

Прежде, до гибели Света, я бы пришла в ужас от необходимости отдать приказ о казни человека. Теперь это вызывало лишь досаду, раздражение и горечь, но не липкий страх, змеиными кольцами сжимающий сердце.

Я изменилась.

Важную часть прежней меня — слабую, милосердную — словно постепенно отсекали по кусочкам: смерть брата, поединок, убийство Воина, поездка к одаренным... Все это заставило меня пройти через боль перерождения. Я еще не понимала, какой стала, но отчетливо ощущала изменения в себе. Прежняя Кара не смогла бы предстать перед вождями клана в мужском костюме, не смогла бы принять сложное решение в одиночку, и, конечно, ей было не по силам отстоять его.

Я так сильно погрузилась в размышления, что до меня не сразу дошел смысл слов Вара.

— Но, Ваше Величество, я бы не советовал его казнить.

Я удивленно моргнула. Прежде не замечала за Варом склонности к мягкотеречию.

— Считаешь, его нужно простить?

Вар усмехнулся — холодно и хищно. Нет, я поторопилась с выводами. Прощать советник не умел.

— Будь на вашем месте кто-то другой, я бы посоветовал отправить предателя на плаху, но, Ваше Величество... На троне вы недавно, и, скажем честно, сторонников у вас немного. Лишиться их, проливая реки крови, слишком опасно.

— А клан Камышовых Котов — мои сторонники?

— В самом клане разлад, Ваше Величество. Несправедливое, по их мнению, наказание может сплотить враждующие стороны. Пока в клане нет единства, им проще управлять.

На меня, словно морская волна, накатило облегчение. Доводы Вара звучали разумно. Значит, мне не придется никого казнить?

Несмотря на хаос в мыслях, в душе воцарилось спокойствие. Его нарушало лишь понимание того, что Року подобное милосердие точно не понравится.

— Я бы посоветовал, Ваше Величество, проследить за тем, чтобы сын вождя Камышовых Котов одним из первых отправился на поле боя. Пусть ему выпадет честь защитить свои земли и сразиться за королевство, судьба которого его так волнует.

Я нахмурилась, не до конца понимая, куда клонит Вар. Мы собирали войско для первой атаки на кирков, подошедших слишком близко к нашей границе. Конечно, в нем будут представители кланов — ближайшие родственники вождей, но мало кто желал отправить в бой старших сыновей. Слишком высок риск потерять наследника дома.

Вар, видя мое недоумение, с жесткой усмешкой пояснил:

— Подлец сгинет от вражеской стрелы в первой же схватке. Вот увидите.

— В первом же бою? — задумчиво повторила я. — Уверены?

— Можете не сомневаться в этом.

Я опустила взор. Намек Вара был более чем прозрачен. Я понимала, что, даже если сын вождя обладает

невероятным везением, с поля боя он все равно живым не вернется. Неважно, кем будет пущена стрела — своими или чужими. Ему от нее не уйти.

Убрать недовольного, не замарав руки в крови? Что ж, это в духе Вара.

Все было так просто и понятно, что казалось, мне стоило лишь кивнуть и росчерком пера решить судьбу того, кто посмел покуситься на мою власть. Этого требовал разум, этого хотела новая Кара, прошедшая через кровь, боль и страх. Но часть прежней меня — та, которую я, несмотря ни на что, сохранила, — колебалась.

Молчание затягивалось. Советник начал проявлять нетерпение.

— Мне нужно подумать, — неохотно сказала я.

— Как скажете, Ваше Величество.

Вар, пряча недоумение, согнулся в поклоне и вышел за дверь. Я, оставшись одна, уставилась невидящим взглядом в окно. Прошла пара мгновений, прежде чем оцепенение сменило яркое, непреодолимое желание выйти из комнаты, где всё: письменный стол, стопка документов, королевская печать и перо в чернильнице — раздражало, душило и вызывало отвращение.

Я выскочила за дверь и широкими шагами быстро миновала холодный темный коридор. В замке, несмотря на теплую погоду, топили каминьи, но от сквозняков это не спасало. Я поежилась и пожалела, что не взяла накидку. Попадающиеся на пути слуги торопливо кланялись, в их спешно отводимых взглядах почтение мешалось со страхом. Прежде, до появления в замке одаренных, такого не было.

Залитый солнцем двор встретил меня привычной суетой. Слышалось конское ржание, под ногами сновали куры, в загоне повизгивали свиньи. Между хозяйственными пристройками носились малыши, дети постарше были пристроены к делу — кто-то таскал ведра с водой, кто-то присматривал за скотом. Чуть поодаль женщины развешивали мокре белье на веревках, натянутых между деревьями.

Я ненадолго прикрыла глаза и запрокинула лицо, позволив солнцу ласково коснуться кожи и развеять ту дурноту, что туманила разум. Постояв так недолго, я хотела направиться к высохшему дубу на краю поля — месту, где я чаще всего принимала решения, — но вдалеке, среди плодовых деревьев, мелькнуло платье Шуты. Ноги сами понесли меня к саду — к той части, где все было пронизано ароматом цветущих яблонь.

Отодвинув ветви густого кустарника, я с удивлением замерла. Под высокой раскидистой яблоней на голой земле сидела Шута. Перед ней были разложены орехи. Она взяла в руки один, взвесила его, а затем протянула стоявшему рядом Дору. Чуть поодаль я заметила Чайку, Рони и еще троих незнакомых мне детей — двух мальчишек и одну девочку.

— Справится? — с сомнением спросила Шута, обращаясь не к Чайке, а к Дору.

Тот стоял спиной ко мне, я не видела его лица, но насмешливое фырканье мальчишки все сказало за себя.

— Конечно.

Я не торопилась покидать свое убежище. Мною овладело жгучее, почти детское любопытство. Что задумала эта компания?

Дор взглянул на подругу, дождался ее спокойного кивка и, замахнувшись изо всех сил, отправил орех в полет.

— Чайка, давай! — крикнул он.

Та, чуть нахмурив брови, вскинула руку. Орех, летевший вправо, резко изменил направление. Он с громким свистом, разрезающим воздух, устремился назад, к яблоне. Затем взмыл вверх, застыл напротив темнеющего в коре дупла и принялся чуть подрагивать в воздухе, словно поддразнивая кого-то.

Я перевела взгляд на детей. Дор выглядел довольным, Чайка — сосредоточенной, Рони — немного встревоженной, остальные смотрели на орех, широко разинув рты от удивления.

— Так... Вот сейчас! — скомандовал Дор и дал отмашку.

Все дети, за исключением самой Чайки, подхватили с земли по ореху. Как снаряд из катапульты, орехи просвистели где-то совсем рядом со мной, а затем, повинуясь невидимой силе, развернулись и устремились к дуплу. Тому самому, из которого настороженно выглянула рыжая белка. При виде ореха она ожила, но совсем скоро растерялась: перед ее носом затащевала целая горсть рассыпанных в воздухе лакомств. Белка испуганно пискнула и скрылась в дупле.

Междуд яблонь пронесся громкий смех. Чистый, словно вода в горном ручье, и радостный — такой бывает разве что у детей, еще не утративших веру в чудо.

— Не знал, что проклятые так умеют! — с восторгом воскликнул один из незнакомых мальчишек.

Я хотела выйти на поляну, но, заслышав слова Дора — раздосадованные, обиженные, — застыла на месте.

— Мы не проклятые, — мрачно сказал Дор и бросил чуть вызывающий, открытый взгляд на Рони. — Мы одаренные.

— Ну, в моей семье вас называют иначе, — рассмеялся другой мальчишка. — Но какая разница, если вас все равно перережут в ближайшей битве.

— Отец говорит, вас пустят в расход, чтобы спасти наших воинов, — добавила девочка. Ее жестко одернула за рукав Шута, и грубиянка вскрикнула, потирая запястье: — Ай! Что, правду же говорю!

Сказано это было с насмешкой. Даже в моей душе вспыхнуло раздражение, поэтому я совсем не удивилась, когда с пальцев Дора сорвалось пламя. Оно прошлось под ногами у детей и, взметнувшись, дыхнуло в лицо трем обидчикам. Те отпрянули и закричали:

— А-а-а!!!

— Помогите!

Мгновение, и топот их ног послышался уже где-то в стороне замка. На поляне остались Дор, Чайка и Рони с Шутой.

— Вот дураки, — фыркнула Шута и, не сдержавшись, порывисто схватила Чайку за руку. — Даже предкильвы так не умели! Мне нравится твой дар!

Чайка покраснела, на ее губах расцвела неуверенная улыбка. Дор, все еще сжимающий ладони в кулаки, чуть расслабился. Но все испортила Рони. Она покачала головой и сурово заметила:

— Зря вы так.

Дор тут же ощетинился.
— Ничего им не будет! Огонь их даже не тронул.
Это было правдой. Даже я со своего места видела,
что пламя не причинило вреда детям.

— Но напугал, — отрезала Рони. — А там, где страх,
не будет дружбы.

Ее слова заставили меня задуматься. Они словно
царапнули по чему-то больному, скрытому от глаз
наспех сделанной повязкой.

Рони взяла Шуту за руку и тоже направилась к зам-
ку. Младшая обернулась через плечо и состроила
умильную мордашку, призванную продемонстриро-
вать, что в ее уходе виновата исключительно Рони.

— А ты? — бросил вдруг Дор, будто для него и прав-
да был важен ответ. — Ты меня боишься?

Сердце кольнуло болью. В интонации Дора почу-
дились что-то такое, что напомнило мне о Роке. Ка-
жется, муж тоже отчаянно мечтал, чтобы я полностью
доверяла ему. Видеть страх в моих глазах было для
него непереносимо.

Рони вздрогнула, остановилась, а затем резко обер-
нулась.

— Тебя — нет, — спокойно проговорила она и про-
должила путь.

Дор выдохнул с облегчением. Напряженные плечи
расслабились, даже немного поникли.

Я решила, что прятаться дальше уже попросту
неприлично, и вынырнула из зарослей.

— Ваше Величество? — удивился Дор. — А что вы
тут делаете?

Я ответила то, что первым пришло на ум:
— Ищу сестер.

И чуть покачнулась: подбежавшая Чайка буквально повисла на мне. Я еще не успела привыкнуть к этой ее особенности: девочка и правда вцеплялась в меня намертво каждый раз, когда видела. Я могла бы прекратить это, достаточно было один раз сурово пресечь, но... от объятий Чайки мне и самой становилось теплее. Она, Дор, те немногие одаренные, что пошли за мной, — я чувствовала особую связь с каждым из них. Пусть Рок считал, что решение отправиться за одаренными было продиктовано лишь желанием остановить войну. Но в глубине души я знала: это не так.

Каждый раз, соприкасаясь с судьбой одаренных, я будто всматривалась в собственное отражение в спокойной реке. Оно было нечетким, но родным, узнаваемым даже тогда, когда по нему шла водная рябь.

— Они уже ушли. — Дор махнул рукой в сторону тропинки к замку.

Я погладила Чайку по распущенными волосам. Девочка запрокинула голову и смотрела на меня со счастливой улыбкой. Она походила на котенка, греющегося в лучах солнца.

— Ваше Величество, а правда, что завтра наши воины отправятся на границу?

Я вздохнула. Быстро же разносятся слухи. Впрочем, скрыть эту новость от Дора все равно не получилось бы. Его отец состоял в отряде, который одним из первых столкнется с кирками.

— Да.
Я ожидала, что Дор спросит об отце, но мальчишка удивил меня. Он набрал в грудь побольше воздуха и выдохнул:

— Отправьте меня вместе с ними!

Я изумленно вскинула брови.

— Что?

— Я уже не ребенок! И могу драться. Дар у меня редкий, полезный. Это здесь от него вред один. А на войне он пользу принесет.

Где-то рядом хрустнула ветка.

Я обернулась. За моей спиной стоял Рок. Его шаги, как всегда, были настолько тихими, что я их не услышала. Вкрадчивость, свойственная Року, проскальзывала не только в интонациях, но и в движениях.

Пожалуй, я так и не привыкла к этому.

При виде Рока Чайка нахмурилась и отступила от меня. Мои пальцы, еще мгновение назад перебирающие ее волосы, ухватили пустоту. Я уже не первый раз замечала, что девочке не нравится мой муж. Что-то в нем отталкивало ее.

— Прошу прощения, — между тем, как всегда, безукоризненно вежливо проговорил Рок. — Я прогуливался неподалеку. Не хотел никому помешать.

— Ничего страшного, — ответила я. — Мы все равно уже закончили.

Дор оживился.

— Это значит «да»?

Я уже достаточно пришла в себя, чтобы спокойно, но весомо бросить:

— Это значит «нет». Детям не место на войне.

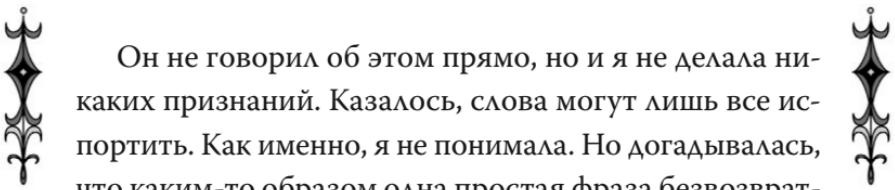
Дор вспыхнул, помрачнел, но спорить не стал. Коротко попрощавшись, он исчез среди стволов деревьев. Его примеру последовала и Чайка, окинувшая меня то ли сочувствующим, то ли встревоженным взглядом.

— Возможно, ты зря отказалася мальцу? Его дар и правда пригодился бы в битве.

Рок, подойдя ближе, протянул мне руку, и я, не задумываясь, вложила свою ладонь в его. Наши с мужем мнения часто не совпадали: те советы, что он давал, казались мне слишком категоричными, жесткими. Но после ночи, проведенной в пещере, после сблизившей нас поездки к одаренным природы Рока — определенно, более циничная и хладнокровная, чем моя, — перестала вызывать опаску. Я знала, что могу доверять мужу. Он не предаст, не воткнет кинжал в спину. То, что раньше вызывало беспокойство, — вкрадчивые интонации, подталкивающие к конкретным решениям вопросы, предложения, казавшиеся излишне кровожадными, — во всем этом я теперь видела заботу.

Темный дар Рока наложил на его душу отпечаток — я чувствовала это. Каждый раз, когда наши тела сплетались, чтобы ненадолго слиться воедино не только в этом мире, но и где-то за гранью, я отчетливо ощущала: чувства Рока ко мне искренни. Они настоящие, яркие, огненные. В этом пламени можно сгореть, но пока оно лишь согревало, оберегало оточных хищников.

Рок заботился обо мне так, как умел. Любил так, как мог.

Он не говорил об этом прямо, но и я не делала никаких признаний. Казалось, слова могут лишь все испортить. Как именно, я не понимала. Но догадывалась, что каким-то образом одна простая фраза безвозвратно сожжет все мосты, ведущие к моему прошлому.

К тому уголку прошлого, где скрывалась важная часть меня.

— Я не хочу, чтобы Дор пострадал, — сплетая свои пальцы с пальцами Рока, ответила я. — Он еще совсем ребенок.

— Первая битва будет очень важной. Одаренных в войске не так много. Каждый талант...

— Нет. — Одним коротким словом я поставила точку в разговоре. — Мы справимся и без ребенка с оружием в руках.

Рок, видимо придерживающийся совсем иного мнения, усмехнулся. Я приготовилась к спору, но его не последовало. Вместо этого муж чуть склонил голову, принимая мой выбор. С губ сорвался едва слышный вздох облегчения. Пикировки с Роком давались мне тяжело. Они всегда оставляли после себя зуд сомнений и тревоги.

— Ты выглядишь встревоженной, — заметил Рок, уводя меня все дальше от замка. — Что-то случилось?

В его голосе сквозило затаенное беспокойство. Рука мужа сжала мою чуть сильнее, словно он старался через прикосновение передать мне часть своей уверенности и силы. Большой палец с непередаваемой нежностью прошелся по внутренней стороне моей ладони, поглаживая ее.

— Тебя расстроило столкновение ребятни среди яблонь?

Я подняла голову от утоптанной сапогами узкой тропинки, ведущей к вековому высохшему дубу, и взглянула на Рока. Его голубые глаза больше не казались мне льдистыми. Я видела в них теплоту, в которой хотелось раствориться.

— Многое ты услышал?

— Достаточно, чтобы понять, что произошло.

Я кивнула, не желая продолжать эту тему. Она была слишком болезненной. Враждебность, с которой столкнулись одаренные, вызывала у меня злость. Я пыталась ее подавить, опасаясь, что она может принести беду, но бороться с собой — дело нелегкое и изматывающее.

— Нет, меня беспокоит волнение среди знати.

Взгляд скользнул по раскинувшемуся передо мною зеленому полю. Совсем скоро оно заколосится, а затем даст богатый урожай. Каждое зернышко, брошенное в землю, взойдет, превратится в символ жизни — горячий хлеб, согревающий зимой лучше огня в камине.

Что посеешь, то и пожнешь. К чему приведет наша война с кирками? Мое противостояние с вождями?

— Кто-то посмел восстать против тебя?

Рок спросил об этом как всегда ровно, но я уже научилась считывать его эмоции, скрывающиеся под маской спокойствия, поэтому легко поняла: он жаждал уничтожить того, кто поднял на меня меч.

Месть в исполнении Рока всегда была изящной, но беспощадной. То, что я делала, поддавшись чувствам, он совершил хладнокровно и обдуманно.

Возможно, мы хорошо уравновешивали недостатки друг друга.

— Пока нет. Но есть те, кто вносит смуту в головы людей.

— Почему?

Короткий обмен репликами заставил меня усмехнуться. Кажется, мы с Роком научились понимать друг друга с полуслова.

— Боятся одаренных и женщину на троне.

Рок нагнулся, сорвал травинку и задумчиво покрутил ее в пальцах свободной руки. Его взгляд не отрывался от чистого ясного горизонта. Крики детей, разговоры слуг, звуки скотного двора — все осталось позади. Здесь, среди поля, мы были одни.

Я ненадолго прикрыла глаза и втянула свежий весенний воздух. Рядом с Роком мне даже дышалось проще.

— Значит, недостаточно боятся.

Рок смял травинку и бросил ее под ноги. Я с легким недоумением смотрела на его бесстрастное лицо, силясь понять, что он имеет в виду.

— Рок, скажи прямо, — со вздохом попросила я.

— Ты пытаешься стать своей, Кара. Желаешь договориться с каждым по-хорошему, но правда заключается в том, что тебя не принимают. Никогда не примут.

— Прости?

Голос сел, поэтому вопрос прозвучал глухо, бесцветно.

Рок остановился. Левая рука легла мне на талию, вынуждая взглянуть ему в глаза, а правая все так же крепко сжимала мою ладонь. От близости сердце забилось чуть чаще, голову немного затуманило.

— Прежде тебя называли белой лисицей, теперь — ведьмой.

Прикосновения Рока обжигали, из-за чего туман в голове становился лишь плотнее. Я отвела взгляд и моргнула. Тревога, сжимающая сердце, чуть отступила.

Шум дня снова обрушился на меня, как будто я вынырнула на поверхность из толщи воды.

— Он не называл меня ведьмой, — твердо сказала я.

Рок пожал плечами и бережно, с затаенной нежностью приподнял пальцами мой подбородок. Наши взгляды снова встретились.

— Скоро назовет, Кара. Не он, так другие — те, кто решит, что ты слишком мягкосердечна, а значит, с тобой можно не считаться. Ты хочешь стать разменной монетой в чужих играх за власть?

— Этого не будет!

Злость, поднявшаяся в душе, как ураган, напугала даже меня саму. Ненадолго это отрезвило, заставило спастись пелену с глаз. Из-за нее мир еще мгновение назад казался багровым, залитым кровью.

— Ты же видела, как люди относятся к одаренным, — негромко, с вкрадчивыми, так ему присущими нотками продолжил Рок. — А тебя слишком тесно связывают с ними. Тебе не стать своей, Кара, перестань пытаться. Просто прими свою судьбу.

Мир разбился на осколки и рассыпался звоном разлетевшегося на камнях хрустала. Слова Рока, точно кинжал, пронзили грудь, вспороли едва затянувшуюся рану. Я стояла и глотала открытым ртом воздух, силясь

найти опору в бушующем море острых, черных, как ночь, чувств, что обрушились на меня.

Злость, обида, раздражение... Я словно снова была маленькой девочкой, за спиной которой шептались слуги. Я моргнула, и эта картина сменилась другой: теперь я видела Дора, в лицо которому ребятня бросала жестокие, наполненные злобой и страхом слова.

— И какая же у меня судьба? — с трудом разлепила я губы.

— Я уже говорил. Стать королевой, настоящей королевой, чью власть никто не посмеет оспорить.

Мир снова закружился перед глазами, и я тряхнула головой. Из прически выпала алая заколка и ярким пятном засверкала на зеленой траве, как большая капля крови. Я вздрогнула и подняла взгляд на Рока.

— Вар предложил другое решение, не такое прямо-линейное.

На лице Рока промелькнуло что-то темное, но слишком быстро, и я не смогла понять, что оно значит.

— Выбор за тобой, Кара, — склонив голову, сказал он. — Всегда.

Я кивнула. Держась за руки, мы в молчании дошли до старого дуба, грозящего сухими мертвыми ветками чистой синеве неба. Рок не мешал мне размышлять, за что я была ему благодарна. Лишь иногда он привлекал меня к себе и, глядя мне в лицо, словно спрашивая разрешения, крепко обнимал. В его руках, пахнущих горькой полынью, было тепло и спокойно. Я прикрывала глаза и падала в омут мыслей.

Выбор.

Мне нужно сделать выбор.
Когда я вернулась в покой, решение было принято.
Я достала из шкатулки стопку чистых листов. Рука
дрогнула, ненадолго мною вновь овладели сомнения,
но их прервал стук в дверь.

— Ваше Величество, вы хотели меня видеть?

Порог переступил Вар. Не глядя на него, я потянулась к чернильнице. Указ должен быть составлен немедленно. Я даже обойдусь без помощи Мира.

— Как зовут старшего сына вождя Камышовых Котов? — не отрываясь от письма, спросила я.

— Вет, — с удивлением ответил Вар и поправился: — Завет, завет предков, Ваше Величество.

Я ненадолго остановилась. Мои губы искривились в усмешке.

— Что ж, передайте Завету, что по указу королевы Кары на рассвете он будет публично казнен.

Вар смешался. На его уже немолодом лице недоумение сменилось тревогой и легкой опаской. Он даже сделал шаг назад, будто что-то его напугало.

— Ваше Величество, вы уверены?

— Более чем. Казнь будет показательной, никакой милости к смутьяну.

Вар осторожно переступил с ноги на ногу. Намеки он тоже понимал, но предпочел внести ясность:

— Четвертование?

— Да. — Рука дрогнула, капля чернил упала на лист. — Я же сказала, никакой милости. Пусть под пытками признается в измене и обвинении королевы в колдовстве. Люди должны знать, за что казнили сына вождя.

Больше вопросов не последовало. Вар терпеливо дождался, пока я закончу с указом. После чего осторожно, будто боясь обжечься, взял в руки документ и бесшумно исчез за дверью.

Я откинулась на спинку стула. Все сомнения, что терзали сердце, отступили.

На душе должно было стать легко и спокойно, но вместо этого она погрузилась во мрак, единственным маяком света в котором был Рок.

Глава 15

В эндилие одним из главных элементов, обеспечивающих победу, является время.

— Мы обязаны закрепиться в порту, — задумчиво проговорила я, склонившись над картой. — Город наш, но кирки могут вернуться.

Недавнее сражение никак не шло из головы. Нам удалось разгромить войско кирков, стянутое к приграничному городу возле моря. Но цена за успех оказалась высокой — мы потеряли большую часть одаренных.

— Вам нужны еще люди с талантами.

Голос Рока, стоявшего за моей спиной, заставил вздрогнуть, отогнать от себя картину кровавой схватки, о которой я, даже не присутствуя на поле боя, знала все до мельчайших подробностей — гонцы не жалели лошадей. Вести долетали до меня очень быстро.

— Да, но их поселения тяжело найти. Одаренные слишком хорошо научились прятаться.

Я потерла уставшие глаза. В них словно песок насыпали. За окном уже давно стемнело. Разложенную на столе карту освещали отблески камина и пляшущий огонь свечи.

С тех пор как перестала советоваться с вождями и начала принимать решения единолично, я часто приносила документы в спальню. Здесь мне думалось легче, чем в покоях, которые слишком отчетливо напоминали об отце. Иногда я спрашивала себя: был бы он мною доволен? Но такие мысли приносили лишь горечь, ведь я знала: отец считал, что предназначение женщины — рожать и орудовать иглой для вышивки. Так что я старалась поменьше думать об этом.

Прошлое должно оставаться в прошлом. Его оковы мешают двигаться дальше.

— Кара, вы знаете, что нам поможет.

Я досадливо поморщилась. Вот уже на протяжении нескольких дней мы снова и снова возвращались к теме, которую мне хотелось бы закрыть.

— Выжечь землю кирков? Сделать ее мертвой и неспособной дать урожай?

— Да.

Я — уже не знаю, в который раз за эти дни, — покачала головой.

— Во времена голода, Рок, первыми страдают женщины и дети. Именно их перестают кормить, а вовсе не воинов.

— И все же голод ослабит кирков. Они не смогут нам противостоять.

Голос Рока звучал спокойно, а само предложение было разумным, но все внутри меня сопротивлялось такому решению. Война сама по себе разрушительна и ужасна. Я не хотела, чтобы на ее алтарь легло жертв больше, чем того требовали обстоятельства.

— Мы справимся и без этого. Я уже отправила на поиски одаренных своих людей. Да и весть о том, что в столице с распростертыми объятиями принимают бывших изгоев, разнеслась по королевству. Немного терпения, и численность нашей армии возрастет.

Рок молча склонил голову, словно отступая. Он всегда так делал в спорах: показывал, что последнее слово за мной. Только я принимала решения. Именно на мои плечи падало бремя ответственности за тот или иной выбор.

Стоило мне об этом подумать, как рука Рока легла мне на талию. Я обернулась. Лицо мужа оказалось совсем рядом. Он склонился, сокращая то небольшое расстояние, что нас разделяло. Щеки коснулись его теплое дыхание, и по спине пробежали мурашки. Близость Рока всегда отзывалась в теле волнением — часто приятным, но иногда, как сейчас, полным напряженного ожидания и предчувствия опасности.

— Ты не одна, — негромко сказал Рок. Он чуть сдвинулся, его губы задели мочку моего уха, послав по телу волну сладкой дрожи. — Не хочу, чтобы ты забывала об этом. Ты всегда можешь положиться на меня.

Я прислонилась лбом к груди Рока и рвано выдохнула. Ощущение опасности схлынуло.

— Я знаю, — с благодарностью откликнулась я. — Знаю.

В воцарившейся тишине, нарушаемой лишь уютным потрескиванием камина и шипением свечи в латунном подсвечнике, я уловила дыхание Рока — мерное, ровное. И ненадолго прикрыла глаза, черпая силу в его спокойствии.

Что, если он прав? Что, если за мое мягкое сердечие заплатят другие?

— Если позволишь, я лично отправлюсь на поиски поселений одаренных. Я найду и приведу новых людей, чего бы мне это ни стоило.

Я резко отстранилась от Рока, чтобы поймать его взгляд. В нем давно не было льда, так напугавшего меня в первую встречу. Все чаще в глазах Рока я замечала пламя — его жар согревал мое озябшее сердце.

А оно, все сильнее погружаясь в холод, нуждалось в огне.

— Слишком опасно, — после короткой заминки ответила я и с нежностью провела по щеке Рока. Он втянул носом воздух, словно даже такая простая ласка взволновала его. — Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Не случится, — уверенно ответил он, перехватывая мою ладонь и поднося ее к своим губам. — Я вижу будущее, это позволит избежать многих бед.

Страх сдавил грудь так сильно, что стало тяжело дышать. Отпускать Рока мне отчаянно не хотелось. Я слишком сильно нуждалась в нем. Он стал той единственной опорой, которая давала мне силу. Убери ее и... что будет со мной?

Будто почувствовав мои колебания, Рок первым нарушил молчание:

— Я приведу одаренных. Тебе не придется выжигать земли кирков.

Обещание было дано так спокойно, что я не сомневалась: Рок его выполнит. Он всегда держал слово.

Облегчение смешалось с сомнением. Казалось, предложение Рока должно было снять груз с души, но вместо этого я лишь еще больше усомнилась в своем выборе. Ворох мыслей взметнулся, как стая черных ворон, когда стук в дверь нарушил наше с Роком единение.

Я еще не переодевалась ко сну, поэтому коротко бросила:

— Войдите.

За порогом оказался Мир. Он поклонился сначала мне, затем моему мужу.

— Ваше Величество, пришел воз с ранеными. Вы велели...

Я на мгновение замерла. Дыхание перехватило, поэтому вопрос прозвучал сдавленно, хрипло:

— Мальчишка?..

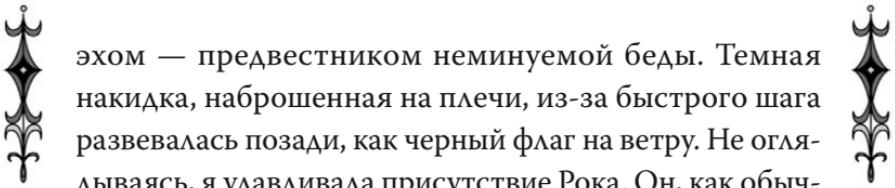
Мгновение показалось вечностью. Я неотрывно смотрела в лицо Мира, моля о том, чтобы с его губ сорвался тот ответ, на который я надеялась.

— Жив, но очень плох. Я только поэтому осмелился потревожить вас в такой поздний час.

Напряжение, все это время державшее меня в тисках, чуть ослабло. Я кивнула, уже толком не слушая Мира. Словно в полусне, закуталась в накидку и потребовала:

— Веди к нему.

Перестук каблуков по каменному полу разлетался по темным коридорам спящего замка зловещим

эхом — предвестником неминуемой беды. Темная накидка, наброшенная на плечи, из-за быстрого шага развевалась позади, как черный флаг на ветру. Не оглядываясь, я улавливала присутствие Рока. Он, как обычно, держался за моей спиной. Впереди шел Мир, указывая дорогу. Свеча в его руке лишь немного разгоняла ночную тьму. Ее отблески порождали пляшущие тени, сплетающиеся в пугающую вязь причудливого рисунка.

Еще до того, как до меня донеслись сдавленные, полные боли и страданий стоны, я ощутила Дора. Не так ярко, как прежде, словно его дар из сильного, взмывающего ввысь пламени превратился в невысокий, дрожащий на сквозняке огонь, но достаточно отчетливо, чтобы обогнать Мира и безошибочно угадать нужную дверь. Я уверенно толкнула ее.

В комнате было душно из-за жарко натопленного камина. Пахло кровью, отчаянием и скорым концом. На кровати в углу лежал Дор, возле его ног сжалась Чайка. Ей я не удивилась — она, как и я, чувствовала чужой дар и пришла на него. А вот сосредоточенный вид Рони, которая чуть поодаль подавала Мудрецу какой-то мелко растертым порошком в ступке, заставил ненадолго замереть на пороге и лишь затем пересечь комнату, чтобы оказаться возле постели.

— Что ты здесь делаешь?

Вопрос, обращенный к сестре, прозвучал излишне резко.

— Помогаю, — мрачно ответила Рони. — Меня разбудил шум за окном. А потом я увидела Дора в телеге...

Ее голос дрогнул, она отвела взгляд. Пальцы крепче обхватили ступку, словно та была якорем, удерживающим на плаву.

— Ее Высочество пожелала присутствовать, — торопливо вмешался Мудрец и, будто опасаясь моей реакции, быстро добавил: — Я не видел причин для отказа.

Я не удостоила лекаря даже взглядом. Чувствовала исходящие от него волны страха. После казни Вета в интонациях Мудреца, как и в интонациях большинства придворных, появились раздраждающие меня подобострастные нотки.

Я посмотрела на Дора. На бледном, изможденном лице сверкали капли пота. Его тело сотрясал жар, а сам он метался в бреду. В нескольких местах повязки потемнели и набухли от крови. От них смердело чем-то гнилым — меткой смерти.

— Смелый мальчишка.

Я резко обернулась. В дверном проеме, опираясь на костыль, стоял отец Чайки — Глас. Даже не ощущая его природы, похожей на мою, я бы и так поняла, что со мной заговорил кто-то из одаренных. Только они теперь обращались ко мне без затаенного, как перед чудовищем, ужаса.

— Не смелый, а глупый! — в сердцах бросила я. — Ему было запрещено покидать замок.

Память услужливо подсунула то утро, когда я узнала, что Дор сбежал вместе с войском. Я с трудом подавила раздражение. Упертый баран, а не мальчишка!

— Ну, он послушался, — усмехнулся Глас и серьезно добавил: — И спас всех нас. Без него, Ваше Величество,

не одержали бы мы победу. Его огонь спалил добрую часть кирков. Даже когда его тощую тушку нашпиговали стрелами, он не отступил.

— Сражался, пока не свалился в беспамятстве? — тихо спросила я и присела рядом с Дором.

Ко мне под бок тут же пристроилась Чайка. Я рассиянно быстро провела рукой по ее волосам. Девочка зажмурилась от удовольствия и разве что не замурчала.

— Да, Ваше Величество.

Моя ладонь легла на горячий лоб Дора. Мальчишка слишком хотел жить, он дрался со Смертью так же отчаянно, как с кирками, отвоевывая у нее каждое мгновение. Те самые мгновения, что помогли ему продержаться до возвращения в замок.

— Все вон, — негромко, но жестко потребовала я. — Глас, я зайду к вам позже, не ложитесь.

Рана отца Чайки не вызывала беспокойства. Она затянутся и без моей помощи, но оставит мужчине на память о себе хромоту. В моих силах было это изменить.

Первым комнату покинул Мир, за ним — Мудрец. Глас поманил Чайку и, дождавшись, когда та неохотно отлипнет от меня, тоже растворился в темноте коридора. Я вопросительно взглянула на Рони.

— Нет! — решительно сказала она. — Я останусь.

Сестра подошла ближе и уселась с другой стороны постели. Ее ладонь сжала ладонь Дора с таким отчаянием, что я впервые задумалась, не связывает ли этих двоих нечто большее, чем просто дружба. Но размышлять об этом было не время. Зловонное дыхание смерти уже опалило щеку Дора.

Словно подслушав мои мысли, Рок бесшумно прикрыл дверь, а затем опустился на стул у стены и, скрестив ноги в лодыжках, принялся ждать. В его движениях не было суеты, лишь уверенность, вселяющая надежду.

Я, по-прежнему не отнимая руки ото лба Дора, прикрыла глаза, чтобы с размаху упасть в темноту. Она пульсировала алым — средоточием нитей, многие из которых уже осипались черным пеплом. Промелькнула мысль, что Рони впервые увидит, как я применяю дар, а значит, скрываться у меня больше не получится. Но я и не хотела продолжать прятаться. Не перед семьей.

Сделав глубокий вдох, я устремилась туда, где проплещина в узоре нитей чернела особенно отчетливо. Дыр было много. Так много, что я на короткий миг даже испугалась, подумав, что не справлюсь. Сомнения почти тут же уступили место злости.

Никто не посмеет отобрать у меня то, что я не готова отдать.

Тьма и жар дохнули в лицо, будто кто-то отодвинул заслонку в печи. Я почувствовала такое впервые. Наверное, виной всему — талант Дора. Мальчишка будто и сам состоял из язычков пламени: тех, которые сейчас меня опаляли. Я собралась с силами, стараясь полностью отрешиться от всего, что отвлекало. Перед внутренним взором предстали картинки из трактата, который я недавно читала, и это позволило быстрее, куда быстрее, чем раньше, найти нужную нить. Вцепившись в кончик, я осторожно потянула за нее, наматывая на себя, как если бы распутывала клубок.

Латать пришлось медленно, осторожно, постоянно отвлекаясь на зловонное тление отдельных нитей. Черный пепел был ощутим настолько, что казалось, еще немного, и я задохнусь: он пробирался в ноздри, оседал в горле, когда я пыталась сделать вдох открытым ртом.

Время стало тягучим, как горячая карамель. Мгновения превратились в часы, а часы — в вечность. Когда я убрала руку со лба Дора и открыла глаза, дыхание мальчишки из прерывистого, надрывного стало спокойным и ровным. Тело прекратило гореть, лихорадка отступила. Я отодвинула одну повязку, чтобы убедиться: рана под ней почти затянулась.

Я подняла взгляд и встретилась с широко распахнутыми глазами Рони. Она смотрела на меня чуть настороженно, возможно даже отрешенно, но не испуганно. На дне ее карих глаз плясал огонек тревоги.

— Я догадывалась, — тихо проговорила Рони. — Но боялась спросить.

Я закусила щеку изнутри так сильно, что ощутила соленый привкус крови. В комнате повисла невыносимо долгая пауза.

— Это я, Рони, — не выдержав неопределенности, сказала я и протянула руку. — Всегда ею была.

В этом простом признании смысла было больше, чем в пространных речах. Я не знала, что еще можно добавить, поэтому просто ждала. Сердце забилось громче, сильнее.

Страх — какой-то совершенно новый, которого я прежде не знала, — проткнул сердце, словно кинжалом. Звуки стали глушше, я будто ушла под воду. И вы-

нырнула в тот миг, когда Рони, не колеблясь, ухватила мою ладонь.

— Я знаю, — уверенно ответила она, сплетая наши пальцы. — Наверное, всегда знала.

— Боишься меня?

Рок, Дор, я сама... Каждого одаренного волновал лишь один вопрос.

Рони улыбнулась и покачала головой. Она повторила то, что я уже однажды от нее слышала:

— Тебя — нет.

Звуки и краски вновь стали четкими. Я задышала часто, жадно, будто и правда оказалась на поверхности после того, как едва не утонула. Краем глаза я заметила, что Рок поднялся со своего места и оказался за моей спиной. Его рука легла мне на плечо, успокаивая, безмолвно поддерживая. В этот миг я особенно ясно поняла: все, что я делала, было не зря. Мне еще предстоит совершить много такого, что, возможно, придется не по душе. Но теперь я знала: у всего есть цена. Вопрос в том, готова ли я заплатить или нет.

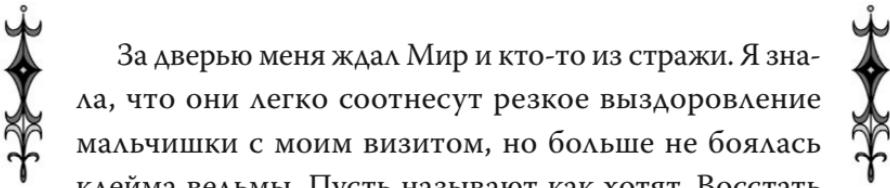
Выбор. Снова выбор. Но ведь я уже знаю, какая чаша весов потянемся вниз, верно?

— Мне пора, — негромко проговорила я. — Побудь с Дором. Не хочу, чтобы он проснулся в одиночестве.

Рони серьезно кивнула.

— Конечно. Я и не собиралась оставлять его.

Дружба или нечто большее? Я снова задала себе этот вопрос, кидая на сестру задумчивый взгляд. Рони не заметила моего любопытства. Она была всецело поглощена Дором.

За дверью меня ждал Мир и кто-то из стражи. Я знала, что они легко соотнесут резкое выздоровление мальчишки с моим визитом, но больше не боялась клейма ведьмы. Пусть называют как хотят. Восстать они побоятся, а чужие перешептывания больше меня не трогали.

Рок прав. Я все равно никогда не стану своей. А раз так, не стоит и пытаться.

Шорох шагов по коридору, тени по углам, дыхание Рока за спиной — все ощущалось одновременно и остро, и притупленно. Я ненадолго нахмурилась. Уже чувствовала недавно что-то подобное.

Мысли поразительно чистые, четкие и в то же время слегка подернуты дымкой. Я словно балансировала на грани сна и яви. Потерла ноющие виски, тряхнула головой — не помогло.

— Кара, дети уже пострадали. — Голос Рока звучал чуть более глухо, чем обычно. — Ты не думаешь, что невинные и без того так или иначе втянуты в эту войну?

Перед глазами встало измученное лицо Дора, а затем испуганное — Рони. Да, все верно. Дети, они всего лишь дети. И несмотря на все мое стремление оградить их от бед, они все равно заплатили свою цену в этой войне.

— В твоих силах все изменить.

Я могу прекратить мучения. Это будет похоже на удар меча — больно, резко, но так лучше, чем отрезать живую плоть по кусочкам. Уж я-то знала.

— Жертв не избежать, — пробормотала я.

И скорее почувствовала, чем увидела кивок Рока. В его интонациях снова прорезалась вкрадчивость, о которой я иногда забывала.

— Единственное, что точно принесет освобождение от страданий, — окончание войны.

Мне вдруг вспомнился боров в свинарнике. Как я стояла над ним и думала, что быстрая смерть — это тоже своего рода милосердие. Только такое милосердие и остается в войне — жестокой и бессмысленной бойне.

Я больше не хотела никого хоронить, не хотела никого лечить от ран. Я жаждала одного — чтобы все это закончилось. И могла поставить точку в истории, написанной кровью, прямо сейчас.

Никто из моих близких больше не пострадает.

Решение было принято. Я вынырнула из темных, пропитанных ядом мыслей и удивленно моргнула. Как давно я стою на краю поля возле высохшего дуба? Если бы не присутствие мужа рядом, я бы испугалась, отшатнулась от выступающих над землей толстых вековых корней дерева. Но ощущение руки Рока на талии, как всегда, придало уверенности и силы.

Пути назад нет.

Мысль показалась мне чужой, но всего на мгновение. Конечно, дороги назад нет. Я это знаю.

Медленно, очень медленно я опустилась на колени. Ладони легли на траву, а пальцы вспороли землю. Она забилась под ногти, поцарапала кожу, но я этого почти не почувствовала. Я уже падала в ту темноту, которую не мог развеять свет звезд на небе. Оказавшись

в этой черноте — пугающей, непривычно холодной — я в ужасе оглянулась.

— Я не понимаю, куда идти! — вырвалось у меня.

— Вовсе нет, — коснулся уха шепот Рока. — Ты знаешь, что делать. Доверься дару.

Я втянула носом воздух, сосредоточилась. В темноте простирали нити. Они были зеленого цвета и не пульсировали так сильно, как я привыкла, но пронизывали всю землю и уходили далеко за горизонт. Туда, где я лишь мельком могла что-то уловить внутренним взором.

В сердце заполз страх — липкий и раздражающий.

— Ты знаешь, что делать.

И я потянулась к этим далеким нитям — всем сердцем, душой. Они, словно услышав мой зов, открылись мне навстречу. На мгновение я заколебалась. Затопившее меня чувство гармонии, единства со всем живым было прекрасно. Я впервые ощущила себя лишь песчинкой в пустыне, крошечной частью чего-то понастоящему большого.

— Кара...

Рок напомнил о себе нетерпеливо, с легкой тревогой. Собравшись с духом, я сделала то, что отзывалось болью в теле и душе. Принялась разрывать нити — те, что были далеко от меня, те, что доверчиво потянулись, когда я позвала их.

Это было так странно. Частью разума я понимала, что делаю, но в то же время будто видела себя со стороны. Я, стоя на коленях, зарываюсь руками в землю. Пальцами нащупываю невидимые нити, тяну за них и добираюсь до тех, что пронзают земли кирков.

Земля, звери, люди — для моего дара все было едино. Все сплетено в узор, главное — найти нужные узлы. Я, не открывая глаз, видела, что по ту сторону границы вражеская земля начинает иссыхать. Как хищный зверь, вышедший на охоту, нутром чуяла, где заканчивается моя территория и начинается чужая. Сожженные нити наполняли меня каким-то жадным торжеством, ненасытностью. Я, словно в забытьи, рассмеялась и ухнула в темноту еще глубже. Она больше не пугала, нет. Она стала частью меня.

Дойти до дна и оттолкнуться? А может быть, и не отталкиваться вовсе?

— Кара, возвращайся! — В голосе Рока зазвучала тщательно скрываемая паника. — Кара!

Я снова рассмеялась — счастливо, как сумасшедшая. Жизнь больше не казалась мне привлекательной. В смерти столько очарования. Что, если разорвать еще больше нитей?

— Кара, ты затронешь наши земли!

Ну и что с того? Это ведь так весело!

Я тонула в вязкой, густой, как болото, тьме. Она текла в моих венах вместо крови, заполняла зрачки. Я теряла себя, не понимала, кто я и что делаю.

А возможно, наконец-то, наоборот, обрела смысл жизни.

— Кара!

Я почувствовала, что кто-то трясет меня. Смутно ощутила пощечину, затем — горячий, полный отчаяния поцелуй. Кто-то звал меня с того берега, но не мог дозваться. Вместо этого он и сам падал в бушующий океан мрака.

В Роке было слишком много тьмы. Он не мог ей противостоять.

Обнявшись, мы летели в бездну. Такой конец был бы логичен для нас обоих.

И вдруг что-то яркое, наполненное светом и жаром вторглось во тьму. Миг — и меня поволокло наверх, а вместе со мной и Рока.

Открыв глаза, я тяжело дышала. И не сразу поняла, что лежу под звездным небом на зеленой траве. Надо мной высился высохший дуб. Его ветки ненадолго заслонила собой голова Чайки. Ее рыжие волосы были растрепаны и кое-где будто стояли дыбом. В глазах девочки впервые сверкала... злость.

— Спасибо, — проговорила я и закашлялась: в горле першило. — Как ты догадалась?

Девочка встала с колен, отряхнула юбку и, не смотря на нас, направилась к замку. От ее взгляда, брошенного через плечо, мне стало не по себе. Казалось, со мной только что попрощались, с сожалением вычеркнув из своей жизни.

Черта пересечена. Обратного пути нет.

Где-то вдалеке будто бы раздался протяжный женский плач. Я даже огляделась — никого. Только мы с Роком.

— Кара, как ты?

Я скжала кулаки, впилась ногтями в кожу. Это немножко отрезвило, позволило прийти в себя. Женский плач смешался с детским криком и истаял в ночи. Я, будто после долгой разлуки, посмотрела сначала на мертвый дуб, затем — на Рока. Его лицо исказила тревога.

— Все хорошо, — хрипло ответила я и закашляла. Казалось, пепел еще стоит в горле. — Не думала, что это будет настолько тяжело.

С севера дохнуло резким злым ветром. Он забрался под ткань мужской рубашки, что я носила, и заставил зябко повести плечами. Накидку я благополучно где-то потеряла.

Рок, заметив, что я замерзла, снял с себя плащ и набросил на меня. А затем абсолютно естественным, бесконечно родным жестом притянул к себе. Я уткнулась ему в шею. Его голос тоже звучал хрипло. И непривычно взъединованно.

— Ты шагнула далеко за грань своих сил. Вернее, той части, что используешь.

— Что ты имеешь в виду?

— Помнишь, я говорил тебе, что ты не осознаешь своей силы? Сегодняшний вечер тому доказательство. Ты можешь больше, гораздо больше того, что обычно себе позволяешь.

Могу гораздо больше...

— Ты королева, Кара. Истинная королева, пред которой падет на колени весь мир.

Я не была уверена, что мне нужен весь мир. Но прозвучало это с таким трепетом, неприкрытым восхищением и затаенным страхом, что я лишь молча кивнула. Пусть будет так. Иногда я тоже уступала Року, не желая спорить.

Прежде чем вернуться в замок, мы еще какое-то время постояли рядом с дубом — символом моего начала и конца, символом моего перерождения. В при-

косновении к некогда живому теплому стволу, а нынче иссохшему, местами рассыпающемуся в труху, я черпала странное, пугающее спокойствие, будто часть моей души тоже задубела. И теперь жаждала, чтобы мир вокруг стал таким же — простым и понятным.

Ощущив под пальцами неровности коры, я усмехнулась. Только сейчас наконец-то осознала то, о чем давно, еще в самом начале нашего знакомства говорил Рок: в смерти есть своя красота, завораживающая и притягательная.

Глава 16

Если одна из сторон совершает грубую ошибку, партия, как правило, быстро заканчивается.

**1488 год, 9-й месяц, королевский замок
Тринадцати кланов**

Я в ужасе отбросила прочитанное письмо, будто ядовитую змею. Каждое слово в нем жалило и впивалось в сердце острыми клыками.

«Ваше Величество, счастлив сообщить, что Ваше приказание выполнено. Смею надеяться...»

Я прижала кончики пальцев к пульсирующим болью вискам, застонала и уронила голову на стол.

«Касательно судьбы мальчика...»

«Жду ваших дальнейших распоряжений!»

«Тело спрятано в реке».

Мне пришлось засунуть кулак в рот и укусить себя за побелевшие костяшки пальцев, чтобы сдержать

рвущийся наружу крик. Как я могла отдать приказ об убийстве Надежды, вдовы Воина? Когда?!

Память услужливо подбросила этот момент, почему-то подернутый дымкой, словно все происходило во сне.

— Ваше Величество, желали меня видеть?

— Вар, проходите. У меня для вас поручение. О ком-то whom никто не должен знать.

— Польщен вашим доверием, Ваше Величество!

Нужно снова кого-то спрятать или спасти от костра?

— Напротив. Я хочу, чтобы вы убили тех, кого уже спасли.

— Простите?

— Вы не слышали. Избавьтесь от вдовы Воина и его сына. Детали меня не волнуют.

Вар бледнеет, кусает губы, но молча кивает. Тяжело встает со стула и, поклонившись, идет к двери. Он хватается за ручку, и что-то, не дающее мне покоя, какая-то напряженная внутренняя борьба резко обрывается. Я окликаю Вара:

— Стойте!

— Ваше Величество? — Он в удивлении оборачивается и смотрит из-под нахмуренных бровей, опасливо и настороженно.

— Не трогайте ребенка, — шиплю я. Слова даются с трудом, будто ради каждого из них мне приходится разбирать каменный завал в сознании.

— Но вы же только что...

— Не... трогайте... ребенка... — Слова произносить все тяжелее.

Я хватаюсь за край стола и сжимаю его так сильно, что кажется, дерево вот-вот треснет.

Вар бледнеет еще больше. Его пугает мое поведение — я это вижу. В то же время, похоже, от меня исходит какая-то сила, потому что он не решается спорить и поспешно выскальзывает за порог, как старая борзая, получившая взбучку от хозяина.

Я еще долго тяжело дышу, затем моргаю и обыденно приступаю к делам.

Я распрямилась на стуле и откинулась на его спинку. В воспоминании было что-то не то, но я никак не могла понять, что именно. Не могла вспомнить, почему приняла такое решение. Что мною руководило?

Стук в дверь заставил нервно вздрогнуть. Взгляд метнулся к порогу.

— Кара, можно к тебе?

Рони непривычно робко заглянула в образовавшийся проем, не решаясь зайти в покой.

— Конечно. — Мой голос звучал глухо и болезненно. Я прочистила горло и натянуто улыбнулась. — Что привело тебя ко мне?

— Хотела узнать, как ты. — Рони осторожно отодвинула стул напротив стола и опустилась на него. — Последнее время ты выглядишь... странно.

— У меня просто много забот, — отмахнулась я.

— Но ведь мы выиграли войну, — неуверенно произнесла Рони.

Я помолчала, внимательно рассматривая сестру. Небесно-синее платье оттеняло ее каштановые волосы, забранные в косу, — символ женского старшинства

в семье. Теперь именно ей приходилось носить эту прическу, позабыв о свободе распущеных прядей.

Я чуть опустила взгляд и всмотрелась в лицо Рони: под тревожно блестящими карими глазами залегли темно-синие тени. Я куснула губу. Рони что-то беспокоило.

— Да, — как можно мягче ответила я. — Войну уже можно считать оконченной. Кирки оказались не готовы к натиску одаренных. Им нечего было противопоставить их мощи.

— Мы заключим мир? — Голос Рони дрогнул от волнения.

— Конечно, — твердо сказала я. — Сегодня в замок прибыл сын короля кирков со свитой. Уже совсем скоро, — я мельком взглянула на часы, убеждаясь в своей правоте, — состоится наша встреча. Мы обсудим условия договора и подпишем его.

— И ты... перестанешь быть такой странной?

— Прости? — Я удивленно моргнула.

Рони встала, обошла стол и, взяв меня за руку, прислонилась щекой к моему плечу.

— Кара, ты изменилась.

— Конечно, изменилась, — вздохнула я, поглаживая макушку сестры. — Я же теперь королева.

— Нет, не в этом дело. — Рони замялась, она, кажется, не знала, как облечь в слова свои мысли. — Ты... это словно не ты. Временами...

«Избавьтесь от вдовы Война и его сына. Детали меня не волнуют».

Меня бросило в холодный пот, мерзкий и липкий. Я судорожно стлотнула.

— Ты принимаешь все близко к сердцу, — растерянно сказала я.

— Шуте тоже так кажется. И Дору. Он совсем перестал забегать сюда.

— Милая, он просто слишком занят, — попыталась поспорить я.

Рони подняла на меня серьезные глаза, поджала губы и покачала головой.

— Чайка больше не приходит греться о твой дар.

— Тс-с! — Я приложила палец к губам. — Помнишь, о чем мы говорили? Не стоит так громко распространяться о моем таланте.

— Все равно все уже знают.

— Они лишь догадываются, — поправила я. — Я в этом никогда не признавалась.

Рони склонила голову, рассматривая меня. Ее ладошка сжимала мою ладонь, и к горлу подкатил мокрый ком.

— Рони, я...

— Ваше Величество! — В покой заглянул мой личный помощник и секретарь. — В церемониальном зале все готово. Делегация кирков уже ждет вас.

— Спасибо, Мир, — поблагодарила я и снова повернулась к сестре. — Рони, мне нужно идти, но после... После мы обязательно вернемся к этому разговору.

Я нежно поцеловала ее в лоб и, поправив свой мужской костюм, направилась к двери.

— Вы прекрасно выглядите, Кара. Черный цвет вам к лицу.

Бархатистый голос Рока, присоединившегося ко мне, заставил вынырнуть из тяжелых мыслей и чуть приподнять уголки губ в улыбке.

— Благодарю, — склонив голову и украдкой рассматривая его роскошный наряд из темно-фиолетового бархата, сказала я. — Вынуждена вернуть вам комплимент.

Рок усмехнулся и с достоинством кивнул. Я невольно залюбовалась им. Высокий, сильный, стройный. Атмосфера властиности, витавшая вокруг него и в первый день нашего знакомства, укрепилась и расцвела. Сматывая в его глубокие, пронзительно-голубого цвета глаза, я чувствовала себя уверенной и защищенной. Мне есть на кого опереться. У меня есть человек, которому можно доверять.

Двери церемониального зала распахнулись, и мы с Роком первыми ступили на дорожку, ведущую к трону. Возле него уже застыла делегация кирков, присланных с дипломатической миссией. Я заприметила Ворона — первого принца и наследника — и чуть склонила голову, обозначая приветствие. Тот, поспешно и явно волнуясь, ответил на мой жест легким поклоном. Чуть поодаль, настороженно и немного брезгливо поглядывая на врагов, стояли вожди кланов со своими старшими сыновьями.

Ступая к трону под руку с Роком, я раздумывала о деталях договора. Я сама попросила мужа присутствовать сегодня на обсуждении, надеясь, что его умение слышать мысли поможет мне сделать верный выбор. Вожди настаивали на продолжении войны, желая разгромить врага на его территории и захватить

между делом еще парочку морских городов. Я не видела в этом смысла. В моем сердце жила надежда, что все закончится сегодня. Сейчас.

Несмотря на силу одаренных, мы потеряли много людей, и я больше не желала никого хоронить.

— Ворон боится вас, Кара, — наклонившись ко мне, шепотом сказал Рок. В его голосе слышалось плохо скрываемое торжество.

— Не он один, — тихо ответила я и взглянула в сторону вождей.

— Страх — лучший гарант верности вассалов, — пожал плечами Рок.

Верность.

Внезапно я вспомнила, как по совету Рока отправила на казнь кое-кого из влиятельных людей кланов. Тогда это решение далось мне тяжело, но я верила, что оно необходимо. Сейчас мне почему-то так уже не казалось...

«Как странно...»

Сознание снова заволокло дымкой, и я быстро-быстро заморгала, стараясь скинуть пелену, застилавшую глаза.

«Ты изменилась, Кара», — вспомнила я слова Рони.

Все еще пытаясь поймать ускользающую мысль, я опустилась на трон, к которому ради сегодняшней встречи придвинули длинный массивный стол с чередой стульев. Рок сел по левую руку от меня. На противоположном конце стола замер Ворон. Он же и начал разговор:

— Ваше Величество, мы счастливы, что можем обсудить условия мирного соглашения.

— Еще бы! — буркнул один из вождей и тут же зашлялся, поймав мой ледяной взгляд.

— Заверяю вас, Ваше Высочество, мы тоже рады этой встрече, — твердо сказала я.

После нескольких словесных реверансов мы наконец приступили к делу. Почти сразу выяснилось, что мирное соглашение под угрозой срыва, поскольку кирки отказываются выплатить контрибуцию.

— Мы просим об отсрочке, — терпеливо повторял Ворон. — В этом году на нас обрушился страшный неурожай. Люди на грани голода, амбары пустеют, а тут еще набеги вашей победоносной армии...

— Что? — рявкнул вождь клана Диких Кабанов. — Так это мы виноваты?!

Я уже пожалела, что разрешила вождям присутствовать на обсуждении. Надо было решить все вдвоем с Вороном. Конечно, это вызвало бы недовольство, но мне не привыкать. Я со злорадным удовольствием поправила высокий ворот мужской рубашки. Теперь я одевалась исключительно в мужское и получала особое удовольствие от своей дерзости.

— Конечно, я не это имел в виду, — тут же сказал Ворон. Он говорил достаточно чисто, но едва уловимый акцент все равно чувствовался. — Но вы должны понять... Контрибуция заставит наших людей голодать. Мы просим о милосердии.

— Давно ли вы о нем вспомнили? Вы первые напали на нас!

Ворону нечего было на это ответить, и он молча посмотрел на меня, призывая вмешаться. Я молчала, задумчиво постукивая кончиками пальцев по губам.

— Мы говорим всего лишь об отсрочке, — вновь напомнил он. — В следующем году, когда хворь, сковавшая нашу плодородную землю, спадет, мы выплатим вам все положенное.

Я искоса посмотрела на Рока. Тот казался равнодушным. Заметив мой взгляд, он чуть приподнял уголки губ.

Я вновь повернулась к Ворону и нахмурилась. Едва ли в следующем году земля кирков даст хороший урожай. Я хорошо постаралась, выжигая ее изнутри. Даже не уверена, что смогла бы все восстановить, возникну у меня такое желание.

А оно возникало. Смутное, неясное, тревожно вспыхивающее, как огонек в ночи.

Я снова начала сомневаться в необходимости своего прежнего решения. Зачем я это сделала, если мы и так побеждали в войне?

Воспоминания, подернутые рябью, закружились в голове, заплясали, как незамужние девушки под бой барабанов на вечернем костре. Мысли мелькали все быстрее и быстрее, от их круговорота меня бросило в жар и замутило. Я прикрыла глаза.

— Кара, все в порядке? — Рок встревоженно коснулся моей руки.

Я метнула взгляд через стол. Ворон и его советник ожесточенно спорили с двумя наиболее агрессивно настроенными вождями кланов. Кажется, разговор становился все жарче и грозил вот-вот выйти из-под контроля. Что ж, зато на меня никто не обращает внимания.

— Да, просто ненадолго потемнело в глазах, — солгала я. — Всего лишь усталость.

— Вам нужно больше отдыхать, — мягко сказал он, обхватывая мою ладонь своей.

— Верно, — согласилась я, всматриваясь в наши сплетенные пальцы.

Это напомнило мне недавнюю сцену в приемной. Рони тоже сжимала мою ладонь. Я снова нахмурилась.

— О чем думает Ворон? — тихо и деловито спросила я.

Рок искоса посмотрел на наследного принца и наклонился к моему уху.

— Он не желает мира, Кара. Подпишете договор — и получите притаившегося врага, готового укусить в любой момент.

— Что же вы советуете? — медленно спросила я.

— Вы и так это знаете, Кара.

В задумчивости я кивнула и посмотрела на Ворона. Я могу не согласиться на мирный договор, раз он лишь навредит моим людям, но будет ли этого достаточно?

Я склонила голову набок, на мгновение прикрыла глаза, а когда распахнула их, смотрела уже иным зрением. Меня окружила темнота, но она не была сплошной. В ней сияло множество пульсирующих жизнью нитей. Я осторожно и медленно обходила их. Мое внимание приковала лишь одна паутина.

Сердце Ворона затрепетало и забилось сильнее. Он словно чувствовал, что в опасности. Мысленно я коснулась его артерий, чуть сжимая их. Ворон закашлялся и коротко извинился.

Это было бы так просто. Разорвать нити и смотреть, как они черным пеплом растворяются в темноте. Я потянулась к одной из них и... замерла.

«Что я делаю?»

Кирки готовы подписать мирный договор. Даже если Ворон что-то задумал, у меня будет время разобраться с ним. Внезапная смерть наследного принца за столом переговоров навсегда рассорит две наши страны.

«Зачем?»

Я тряхнула головой, возвращаясь в реальность.

— Кара? — с тревогой спросил Рок.

— Я не понимаю...

Растерянность заполнила мою душу, и вместе с ней ползло желание расправиться с Вороном прямо сейчас. На разум снова опустилась дымка — я видела все как в тумане.

Уверенность в необходимости этого шага заставила снова закрыть глаза и погрузиться в темноту.

«Вдох-выдох, вдох-выдох».

Я вынырнула в реальный мир и задышала, как рыба, выброшенная на берег. В этот раз мое поведение не могло остаться незамеченным. Споры стихли, мне принесли стакан воды. Делая жадные глотки, я лихорадочно пыталась понять, что происходит.

«Я не хотел убивать вашего брата».

«Будьте осторожны с ним».

«Смерть, боль и слезы!»

«Кара, ты изменилась».

«Стойте! Не трогайте ребенка».

Воспоминания ураганом завертелись в голове, я застонала, массируя виски пальцами.

— Кара! — Рок был встревожен уже не на шутку. — Прервите совещание. Ее Величеству плохо!

— Лекаря!
— Все в порядке, Рок, — слабо сказала я и замерла с приоткрытыми губами.

Рок.

Я вспомнила его взгляд перед схваткой Воина и Света и затем то неясное чувство, кольнувшее меня уже на собственном поединке. В памяти всплыло напряженное, будто сведенное судорогой лицо Воина — слишком отрешенное, слишком... странное. Тогда он застыл буквально на несколько мгновений, но этого мне хватило, чтобы нанести удар.

Везение или...

Сердце пропустило удар, я заледенела.

«Этого не может быть... Нет!»

Но именно такое объяснение укладывало все кусочки головоломки в единое целое.

Не чувствуя ног, покачиваясь, я встала и обвела всех присутствующих долгим взглядом. Их лица выражали целую гамму чувств: от искренней тревоги до тайного злорадства.

— Ваше Высочество, ваша страна может уплатить контрибуцию в следующем году. Мы подпишем мирный договор.

— Что?!

— Но Ваше Величество...

— Позвольте взять хотя бы пару их городов в качестве компенсации!

— Ваше Величество!!!

— Молчать! — негромко, но веско сказала я, и все примолкли, испуганно переглядываясь между собой.

Злость полыхала во мне, дар внутри трепетал и рвался на свободу. Впервые я поняла слова Кармы о темной тропе. Она действительно была, и я ступила на нее.

В гнетущей тишине, наполненной невысказанным страхом, первым заговорил Ворон:

— Благодарю Ваше Величество за проявленное милосердие.

Он поклонился и прямо посмотрел на меня.

— Не стоит его больше испытывать, — сквозь зубы процедила я. — Надеюсь, вы запомните, что с соседями лучше дружить, чем воевать.

— Конечно, Ваше Величество.

— Кара...

Я проигнорировала мужа и потребовала, чтобы мне принесли договор. А сама старалась ни о чем не думать, потому что опасалась, вдруг Рок подслушает мои мысли.

— Вот здесь, Ваше Величество, — услужливо подсказал Мир, поднося мне документ и перо.

Я пробежала глазами текст и широким росчерком поставила точку в военной кампании против кирков.

Затем подняла голову и встретилась взглядом с Варом. Тот смотрел настороженно, но как будто сочувственно. Кажется, он о чем-то догадался.

Я с трудом дождалась окончания словесных реверансов. Ворон на прощание поцеловал мне руку и посмотрел чуть дольше, чем того требовали приличия. Я равнодушно проигнорировала его внимание.

— Все вон! — ровно сказала я, как только делегация кирков скрылась за дверью.

Никому не потребовалось повторять дважды.
— Зря ты так, Кара, — мирно заметил Рок, когда мы остались наедине. — Ворон еще доставит тебе немало хлопот.

— А как насчет тебя? — Я так резко обернулась в его сторону, что несколько прядей выпало из высокой прически.

Я в раздражении коснулась рукой короны и буквально вырвала ее вместе с несколькими волосками. Венец пролетел по столу и с глухим стуком остановился на другом его конце, чуть свесившись с края.

— Кара, о чем...

— Что ты скрыл, Рок? — зло спросила я, вглядываясь в его лицо. — О каком своем даре умолчал?

Повисла пауза. Рок осторожно дошел до короны, взял ее и принялся отрешенно обводить выступы кончиками подрагивающих пальцев.

— Значит, ты догадалась...

— Ты умеешь не только слышать мысли, но и винуть их, верно? Рок! — закричала я и ударила ладонью по столу. — Посмотри на меня и только попробуй согнать.

— Это правда, Кара, — тихо сказал он и поднял на меня взгляд. Его плечи опустились, муж будто растерял изрядную долю своей природной грации. — Я действительно могу внушить мысли. Не чувства, — горько добавил он, и глаза его влажно блеснули, — с ними этот трюк не проходит. Я не могу заставить кого-то полюбить себя.

— Но сделать что-то, что кажется тебе верным, вполне?

— Да, — просто сказал Рок. Он смотрел мне прямо в лицо и не отводил глаз. В них я разглядела отчаяние, решительность и надежду — гремучую смесь, которая вот-вот должна была полыхнуть. — Но только если человек мне доверяет.

Я доверяла. Воин наверняка тоже.

Я сжала кулаки и спокойно, стараясь, чтобы голос не дрожал, не то спросила, не то констатировала:

— Это ты заставил меня отдать приказ об убийстве Надежды?

— Да.

— И тогда, когда я выжигала землю кирков, и сейчас, на совещании, тоже был ты?

— Да.

Я помолчала, меня тряслось. Я выдохнула и задала самый важный вопрос:

— Когда я сражалась с Воином... Это ведь ты остановил его? Всего на пару мгновений приказал замереть.

— Кара...

Рок зашагал ко мне, по-прежнему держа корону в руках. Но я помотала головой и попятилась от него.

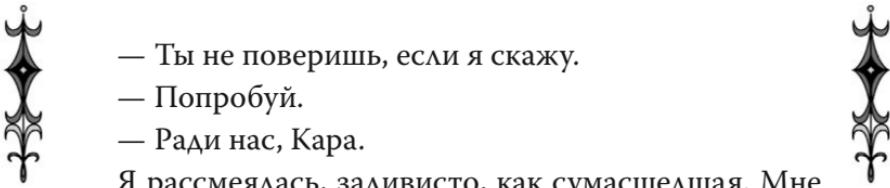
— И Свет... Ты ведь внушил Воину мысль вызвать моего брата на поединок, верно?

Рок молчал, продолжая приближаться ко мне, и я закричала что было силы:

— Не лги мне!!!

— Да, Кара, — едва слышно ответил наконец он. — Это действительно был я.

— Ты, всегда ты... — пробормотала я. Слезы катились по лицу, оседали на губах и срывались с подбородка. — Зачем, Рок, ради предков, зачем?

— Ты не поверишь, если я скажу.

— Попробуй.

— Ради нас, Кара.

Я рассмеялась, заливисто, как сумасшедшая. Мне казалось, разум действительно оставляет меня.

Я уперлась спиной в стену и истерично смеялась, откинув голову назад, пока Рок не схватил меня за плечи и не встряхнул.

— Кара, посмотри на меня! — Он вынудил взглянуть ему в глаза и продолжил — торопливо, смятенно, лихорадочно: — Всю жизнь, с самого рождения, я ненавидел свой дар. Думаешь, я был счастлив постоянно слышать о том, как отец не выносит сам мой вид, а братья презирают? Никто никогда не любил меня. Я был одинок, невыносимо одинок, пока не встретил тебя...

— Да о чём ты го...

— Кара, послушай! Я знал тебя еще задолго до нашей встречи! Еще мальчишкой грезил о тебе. В видении ты была прекрасна: гордая, сильная, смелая и жестокая королева Кара.

— Жестокая? — повторила я. Мне больше не хотелось смеяться и стало по-настоящему страшно. Рок выглядел как человек, который балансирует на грани. Я не знала, что он сделает в следующее мгновение.

— Да. Ты огнем и мечом проходилась по своим врагам, как истинная Кара богов — вестница их гнева. За тобой текли реки крови и полыхали земли. Я слышал крики детей и звон мечей.

Я словно тоже увидела эту картинку.

Огненное марево вспыхивает где-то на горизонте. Я стою на балконе своего дворца и, облокотившись на перила, победно усмехаюсь. Ветер треплет мое платье ярко-алого цвета, на белоснежных волосах сверкает корона. Я оборачиваюсь к кому-то за своей спиной и крепко целую в губы. Черные волосы мужчины рассыпаются из низкого хвоста и падают ему на лицо. Лишь когда он счастливо улыбается и отстраняется от меня, я понимаю, кто передо мной — Рок.

Я зажмурилась.

— Хватит! — закричала я, обхватывая голову руками. — Прекрати лезть в мой разум!

— Видишь? — спросил Рок, сильнее сжимая плечи. — Видишь, как ты прекрасна?

— Это не я!

— Ты, Кара, ты! Та, кем ты должна стать. Это твоя судьба!

Я в смятении смотрела на Рока. Он видел будущее и имел над ним какую-то власть. Отчаяние прокатилось по душе и ледянной иглой пронзило сердце.

— Я увидел тебя много лет назад, — горячо продолжил Рок. — Ты, воспоминания о твоем образе давали мне силы жить. Я вставал с мыслью, что начался еще один день, приближающий меня к тебе. — Он судорожно склонил голову и снова заговорил — так быстро, что казалось, слова жгли ему язык: — Думаешь, ты была несчастна в детстве? О, Кара, какое заблуждение! Ты ничего не знаешь об одиночестве! У тебя был любящий брат и сестры, а у меня — никого. Только ты, только наша любовь, только ожидание нашей встречи...

— Когда ты впервые воспользовался своей властью надо мной? — как можно спокойнее спросила я, а затем не выдержала и почти завизжала, обиженно и уязвленно, словно какая-то дворовая шавка, получившая пинок от хозяина. — Когда стал вкладывать мне в голову свои мысли, Рок?!

— После возвращения из поселения.

— Почему именно тогда?

— Там, на поляне у вечернего костра, ты, Кара, должна была признаться мне в любви. Я помню этот момент из видения! Я так часто вызывал его в памяти, что затер до дыр. Но... Ты этого не сделала. Почему? Кара, почему?

Я молчала, грудь вздымалась часто и тяжело. Рок долго ждал ответа, а затем глухо сказал:

— Тогда я понял, что будущее меняется слишком сильно. И если я хочу, чтобы мы были вместе, как в моих видениях, мне нужно...

— Сделать из меня ту королеву, что ты когда-то увидел, — прошептала я.

— Да, — согласился он. — Ради нашей любви.

— Ты понимаешь, что полюбил не меня, а чудовище из своих видений?! — вновь закричала я и стряхнула его руки.

— Неправда, — медленно проговорил он, смотря мне в глаза. — Ты именно такая, Кара, как я увидел. Просто сдерживаешь себя. Не нужно.

Беззвучный крик сорвался с губ. Я зажала рукой рот, не в силах произнести ни слова.

— Мне все равно, насколько ты жестока, Кара, — мягко сказал Рок. — Не иди против своей природы.

— Но я вовсе не такая, — упрямко пробормотала я.

— Значит, ты должна ею стать! — настойчиво проговорил Рок. Он перехватил корону, которую все еще держал в руке, и с трепетом возложил мне на голову. — Только тогда мы будем счастливы. Нужно просто следовать видению.

Мир рушился. Мне казалось, что я снова лечу в пропасть, только уже никогда не вынырну из воды. Легкие жгло огнем. Внутри меня что-то надломилось, застонало и сжало так сильно, что я даже выдохнуть не могла. Лицо горело от слез, в горле словно застряла кость.

— Зачем ты это сделал? Зачем убил Света?

— Я ждал, Кара. Ждал и ждал. Воин должен был вызвать твоего брата на поединок, я видел это! Но что-то пошло не так... И мне пришлось немного подтолкнуть колесо судьбы в нужном направлении.

Мое бешено стучащее сердце вдруг замедлилось; казалось, оно заиндевело, покрылось коркой льда, а затем рассыпалось, оставляя после себя лишь мелкое крошево. Было так больно, что хотелось умереть.

— Кара. — Рок снова заглянул мне в глаза. Его лицо, бледное, обеспокоенное и такое родное, заставило содрогнуться от боли. — Мне жаль, безумно жаль, что пришлось... Но иначе бы будущее, наше будущее, могло и не наступить. Понимаешь?

Я кивнула, молча глотая слезы. В висках стучали молоточки.

— Мне не нужна власть или титул. Все, к чему я стремлюсь всем сердцем, — быть с тобой. Я готов заплатить любую цену.

— Я не хочу быть... такой.
— Но тебе придется! — повысил голос Рок. — Боги определили твою судьбу, Кара. Ты не имеешь права спорить. Ты должна быть со мной!

Я отрешенно смотрела на Рока. Боль уступила место холodu, и сейчас я с равнодушием взирала на все попытки достучаться до меня. В груди расползлась зияющая пустота.

— Кара, послушай, — снова принялялся увершевать Рок, — я больше никогда не буду тебе лгать. Мы станем делать все вместе, слышишь? Будем идти по жизни рука об руку. Я и ты, слышишь? — Он встяжнул меня, а затем отступил назад и протянул мне раскрытую ладонь. — Я сделаю для тебя все, что пожелаешь. Стану тем, о ком ты мечтала. Только прошу, будь со мной, доверься мне. Перестань сдерживать себя.

Я молча посмотрела в глаза Рока, ища в них какую-то надежду для себя. Не нашла. Он верил в то, что говорил.

— Кара, умоляю, не отталкивай меня. Только не ты...

— Я никогда не буду с тобой, Рок. И никогда не стану той, о ком ты грезил. И ни у кого — ни у тебя, ни у богов — не хватит власти изменить это.

Я отстранилась от стены, оттолкнула руку Рока и зашагала к двери, не оборачиваясь.

— Кара!

Дымка вновь заволокла разум, на сей раз это было болезненно, и я закричала, падая на колени:

— Рок!

— Прошу, не сопротивляйся! Я не могу тебя потерять...

— Вон из моей головы! — Я практически скулила, скавшись в комочек на полу.

— Кара, я не хочу делать тебе больно. Просто позволь мне изменить твое решение...

Ярость — природная, первобытная — вспыхнула во мне, и я, щурясь от боли, подняла голову.

— Никто, — прошептала я, цедя каждое слово, — никогда не будет иметь надо мной такой власти.

И закрыла глаза, падая в темноту. Она гостеприимно встретила меня знакомой пульсацией и мерцающим светом. Я дрожала, когда мысленно коснулась узелков на нитях жизни Рока. Тех, что связывали меня с ним.

— Кара, прошу...

Боль в голове нарастила. Казалось, что сейчас я разлечусь на тысячи осколков, и тогда я закричала. Узелок под моей рукой дернулся, а затем развязался. За ним еще один и еще. Вокруг меня закружился черный снег, его было так много, что в горле запершило, и я заскрипела. Боль, словно клеймо, обожгла тело. С губ сорвался крик.

Я вернула свое. Мои нити были целы, но нити Рока без моей силы обратились в пепел.

Темнота выплюнула меня, и я, тяжело дыша, открыла глаза.

Надо мной, покачиваясь, стоял Рок. Его пронзительные голубые глаза, в которые я так любила заглядывать, стремительно стекленели.

— Кара... — прошептал он в последний раз и рухнул на пол рядом со мной.

На меня накатило отчаяние. Не в силах встать, я подползла к нему, положила его голову себе на колени и завыла, громко и протяжно, как раненый зверь.

Когда в зал ворвался Ник вместе со стражей, я уже тихо подвывала, гладя Рока по голове и пропуская черные пряди его волос сквозь пальцы.

— Боги, Рок.... Зачем... Зачем?!

В пустом храме звук моих шагов гулким эхом разносился под высокими сводами и замирал где-то под расписным потолком. Погребальный костер состоится вечером, и сейчас, в полдень, в храме никого не было.

Кроме разве что...

Я подошла к роскошному резному ложу из черного дуба и заглянула внутрь. Рок, лежащий на нем в своем лучшем наряде, выглядел непривычно умиротворенным. Казалось, что он прилег на минутку и заснул.

Я много плакала, и глаза оставались сухими даже теперь, когда сердце сжималось так сильно, будто хотело взорваться и разлететься сотней кровавых ошметков.

Я протянула руку и осторожно коснулась лба Рока, пальцы отправились в путешествие по его лицу.

— Мы могли быть счастливы вместе, — негромко сказала я, очерчивая пальцами его брови и спускаясь ниже, к губам. — Кто знает, если бы мы оба исполнили свой долг перед законом и отправились в добровольное изгнание... Возможно, мы встретились бы

в поселении... — Я сглотнула и горько добавила: — И были бы счастливы. Без короны, без поединка, без твоей одержимости мною наша жизнь могла сложиться совсем иначе.

Вдалеке едва слышно скрипнула дверь, и я замолчала. Не оборачиваясь, вслушивалась в тихие осторожные шаги. Я догадывалась, кто решил навестить меня.

— Пришли посмотреть на то, как свершилось ваше пророчество? — холодно спросила я, когда Карма, опираясь на клюку, подошла к ложу.

— Как живой, надо же! — пробормотала она. — Да простят его боги.

Я промолчала, неотрывно всматриваясь в закрытые глаза Рока. Я ненавидела его за смерть брата, за все то, что он сделал со мной, но при этом непостижимым образом любила его и страдала от невыносимой утраты.

— Да разве свершилось мое пророчество? — прохала Карма. — Я же совсем другое видела, Ваше Величество...

Я вцепилась в старуху взглядом. Той стало неловко от моего внимания, и она, опустив голову, заговорила:

— Не ваш муж должен был умереть. А ваша сестра — от рук врагов. Кирки, они ведь мстительные! Особенно когда забирают у них города и еду.

Я заледенела. Будущее — то, которого я избежала, — ярко простило передо мной, завертело в своих темных красках и отпустило. Я оперлась ладонями на ложе и сделала несколько глубоких вдохов.

— Значит...

— Снова вы обманули богов, Ваше Величество, — покачала головой Карма. — Не знаю как, но ускользнули от судьбы.

Молчание обрушилось и повисло между нами. В тишине отчетливо было слышно шипение свечей.

— Почему у меня получилось — тогда и сейчас? — наконец спросила я. — Рок видел совсем другое... Это из-за того, что он вмешался в ход событий?

— Кто знает... — глубокомысленно протянула Карма. — Будущее, Ваше Величество, оно ведь как неспокойная река: кажется, не перебороть его течения и легче плыть, куда несет, но если начать трепыхаться... Кто знает, к какому берегу вас прибьет...

Она подняла глаза, рассматривая рисунки на потолке, и после паузы продолжила:

— В вашей жизни еще будет любовь, Ваше Величество.

Я горько усмехнулась.

— В моей жизни было двое мужчин. Один любит ту, кем я была прежде, а другой, — я снова посмотрела на Рока, — ту, кем я могла бы стать, но никогда не стану.

Карма покряхтела, неловко помолчала, а затем похлопала меня по руке.

— Вы справитесь, Ваше Величество. Вы сильная.

Она, покашливая, заковыляла к выходу из храма. Я проводила ее взглядом и снова отвернулась, всматриваясь в дорогое лицо. Быстро наклонилась и торывисто поцеловала Рока в губы, а затем резко выпрямилась и расправила плечи.

— Не знаю, помнишь ли ты, но однажды Рони сказала, что королева в шахматной игре невероятно силь-

на. Тогда я заметила, что, несмотря на это, игра заканчивается со смертью короля. Так вот, Рок, игра окончена, — тихо произнесла я и выдохнула: — Прощай!

Я, сжав руки в кулаки, широким размашистым шагом, который не сдерживал мужской костюм багрового цвета, направилась к дверям.

За ними ждал Ник. При виде меня он подскочил и в волнении заговорил:

— Эта старуха...

— Нестрашно, — сказала я, останавливая его рукой.

Это действительно было так. В целом мире осталось мало вещей, способных меня испугать.

Я уверенно шагала по коридорам дворца. Слуги улыбались, приседали и торопливо разбегались при виде меня. Я шла, словно не видя ничего вокруг. Голова гордо поднята, глаза задумчиво смотрят куда-то вдаль.

За моей спиной лежали руины прошлого. Я не знала, что принесет мне новый день, но была готова сражаться, пусть и с самой судьбой, за право быть той, кем являюсь.

ЭПИЛОГ

Кара I (Великая).

Годы правления: 1487–1517. Первая королева в истории королевства Тринадцати кланов. Взошла на престол после триумфальной победы в ритуальном поединке, в котором до этого никогда не участвовали женщины.

Ее правление выпало на сложное время. Королевство подвергалось регулярным нападениям, которые она сумела остановить и сохранить свои земли нетронутыми.

Кара I успешно провела несколько военных кампаний, принесших славу королевству и обезопасивших его от иноземных вторжений на многие годы. Жестко сражаясь с врагом, она прощала его, если тот сдавался на ее милость. Земли, добровольно вошедшие в состав королевства Тринадцати кланов, имели суверенитет и местное самоуправление. Благодаря ее

дальновидной политике экономика заметно окрепла, что принесло жителям небывалое благосостояние и сыграло важную роль в дальнейшем становлении королевства на мировой арене.

Кара I упразднила закон об изгнании и дальнейшей изоляции людей, наделенных особыми талантами. При ней открылись первые школы для одаренных детей. В них наравне с мальчиками обучали и девочек. Кара I специальным указом ввела в качестве обязательных предметов для изучения в женских школах для благородного сословия математику, историю, иностранные языки и фехтование. Она отличалась оригинальностью и дерзостью, позволяла себе появляться на публике в мужском костюме. Постепенно этот перестал считаться таковым и перекочевал в женский гардероб.

Скандалы сопровождали все правление Кары. Один из них разразился, когда в народе прошел слух, что сын побежденного на ритуальном поединке Воина (соперника Кары I) жив. Тогда народное недовольство, вылившееся в мятежи, удалось подавить с помощью нанятых на службу в армию людей с даром.

Нашлись документы, доказывающие, что Вер, сын Воина, действительно не был казнен. Долгое время он жил в отдаленном поместье одного из вассалов королевы, а затем был направлен на обучение в школу для одаренных детей. Вер служил в армии под чужим именем, но его след теряется где-то в присоединенных суверенных землях. В историческом музее «Королевство Тринадцати кланов» хранится предположительно его письмо, в котором он отказывается от встречи с за-

говорщиками, стремящимися совершить дворцовый переворот.

В народе ходили слухи о необычно сильном даре королевы, но официальных доказательств тому нет.

О личной жизни Кары I известно крайне мало. Ее муж — принц-консорт Рок из клана Черного Медведя — скоропостижно скончался от неизвестной болезни. Больше она не выходила замуж. На протяжении жизни у нее было несколько фаворитов, но их имен не осталось в истории.

Из-за нежелания второй раз обзавестись супругом и родить наследника Кара I после своей смерти оставила королевство на грани смуты.

Дворцовый переворот, подготовленный недовольными вождями кланов, так и не был должным образом осуществлен. Большинство людей с даром, дававших присягу королеве, встали на сторону ее сестры Иронии и вскоре, после немногочисленных сражений, возвели ее на престол. Именно при ее сыне (см. правление королевы Иронии), рожденном от брака с принцем-консортом Раздором из клана Бурого Волка, ритуальные поединки были окончательно упразднены.

Во многих городах страны есть памятники и монументы, воздвигнутые в честь Кары I. Она навсегда осталась символом единства людей, обладающих даром, и тех, кто его лишен.

В народе ее прозвали Великой.

Благодарности

Писать благодарности едва ли не сложнее, чем придумывать миры. Дело в том, что в создании истории так или иначе участвует огромное количество людей: от редакторов, корпящих над текстом и логикой повествования, до прохожего с забавными жестами, вдохновившего автора на создание нового персонажа.

И все же я хочу выразить признательность тем, без кого эта книга не появилась бы на свет. Ну или была бы совсем иной.

Я очень благодарна:

— Анне Золотухиной и Елене Музыкантовой, которые провели над текстом столько часов, что даже не сосчитать. Именно благодаря их усилиям история заиграла новыми красками, стала более цельной;

— Анне Неплюевой и всей редакции МИФа за то, что поверили в эту историю тогда, когда даже я уже относилась к ней скептически;

— Алине Melanchalina за невероятную поддержку, которую я не ожидала получить;

— Алекс Анжело за то, что взяла меня за руку и показала нужное направление;

— Насте Власовой за безграничную любовь к моим героям и историям. Ты — одна из немногих, кто за книжными персонажами и выдуманными мирами видит меня и мою настоящую жизнь;

— Яне Артемовой за то, что разделила со мной самый сложный этап в жизни. Лишь ты знаешь, кто стал прообразом героя в этой книге;

— Насте Ильиной и Анне Зенковой за то, что были рядом тогда, когда я в вас нуждалась. Вы стоите у самых истоков моего творчества;

— Аллене Куманской за терпение при работе с самой первой версией текста. Все-таки я написала ту сцену, о которой ты говорила. Просто тогда мне не хватило силенок, чтобы сделать это.

Я безумно признательна каждому, кто болел за эту историю еще до ее выхода на бумаге. Вы лучшие! Без вашей поддержки я бы не проделала весь этот сложный, длинный путь.

И я благодарна тебе, читатель. Тому, кто дошел до последней страницы, прожил вместе со мной эту историю, а значит, тоже вложил в нее частичку себя. Спасибо!

Оглавление

Часть I. Дебют

7

Часть II. Середина игры

129

Часть III. Эндшпиль

277

МИФ Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

*Литературно-художественное издание
Red Violet. Темные миры*

Власова Ксения

Рок и Кара

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Анна Золотухина*

Литературный редактор *Елена Музыкантова*

Арт-директор *Вера Голосова*

Иллюстрации обложки и форзацев *Саша Рейн*

Верстка *Айшат Илюшина*

Корректоры *Анна Быкова, Юлия Молокова*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifbooks

**ОН – ЧИТАЕТ ПРОШЛОЕ
И ЗАГЛЯДЫВАЕТ В БУДУЩЕЕ.
ОНА – ПОВЕЛЕВАЕТ НИТЯМИ СУДЬБЫ.**

**НЕБЕСНАЯ КАРА ИЛИ ЗЛЫЙ РОК?
ВМЕСТЕ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ
СТАТЬ ВОЗМЕЗДИЕМ. Но СУДЬБА
РАСПОРЯДИЛАСЬ ИНАЧЕ.**

#yamif

Иллюстрация на обложке и форзацах – Саша Рейн

9 785001 958154 ^

МИФ

mann-ivanov-ferber.ru

@mifbooks